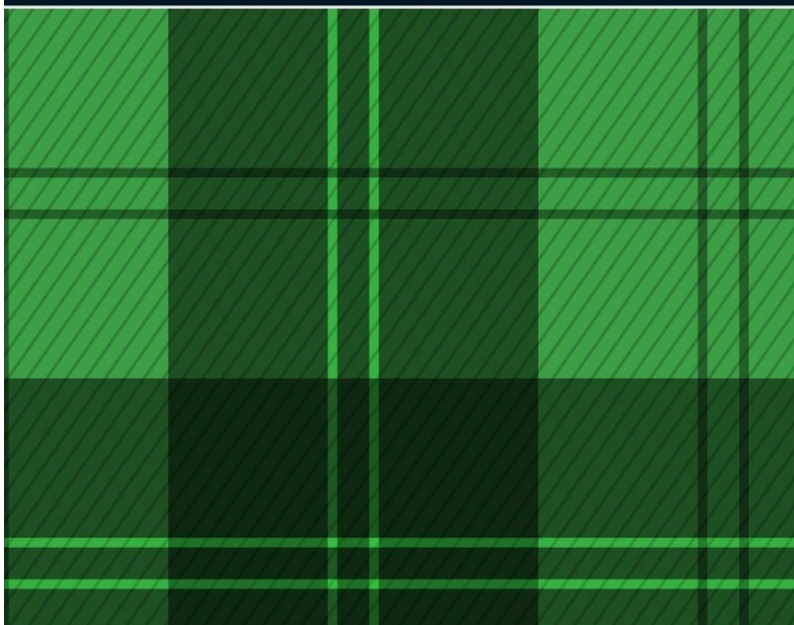

Кэтрин МакФлай

*Роковая
клятва*

Кэтрин МакФлай
Роковая клятва. Том 1.
Фаворит фортуны. Том
2. Орден проклятых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42350732

ISBN 9785449668219

Аннотация

Данное произведение бросает вызов всей литературе своей необычностью. Это первый роман в стихах в жанре исторического фэнтези. Главный герой – Уильям МакЛелланд, шотландский герцог, в детстве становится свидетелем смерти своего отца и дает ему клятву отомстить его убийцам, вступив в тайный орден и найдя книгу всевластия, за которую убит его отец. Сможет ли сын исполнить клятву отцу и освободить Родину? Возможно ли изменить судьбу, поставив на карту собственную жизнь и любовь?

Содержание

Аннотация	5
Том I. Фаворит Фортуны	39
Глава 2	69
Глава 3	77
Глава 5	84
Глава 6	92
– Я	119
Глава 7	146
Глава 8	150
Глава 9	162
– Я	194
Глава 10	196
Глава 11	206
Глава 12	220
Глава 13	230
Глава 14	310
Глава 15	383
Конец ознакомительного фрагмента.	429

Роковая клятва
Том 1. Фаворит фортуны.
Том 2. Орден проклятых

Кэтрин МакФлай

© Кэтрин МакФлай, 2019

ISBN 978-5-4496-6821-9 (т. 1, 2)

ISBN 978-5-4496-6822-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2015—2019

Аннотация

Данное произведение бросает вызов всей литературе своей необычностью. Это первый роман в стихах в жанре «историческое фэнтези».

Главный герой – Уильям МакЛелланд, шотландский герцог в детстве становится свидетелем смерти своего отца и дает ему клятву отомстить его убийцам, вступив в тайный орден и найдя книгу всевластия, за которую убит его отец.

Сможет ли сын исполнить клятву отцу и освободить Родину? Возможно ли изменить судьбу, поставив на карту собственную жизнь и любовь?

«Вся жизнь – как пламя на ветру» —
Такой эпиграф изберу.

Пролог

Мы, как заря на горизонте,
исчезнем: грех и мудрость вся.
Но вы минувшего не троньте:
ведь мы, слова произнеся,
бросаем клятвы все в огонь те,
что были искренне даны.

Сперва не знаем им цены.
Затем, всю жизнь скитаясь между
добром в тени и блеском зла,
мы предаём огню надежду
(понять в чём жизни суть была),
И в нём сгораем мы дотла.

Одну поведать из историй
хочу. Она произошла
среди Шотландии нагорий
в тени долин, озёр и рек,
под шум балов в далёкий век
среди интриг и войн. И снова
я вспомню, чтоб забыть навек
про то опаснейшее слово,
какому предан человек.

То клятвы слово роковое.
Его не молви никому.
Оно – как вызов пред судьбою.
И вот один пример тому.

Предыстория

В пучину моря низвергался
поток бурным водопад,

фонтаном в пену разбивался,
где камни гордый берег теснят.
Простор туманом был объят.
И горизонт огни венчали.
По небу тучи проплывали.
Он на краю скалы стоял
и взор на волны устремлял.
Они неслись, неслись валами,
и мириады брызг волнами
вздымались, будто бы прибой
предвозвещал неравный бой.

Не ведал страха он ни малость,
Придя инкогнито. Казалось,
В его глазах был отражён
небесный лёд, блестя огнём.

По ветру кудри развевались.
Он был одетым в чёрный плащ,
В осанке видно благородство.
А в синем взоре – превосходство,
что был, как звёзды, леденящ.

Он был красив, в движеньях быстр
и звали оно Алистер
МакЛелланд. Где-то тридцать пять

ему тогда было, видать.

Расшитый золотом камзол
из-под плаща виднелся. Полы
его накидки и камзола
метались ветром. Отошёл
от края бездны шага с два
Алистер, даль окинул взором, —
туман клубился над простором,
сгущались сумерки едва.

Не видно солнца и заката.
Похоже, близилась гроза.
Низки и мрачны небеса
оттенка серого агата.

«Шотландский север, остров Скай,
Знакомый с детства горный край,
где скалы, – будто изваянья,
в твоём величье нет тепла,
как и во мне нет раскаянья. —

Такою мысль его была. —

Приехал я сюда на север,
где только горы, мох да клевер,

дабы узнать судьбу свою,
ведь я в безвестности стою!

Сегодня силы колдовские
царят в Шотландии. Они
выходят в Самайн¹ из тени.
Судьбу укажут мне стихии.»

Никто не знал среди придворных,
что он, – язычник и колдун,
взывает в Самайна канун
к стихиям, силе непокорных.
И инквизиции никак
он не боится, мысля так:

«Презрел я боль, любовь и страх
без раскаяний на устах.

¹ Самайн – один из самых важных кельтских праздников порога, обозначающий окончание светлой половины года, лета, и начало тёмной половины года, зимы. Это – кельтский праздник окончания уборки урожая. Самайн – тёмное время, время, когда земля перестает принадлежать человеку, и хозяевами на ней на четверть года становятся духи. Во время Самайна духи мёртвых приходят навестить своих живых родственников. Это время страхов, когда на землю выходят самые разные пугающие существа – призраки, блуждающие огни, тени. На Самайн все миры пребывают в равновесии и равно открыты друг для друга. Мало-помалу Самайн стал Днем Всех Святых, а отголоском почитания духов остался канун праздника, всем известный как Хеллоуин. Отмечается в ночь с 31.10 на 1.11.

Я не склонялся ни пред кем.
Я предавался мятежу.
И не склонюсь, поскольку всем
простых людей превосхожу.

Но оправдать бы не смогла
меня земля: грехом полна
в своём бессилии она.
Мне – не судья земная мгла.

А небеса, где льет луна
свой серебристый яркий свет,
хранят для праведных завет...

Мне говорят: моя напасть —
желанье власти и тщеславье.
Но разве в выборе не прав я?
Я не могу как люди пасть. —

С презреньем усмехнулся вдаль он. —

Конец их жалок и печален.
Они, грехам предавшись всласть,
желают благ себе и счастья.
А я давно избрал бесстрастье.

В нём – сила, знание и власть.
Когда ты слаб, – тогда людьми
ты предан. А познаешь страсть —
бездарен будешь как они.

Я – не таков, ведь я Алистер
МакЛелланд. Дар не зря мне дан.
Но жизнь, как будто сей туман,
мерцает сотней тысяч искр
успеха, славу мне сулит.
Но мой триумф обманом скрыт...»

Взглянул он гордо вниз с утёса.
Свергался в море водопад;
и брызги реяли белёсо,
где камни воду в пыль дробят.

Ещё свинцовой тучи стали.
На горы опускалась ночь.
В тумане растворялись дали,
стирая краски мира прочь.

«Итак, сегодня всё узнаю,
придя к заоблачному краю
туманных дальних берегов.

Но к правде буду я готов?»

Он встал на край, смотря в пучину.

(Внизу отвесен был утёс)

Заклятье громко произнёс.

Оно с ветрами воедино

под рокот бурных волн слилось.

«Внимайте, грозные стихии!

Передо мной – морская ширь.

Взываю с рубежа земли я!

О, воля, ты – мне поводырь!

Даруй же мне, стихия, силу! —

Он руки в стороны простёр,

и к небу поднял гордый взор, —

велю, чтоб ты судьбу открыла!»

Он меч старинный обнажил

и на земле им начертил

вокруг себя кольцо из рун.

И заклинал затем колдун:

«Ветра, даруйте силу мне.

В извечной буре ль, тишине,

под сенью древ или меж гор

вы весь объемлете простор. —

Он продолжал, закрыв глаза. —

Имею власть над вами я!»

И, меч воздевши в небеса,
он приказал: «Взываю я
силою, данной мне извне,
о, ветры, подчинитесь мне!» —

Всё громче были заклинанья.
Меча держал он рукоять,
рисуя в ветре начертанья
старинных кельтских рун опять.

«Покой дарован до поры вам!
О, ветры, вы, в тиши дремля,
освобождаетесь порывом.
Услышь призывы, о земля!

Пускай откроет грозный шквал
познание мне!» – Он приказал.

Ветра крепчали над простором
с рокот волн катился морем.

И поднял меч он высоко.
«Ветра долин Глэнстрэ, Глэнко²,
услышите зов! Огонь, взываю,
с тобой мой дух отождествлён,
явись и будь освобождён!
Явись за ветром в этом крае!» —

Едва слова договорил,
Алистер в землю меч вонзил,
и пламя вспыхнуло кольцом
вокруг него в тот миг. Потом
клинок он вынул из земли.

Огонь обвёл он остриём,
сказав: «Меня не опали,
а покажи судьбу мою.
Когда я дождь с небес пролью,
пусть отразят огонь и сталь,
и ветер – будущего даль.
Что уготовано судьбой,
как долог будет путь земной?»

Он заклинал ветра и гром.
Чертил он знаки над огнём.

² Глэнстрэ, Глэнко – земли высокогорной Шотландии

«Яви в виденьях жребий мой.
Я властен, властен над тобой!»

Поднялся ветер, дождь хлестал.
В огне Алистер увидал,
как пал сражѣнным на рассвете.
Он увидал в крови клинки
своих убийц; но, вопреки
заклятью, скрыты лица эти.
Рассвет был ярок. Только глас
он услышал, от силуэта:
«Тебе – за то, что предал нас!»
И конский храп раздался где-то.

«Я лиц не в силах различить!
Взываю! Отвечай, стихия,
кто люди эти? Кто такие?
Зарница! Путеводна нить
твоя! – (И молнии зигзагом
в выси сверкнули перед магом,
не показав).
– Тогда спросить:
«Как этот рок переменить?» —
придѣтся не у вас мне. Что же,
тогда мне дух теней поможет.

Да, так и быть! Сомненья – прочь.
Свершу сегодня в эту ночь
опасный древний ритуал.

Когда о смерти я узнал,
мне больше нечего терять.

Я брошу вызов всем опять
и изменю смертельный рок,
что изменить никто не мог.

Мои убийцы – жалкий люд!
Не я, – пускай они умрут!

Мне нужно знать их имена,
чтоб ритуал проделать тут.
И отомстить сейчас сполна
за несодеянное зло,
что пламя ныне предрекло.

Я знаю: делать то нельзя.
Немилосердна та стезя.

Но так всевластие пьянит!
И знание, что в моих руках —

моя судьба, что буду квит
с врагом; потерпят козни крах.

Кто замахнётся на меня, —
погибнет сам, судьбу кляня!»

Стихии в полночь бушевали,
ветра осенние неслись,
а искры яркие взметали
костёр в темнеющую высь.

Вдали слышны раскаты грома.
Волна, одна другой влекома,
врезалась с грохотом в скалу,
подвластна буре, наступая
на берег. И назад во мглу
её звала вся мощь морская.

Стихию грозно заклиная,
и властно духа призывая,
колдун опять воззвал к огню
(я тайну слова сохраню),
затем к ветрам, земле, воде.

В ночной безлунной темноте
он заклинания читал,

смотря на моря первозданность,
затем – во пламя; и, казалось:
огонь в его глазах блистал.

Шумели волны, нёсся ветер,
и небосвод от молний светел
внезапно стал, когда призвал
он духа. Тенью тот предстал
в кольце огня, сказав зловеще:

– Нарушил смертный мой покой. —
(Слова под гром звучали резче). —
Ты говорить хотел со мной?

Никто не смел ко мне взывать,
кто человеком коротать
обязан краткий путь земной.
Ты – первый, кто был таковой.

[Алистер]

– Я – жрец извечного огня.
Судьбу узнал сегодня я.

Виденье было мне дано,
что рано погибнуть суждено.

Я бой увидел досветла.
И смерть моя страшна была.

Судьбу хочу переменить.
И потому тебя просить
о том сейчас намерен я.
Ты знание в силах даровать.
Мне дай ответ! Хочу я знать,
как рок коварный поменять?

[Дух]

– Надменный, вижу, ты гордец!
Правленью твоему конец,
Алистер, уж давно приходит,
но в заблужденье тебя вводит
успехов лавровый венец,
желанье властвовать и славы.
Но ради той мирской забавы
над жизнью смертным не царить.
Не в силах рок вы изменить
и свить судьбы иную нить.

[Алистер]

– Ты должен будешь мне помочь!

[Дух]

– Не смей приказывать мне!

«Прочь!» —

Сказал Алистер духу грозно
когда к нему метнулась тень,
и стала ночь светла, как день,
от трёх зарниц молниеносно.

И снова дух — в плену огня.

[Алистер]

— Решил испытывать меня?

[Дух]

— Глупец, как смел предполагать,
что стану смертным помогать?
Из века в век и власть, и слава
вас манят, в плен к себе зовут.
Всегда иллюзия лукава,
играет в ней надменный люд.

Ничто тебя не защищает!
Я завладеть могу тобой
и отобрать души покой, —
и ты умрёшь, себе ища яд!

Без пентаграммы ритуал
ты совершил у этих скал!

[Алистер]

– Огня сиянье – мне защита.
Твой мрак и злые козни чьи-то —
пленить не сможете меня! —

Опять, дистанций не храня,
метнулся дух к нему. Алистер
поднял рукою тучу искр.
Заклятья снова раздались:
«Моей ты воле подчинись!».
И тут же дух теней отпрянул,
и жуткий гром по небу грянул.

[Дух]

– Я вижу, смертный возомнил,
что сила воли безгранична,
что властвовать единолично
тебе никто не возбранил.
За дерзость ты свою заплатишь!
И даром силы все истратишь.
Не думай, что – непобедим,
ведь славы миг – неуловим.

Я вижу: смерть твоя близка,
и над тобой врага рука
занесена уже с тех пор,
когда судьбе наперекор
решил ты клятву преступить.
Она крепка, как судеб нить!

Сними заклятье до зари
и начертанья изотри
старинных рун на сей земле!
Ты увидел свою судьбу.
Ты жизнь отдашь в рассветной мгле.
Оставь напрасную борьбу!

Неделю жить тебе дано
а полная луна взойдёт,
умрёшь, Алистер, всё равно
на берегу у тихих вод.

[Алистер]

– Кто враг? Хочу я имя знать,
кем предан буду вероломно?!

[Дух]

– О, ты узнаешь сам невольно!
Не повторяй вопрос опять!

Запомни: всё конец имеет, —
что дорого тебе – истлеет
в огне, Алистер. Посему
и мага дар верни ему.
Забудь мятежные стремленья!

[Алистер]

– Свою я силу не отдам
ни пламени, ни жалким вам!

[Дух]

– О, нет, огонь – твоё забвенье.
Мятежный путь он освятил.
Он – тайна и источник сил.
Огонь – велик. Он – звёзды ночи,
он – жар костра, светило дня.
Он магу тайну тайн пророчит.

Но вот слабеет власть огня.
И ливень пламя заливают,

Заря близка уже, светает.
На солнце не пленить меня!

[Алистер]

– Ты дать ответы мне обязан!

[Дух]

– Как догорел огонь, – не связан
я больше чарами его.

А не отдашь огню ты силу, —
иной отдаст.

[Алистер]

– О, колдовство
отнять нельзя!

[Дух]

– Неверно б было
так думать. Сил тебя лишит,
кто первым меч с твоим скрестит!

Забвеньё – вот цена тщеславыю!
Хоть ценишь дар ты колдовской
превыше жизни всей людской,
но предсказанье станет явью!
Ты потеряешь, что ценил:
почёт и власть и тайну сил!

[Алистер]

– Ты врѣшь мне! Верно, это – зависть,
к тому, чем вам не завладеть!

[Дух]

– На силу сила же всегда есть!

[Алистер]

– Не на мою, – ты знаешь ведь!

[Дух]

– Обманчив этот день осенний.
Померкли краски лета, и
к концу подходят дни твои... —

Рассвет. Слабеет голос тени.

Донесся шѣпот из тиши:

«Свой путь, Алистер, заверши
в бесславье. Позабудь стремленья
перебороть судьбу. Она
давно Вселенной решена!»

Лучи рассвета озаряют
простор бескрайний. Исчезают
виденья все. Огонь угас
в утра тревожный ранний час.

«Кто смертный враг? – Алистер думал. —

Меня предать кто тайно вздумал?
Кем бы он ни был, кто решится, —
тому придётся поплатиться».

Седлал он быстрого коня,
подумав: «Рок – не для меня!

Я знаю, что мне сделать надо!
Как помышлял давно когда-то, —
заклятий книгу украду.

Она подарит мне всевластье.

И так смертельную беду
заклятьем книги отведу!

Нет, не могу убитым пасть я!

Нелепой смерти жалок вид!

Магистра ордена предам я.

Он книгу тайную хранит.

Рискую хоть попасть на скамьи
для подсудимых. Воровство —
ужасный грех. Но что с того?»

Он пересёк весь север, к югу
скача, к границе, где Дамфрис.
Пять дней. И с гор по акведуку

он по равнине скачет вниз.

В свой дом он прибыл на закате.
Среди деревьев в лучах, как в злате,
его именье средь садов,
сокрыто склонами холмов.
Течёт река в долине близ
Она зовётся речкой Нисс³.
Леса густые за рекой
скрывают дом, храня покой.

«Открыть врата! Милорд вернулся!» —
Алистер гордо оглянулся,
отдав приказ: «Охрану должно
удвоить. Живо! – Непреложно
велел он слугам выполнять. —
Покой чтоб в дом охранять,
вам нужно будет потрудиться.
Не медлить и не обсуждать!
Вели другим распорядиться!
Вам головою отвечать!» —

– Алистер зол, как никогда.
А что случилась за беда?
– Все разговоры на потом,

³ River Nith (Dumfries) – Река Нисс в Дамфрисе, южная Шотландия

иль гнев его вам не знаком? —
Шептались слуги. – Он идёт,
все за работу! Долг не ждёт!

Он шёл по направленью к кузне.
Навстречу из дому – жена
его выходит. Смотрит грустно.
Была красивою она.

Он избегает взгляда с нею,
остановившись на аллее.

– Алистер, где ты пропадал?

И почему спешат лакеи
удвоить стражу?

– Не желал
бы говорить о том тебе я.

– Стихии заклинал у скал?
Твой грех – опасен и смертелен!

– Откуда знаешь это, Эллен?

– Я за тобой следила раз.
Ты колдовал, как день угас.

Грехи те жутки, будто омут.
А инквизиция – страшна!

[Алистер]

– Перекрестись – тебя не тронут.

Сказала с горечью она:

– Я за тебя боюсь!

– Не нужно!

Мне на борьбу довольно сил!

– Ты, значит, всё же ворожил?

– А даже если! Эллиен, что же?

– Открой мне тайну, что узнал!

О чём поведал ритуал?

– Всегда исход иной возможен!

Не решена судьба моя.

А если – да, то всё же я
переменю её, пускай и
при том я вызов всем бросаю.

– Тебя боюсь я иногда...

Мы – незнакомы, хоть года
прошли. Теряюсь в думах я.
Скажи, ты любишь ли меня?

– Мне никого любить не должно.
И жить, как все, – мне невозможно.

Я вверил магии себя,
А маги не живут любя.

Я выбрал путь иной – познание,
незримой силы осязание.

– И что познал за свой ты век?
– Ничтожен в мире человек,
поскольку чувствами пленён,
и оттого коварный рок,
он никогда менять не мог.

Но я – не все. Я чувств лишён.
Себе я чувства не позволю,
как раз позволил. Нет, опять
я не желаю дар терять!

Я смерти не боюсь и боли,
а вот утрата сил – страшна,
когда безвестность – будто тьма.

– Не говори так! Жутки речи!
Ты изменился с первой встречи!

– Да я всё тот же! И другим
я не был – видели таким
все лишь меня. Но полно! Брак —
мне светский долг.

– Но как же так?

– Меня заставила семья.
Хотел молчать об этом я!

К чему любезности с речами?

Она, закрыв лицо руками,
рыдала. Он холодный взгляд
на даму бросил – и назад
он сделал шаг.

– Зачем спросила
меня о чувствах ты? Вопрос
о них твоих не стоит слёз.

– Но я тебя всегда любила...

Зачем ты чувства променял
на колдовство и ритуал?

– Мне дар магический важнее,
а разговоры все – пусты.

Меня задерживаешь ты.
Спешу я, замысел лелея...

– Что собираешься свершить?

– Не знаю страха я теперь!

– Твои слова смогли внушить
тревогу мне!

– Напрасно! Верь,
я, как задумал, буду жить.

И что принять мне суждено —
удел лишь мой. Но мне дано
намного большее, чем всем.

Закончим разговор на сем!

Имею много важных дел.

Прошу простить, когда сумел
тебя в смятенье привести
и пред тобой произнести
слова, каких не ожидала.

Но ты спросила и узнала

Не должно правду ложью счесть.

Сказав, пошёл Алистер в кузню,
врагам обдумывая месть.

Он там мечи ковал искусно,
И вряд ли в их округе был
кузнец Алистера умелей.

Разжѐг огонь и позабыл
взглянуть: не крался ль кто аллеей?

Алистер в кузне меч ковал.

И вот шаги он услышал,
какой-то шорох за спиною.

Припомнил: с полною луною
расстаться с жизнью должен он. —

И этой мыслью одною
он был несказанно взбешѐн.

Он быстро отошёл от горна,
свечи заметив слабый свет.

И с наковальни меч проворно
схватил. «Кто здесь?» – Ответа нет.

Минуя быстро наковальню,
Прошёл он дальше, глядя вдаль.
И вот опешил он буквально:

Клинки скрестились. Искры сталь
фонтаном высекла. Но меч
был твёрд в руке. В сиянье свеч
лицо Алистер увидал.
Пред ним Уильям, сын стоял.
Он юным был, лет десяти.

– Зачем ты здесь?

– Отец, прости!

Он вспомнил тут же духа речи:
«Кто первым меч с твоим скрестит,
тот сил тебя навек лишит!»

«Какая ложь! Тот дух, переча
законам всем, мне подло лгал! —
И нет опасности в помине!»
Алистер думал. И сказал:

– Ты почему ко мне – без стука?
Не смей за мной следить тайком!
Не шутка, не часы досуга
оружье. Всё! Не стой с мечом!
Клади на стол – и живо в дом!

– Отец, я лишь...

– Не зли меня!

Не выношу, когда подходят
ко мне из-за спины, храня
молчанье. Кузня ли заботит
тебя? О, ты – ещё дитя!

Ступай, к себе! Скажу хотя,
удар ты ловко отразил.
Но знай, что никому, Уилл,
оружье скрещивать нельзя,
удар для шутки нанося.

Алистер вышел быстрым шагом,
смотря на новый меч. Он знаком
увенчан был старинных рун,
эфес – рубином и сапфиром.
Он к сыну обернулся.

– Юн

ты для сражений с этим миром.

А в полнолуния канун
не выходи из дома! Это —
приказ мой, как отца и как
лендлорда-герцога. К рассвету
вернись иль раньше. Полумрак
заката лёг уже на горы.

Я скоро еду по делам.
Не покидай же дома сам!
Опасны ночью здесь просторы.

[Уильям, сын]

– Из окон я слышал не раз
грозу ужасную, в тот час,
когда двенадцать бьют часы.
Но не боюсь я той грозы.

– Уильям, да, здесь часто грозы.
Но поздно не ходи во двор.
Не поступай наперекор:
стихия – страшная угроза!

– Я не боюсь её. Всегда
я, будто, слышу в ней подсказки.
И что-то шепчет мне вода,
но что – не знаю. Без опаски
стараюсь разобрать слова.

– Ты разберёшь сейчас едва:
не время!

– А когда?

– О, нету

необходимости сейчас
о тайне спрашивать. И это, —
считай, второй тебе приказ!

Примись за дело, за учёбу,
меня не опозорить чтобы
в грядущем. В дом пора! Идём!
Я титул герцогский имею:
ты унаследуешь его.
И, Боже упаси, позднее
ты опозоришь имя то!

Вручил он сына гувернёру,
а сам пошёл по коридору
в просторный кабинет. Пером
писал он что-то за столом,
скрепляя герцогской печатью
бумаги. Видел часто сын:
его отец при том занятии
не раз листы бросал в камин.

Повсюду были манускрипты
и книги. Что за тайны жёг
Алистер – знать никто не мог.

Когда дверей услышит скрип – то

он закрывал их на замок.

И не пускал он на порог

туда Уильяма. И ночи

он за делами проводил.

К рассвету только выходил,

иль в полночь, слуг уполномочив

запрячь коней. И спал весь дом,

когда он уезжал верхом.

Том I. Фаворит Фортуны

Глава 1

Затишье лунное ночное
царило сонно над землёй.
Поля, холмы и за горою
в садах поместье над рекою
объяты было тишиной.

Не спал Уильям до рассвета.
Прохладный ветер дул в окно.
Он вниз спустился.
– Как давно
отец уехал?
– В десять где-то,
ещё вчера, милорд. – Лакей
ему ответил. Тяжелей
в душе, тревожней как-то стало.
– Когда вернётся, не сказал он?
– Мне жаль расстроить вас, но – нет.
Не спится Вам?
– Я прогуляюсь. —
Он вышел в сад, вернуть пытаюсь
покой. Примерно десять лет
ему в ту пору было. Чувство
тревоги сильной сжало грудь.

Не отогнать и не уснуть.

– Прогулки ночью – безрассудство! —

Услышал голос за спиной
и обернулся.

В лунном свете
стоял отец. – Прогулки эти
опасны, Вильям! Здесь не стой!

Стоял Уильям у причала,
смотря в глаза, не дав ответ.
Казалось, тайна оевала
отца высокий силуэт.

Уилл запомнил ту минуту
навек. Фатальным почему-то
ему казался лунный свет,
что отражался от фигуры
отца, как будто бы с гравюры.
Запомнил каждый он фрагмент:
пейзаж и взор, и тот момент.

Отца был облик совершенен.
Красив, бесстрашен и надменен.
Глаза небесной синевы,
что смотрят в душу, без преграды
читая в ней. Заметить надо:

С трудом поверили бы вы,
что был он смертным человеком.
Такой необычайный взгляд:
Владел секретом будто неким,
Который страшен или свят.

По ветру развевались кудри,
Как лён, спадая ниже плеч,
сияя в лунном перламутре.
Готов он выхватить был меч,
опасность, будто, ожидая.
И воля виделась стальная
во всем: манеры, взгляд и речь.

Он был одет в камзол расшитый
золотым узором, тёмный плащ.
Взглянул на дом, плющом увитый.
А взгляд, – казалось, леденящ.

Стальную волю, непреклонность
таили синие глаза,
за грань как будто устремлённость.

Смотрел Уильям на отца,
сказав: «Могу ль спросить...?»

– Уильям,
не сыпь вопросов избытком.
Я за бумагами сюда

и уезжаю.

– Снова?

– Да!

Алистер был весьма встревожен.

Он посмотрел назад, на лес,

меча придерживав эфес,

который золотом из ножен

сверкал. Под деревом коня

Алистер привязал.

– Меня

ты понял? – В дом! – Вокруг – опасно!

Зачем рискуешь ты напрасно?

– Я ждал тебя...

– Когда б не я

сюда явился, а? Погоня —

за мною! В дом скорее, – понял?

Он просьбу повторил опять.

Но сын не шёл домой. Он знать

хотел, где был отец. Повсюду

желал он следовать за ним.

Но преданность сыновью всю ту

не одобрял отец. Терпим

он был хотя, но тоном властным

он отгонял его всегда.

А сын любил его, хотя

отец был холоден всегда с ним.

Он был советник короля.
В осанке виделось величие.
Ему Дамфрисская земля
и Галловей – всё приграничье
земель шотландских до равнин
английских здесь принадлежало.
И герцога почётный чин,
и званье первого вассала.
король Шотландии вручил
ему, как то и надлежало
за храбрость, патриота пыл.

[Уильям]

– Скажи, отец...

[Алистер]

– Сейчас не мудро
вопросы ставить. Скоро утро.
Успеть мне нужно!

[Уильям]

– Но куда?

[Алистер]

– Покинуть здешние места.

Одной рукой держал он книгу.
Была завернута она
в сукно, хотя слегка видна
обложка с камнем сердолика.
– Позволь взгляну, отец!

– Не трожь!
– Что в ней?
– Старинные заклѣтья.
Не смей!
– Отец, желаю знать я!
– Вопросы ставить мне хорош!
К крыльцу! – Услышал топот конский
Алистер. – Поздно! – Нет! – Скорей
укройся там среди ветвей!

Как горец быстрый каледонский,⁴
рывком он сбросил наземь плащ,
из ножен выхватил палаш.⁵

К нему три всадника скакали.
– Предатель, книгу нам отдашь! —
Ему наездники кричали.
Сверкнули лезвия из стали:
все трое вынули мечи.

[Алистер]

– Я – никогда!

– Ты, – ближе к дому. —
Один скомандовал другому. —

⁴ каледонский – шотландский. Каледония – историческое название горной северной части Шотландии

⁵ меч шотландских горцев со сложным корзинообразным эфесом

Мы окружим, вперёд скачи.

Все трое спешились.

– Предатель!

Один сказал. (Со всех сторон

Алистер ими окружён).

[1 всадник]

– Ты предал нас тщеславья ради ль?

Ты предал орден!

[Алистер]

– Предал я ль?

(Однако странная мораль!)

Не вы, которые скрывали

от нас те знания, что здесь? —

На книгу указал он. – Ждали,

что вам служить срок буду весь,

когда могу я быть владыкой

над всем и вся?

[1 всадник]

– Какая спесь!

Хоть власть была твоя великой,

не отведёшь ты гибель книгой!

[Алистер]

– Со мною вам не совладать!

Взглянул Алистер зло и гордо.
Меча он стиснул рукоять
и отразил ударов пять.

[2 всадник]

– Не знали мы, что подлый вор ты!
Ты главный преступил запрет,
укравши книгу. Мой совет:
верни, Алистер, книгу, или
получат в сердце по ножу
твои жена и сын.

[Алистер]

– Учили ли,
что я семьёй не дорожу?
Убейте их!.. [«...И я не дрогну». —
Уильям только услышал.]

...И наконец разрушьте догму,
что на шантаж я падок стал!

Летели сотни ярких искр,
когда встречалась с сталью сталь.
Дрались отчаянно. Алистер

удары ловко отражал.
Его теснили к речке трое.
Врага ударил он ногою,
и выбил у него кинжал.

[Алистер]

– Как долго к этим знаниям шёл я!
За них платил терпеньем, болью.
Пойду я ныне до конца!

[3 всадник]

– Ты наши преступил запреты!
За то погибнешь на заре ты!

Смотрел Уильям на отца.
Он дрался с ловкостью бойца.

[Алистер]

– Умрёшь ты сам! – И вот раненье
Алистер одному нанёс.
Другой сказал с остервененьем:

– Как смеешь ты, проклятый пёс?!
Ты предал святость нашей клятвы!

[Алистер]

– Вдаётся в пышности тирад вы!

Оставьте это для глупцов!

[1 всадник]

– Раскайся!

[Алистер]

– Нет, я не таков!
Раскайся сам! Ты убиваешь
За власть и своеволие!

[1 всадник]

– Ты
меня, презренный, обвиняешь?

Алистер молвил:

– Что, чисты
твои ли руки?! Ты полбратства
уже казнил за «ренегатство».

[1 всадник]

– В стране и ордене храню
я справедливость и порядок.

[Алистер]

– Мне ваш обман донельзя гадок!

[1 всадник]

– Я пресекаю на корню
поползновенья анархистов.

[Алистер]

– Перед законом ты – не чист,
а я – никак не анархист!

(И вновь удар мечей неистов)

Все трое – против одного.

[1 всадник]

– Опасно в книге колдовство.
Ты не прочёл те строки тайны
из книги. Знаем мы вдвоём.

[Алистер]

– Как хочешь, так и посчитай, но
игру на равных мы ведём.

[1 всадник]

– На равных? Нет! Лишь я хранитель

священных тайн. И долг мне дан:
их от людей беречь, профан!
Магистр братства я, властитель!
И над тобой свершу я суд.
А вы – свидетели мне тут. —
Сказал двоим он.

[2й всадник]

– Да, учитель,
клятвопреступники умрут!

[1 всадник (магистр)]

– Ничто не значат братстве дни те ль
Тебе, обеты наконец?
Вот шанс раскаяться, гордец!

[Алистер]

– Я в братстве был для этой цели.
(На книгу указал)

[1 всадник]

– Подлец!

[Алистер]

– А вы считали неужели,
что мага свой талант раскрыть
я откажусь; смогу быть верным
запретам вашим лицемерным?
Обмана я распутал нить.

От нас вы знания скрывали,
чтоб нами править и страной.
Я верил в орден ваш вначале,
но, понял: верую пустой.

[1 всадник]

– Тебе мы верили, взамен ты
нас предал! Плёл обмана сеть.
Стихией захотел владеть?

А смыли б волны континенты? —
Ведь бесконтролен ритуал,
что в книге некто описал.
Но ты ль над этим размышлял?
Ты – слеп от своего тщеславья!

[Алистер]

– Нет, ясно видеть дар мне дан!

[1 всадник]

– На волю случая оставь я
твой, гордеца, коварный план:
стихией овладеть, – случилось
непоправимое бы. Я
к ворах не проявляю милость.
Предупреждал я, не тая.

[Алистер]

– Да, всех пугаете давно вы,
чтоб те не брались колдовать.
Не допущу я катастрофы.
Я силой воли моря гладь
могу в волнение обращать
и точно так же успокоить.
Покорны ветры мне, гроза.

[1 всадник]

– Огонь бы молний сжёг леса!
О том не знаешь ничего ведь!

[Алистер]

– Ну что вы! Не волнуйтесь за
такое. Воля ведь сильна

моя. Сильнее вдвое вашей.
Не пострадает вид пейзажей!

[1 всадник]

– Гордец ты и для колдуна!

Магистр в тёмном капюшоне,
сказал:

«Я, казни узаконив,
решенье мудрое избрал»

И был Алистер в руку ранен,
и книгу выронить пришлось.

[1 всадник]

– Конец, презренный северянин!

В глазах его сверкнула злость.

[Алистер]

– Конец я вам троим устрою!

И грянул вновь оружий лязг.

Стоял Уильям за листвою.
Его скрывал огромный вяз.

Подумал он: «Как мне спастись
и знать, что я отца не спас?
Обязан как-то я вмешаться.
Но можно ль гибнуть, не боясь?»
И он стоял в оцепененье.
«Я отдал жизнь бы без сомненья...
Конечно б отдал за того,
кто ближе всех, родней всего...»

Мечи сверкали и кинжалы.
Стоял в шагах он тридцати,
но что-то будто бы мешало
ему чуть ближе подойти.

Алистер, делая защиту,
врагов пытался оттолкнуть,
но ранен был смертельно в грудь.

– Ну вот, МакЛелланд, мы и квиты!
Роняет меч Алистер вмиг.
Сын крикнул бы, но замер крик.
Шептал он: «Нет...»
– Подлец, умри ты! —

Врагу сказал его отец. —
Кинжал он выхватил из ножен.

[1 всадник]

– Побег от рока невозможен!
Ты проиграл. Тебе – конец!

[Алистер МакЛелланд]

– Я не проигрываю сроду!

МакЛелланд стал влоборота,
рукою рану он зажал,
желав вонзить в того кинжал,
но первым враг нанёс раненье.
Алистер тут же наземь пал.
«Признай, проклятый, поражение!» —

На это враг ему сказал.
Затем другой хватает книгу
и прочь к коню бежит.

– Умрёшь! —

Алистер крикнул, бросив нож
в него... Но – промах, – в лошадь. Дико
та ржёт, вставая на дыбы.

– Алистер, силы уж слабы

твои для дел привычно подлых! —
Один сказал. И трое в сѣдлах
скакать готовы были вон.

[Алистер]

– Клянусь, я буду отомщён!

[1 всадник]

– Алистер, много жизнь сулила
тебе, ты наделён был всем.
Как ни прискорбно б это было,
но жить тебе минут пять-семь!

Стоял Уильям на дороге.
Его заметили. Немного
повременив, сказал один:
– Убить юнца?

[1 всадник (магистр)]

– Не тронь! Орудья
мы все в руках у правосудья!

[2 всадник]

– Но видел слишком много сын!

[1 всадник (магистр)]

– Я запрещаю всю жестокость,
что выше меры, как судья.

Для братства это – разве новость?

Караю лишь виновных я.

В грехе отца он – неповинен.

[2 всадник]

– Но он расскажет, – мы погибнем.

[1 всадник]

– Он – не расскажет ничего.

Он лиц не видел незнакомцев.

[2 всадник]

– Отец расскажет!

[1 всадник]

– Нет, его

уж долго сердце не пробьётся!

А – да – поможет колдовство.

Я вам поклялся, как магистр

в защите ордена сполна.

А суд над вором – не вина!

Советник короля Алистер,
но он в бесславии умрёт!

Не спас король, не спас народ!
От нас предателю не скрыться!

Вы – мне свидетели опять,
что нас не поразит зарница.
За правосудье кровь пролиться
должна и честь не измарать!

Струилась кровь, Алистер силы
терял, проклятье крикнул вслед.

«Вы безнаказанности ждёте?
Так знайте: встретите рассвет
последний вы на эшафоте!»

[1 всадник]

– Алистер, нам не угрожай!

[Алистер]

– За всё заплатишь, негодяй!

На инквизиции найдёте
вы смерть. И скоро это. Знай,
что будем мы тогда в расчёте.
Клянусь исполнить свой обет!

И как бы вы не назывались,
как «Орден Проклятых» весь свет
Запомнит вас. Пощады нет!

Поднялся ветер в ту секунду.

[Алистер]

– Запомни клятву же, колдун, ту,
что как проклятье вопиет:

Во прах всё ваше братство рухнет!
А вы позорно на заре
сгорите скоро на костре!

Какой-то всадник молвил вслух: «Нет!»

Магистр твёрдо им сказал:

– Мы ввек проклятий не боялись! —

Коня поспешно он седлал.

Когда все трое скрылись за лес,
к отцу Уильям подбежал
и на колени он упал.

[Алистер]

– Уилл, дай руку мне! Скорее!
Вот так. Чем дальше – тяжелее
мне говорить.

[Уильям]

– На помощь!

– Нет,

не нужно звать людей... – В ответ
сказал отец. – Тебе я должен
пред смертью важное сказать.

– Ты не умрёшь!

– Мой жребий брошен. —
Рассвета мне не увидеть.

Собрав остаток сил и воли,
он закрывал глаза от боли,
собой пытаясь овладеть.
и говорил без перерыва,
без лишних пауз, торопливо,
стараясь всё сказать успеть.

– Уилл, ты должен мне поклясться:

тем тайным знаниям обучаться,
какими я владел в свой час.

– Клянусь!

– Связала клятва нас
давно, когда-то в прошлой жизни.

Ты не поймёшь того сейчас.

Точней – не вспомнишь. Воздержись мне
вопросы ставить. Ранен я

смертельно за закланий книгу.

Вступивши в тайный орден, я
их предал проклятую лигу.

Уильям, моему врагу,
магистру ордена, возмездье
воздать ты должен, слышишь?

– Мечь я

клянусь воздать!

– Будь начеку

всегда. Коварен, будто змей, он.

Им ряд преступных дел содеян.

Он – также маг, хотя слабей
меня. Довериться тебе лишь

могу я. Ты сдержать сумеи
обет!

– Сдержу, клянусь! Не веришь?

– Верю, иначе бы не брал

с тебя я слово. Мы похожи. —

Он руку сына крепче сжал. —

Как я, ты магом станешь тоже.

– Да, я бы этого желал.

– Прядвижу... знаю всё... – (Раненье
второй рукою закрывал

Алистер). – Помни, отреченье
от чувств укажет верный путь.

Не можем мы с тропы свернуть
таланта тайного. Мы – маги
и наша магия – стихий.

Тебе довольно ли отваги,
чтоб чувствам всем сказать: «Почий!»
и оставаться одиноким,
иметь могущество взамен?

– Да... Да!

– С тобой мы сходны многим.

– Обет мой будет незабвен!

– Клянись теперь от наслаждений
отречься и увеселений
в грядущем.

– Я клянусь.

– ...Тот плен
страстей, желаний притупляет
способность к власти колдовской.
Возьми, Уильям, меч вот мой. —

Он руку сына возлагает
своей рукой на рукоять
меча. – Уилл, ты должен знать
его эфес венчают руны —
стихии знаки... Я ковал
его сам в кузне. Я умру, но,
желаю, дабы сей клинок
во всех боях тебе помог.

[Уильям]

– Скажи мне: как спасу тебя я?

[Алистер]

– Спасенья нет! Побудь со мной.

Тебе я только доверяю.

Ты предан, как никто другой...

– Я позову людей!

– Молчи же!

Мне не помочь...

– На помощь!

– Тише!

Как мало времени... Пстой! —
Он сына удержал его рукой.

Прошу последнее: ты должен
вступить в их орден. Книгу ту
найти, хоть как бы невозможен
казался долг сей.

– Не сочту

я трудным это. Но когда же
вступить я должен?

– Десять лет

спустя.

– Тебе даю обет!

– Нерасторжима клятва наша.

– Что в книге той?

– Большая власть.

– Над чем?

– Стихий. Ключ таится
заклятий на её страницах.

Найти, прочесть, пускай украсть
ты должен будешь. Помни, знанья —
лежат в основе пониманья...

Ещё одно: огню мой прах
предать прошу. Я иноверцем
умру на этих берегах.

– Даю обет с тяжёлым сердцем.

– Стремись всегда по жизни в высь:
Живи достойно на Земле. Так,
вот наставленья напоследок:
от чувств, Уильям, отрекись!

И не привязывайся к людям
Никак: ни сердцем, ни душой,
Мы – маги, счастливы не будем.
Нам уготован путь иной!
Дана нам сила вместо счастья.
Запомни мудрость жизни всей:
Кто не прельщён земною страстью, —
вдвойне обычного сильнее.

Прошу: не поступай иначе!
Ты подчинишь себе судьбу
И не потерпишь неудачу,
Когда запомнишь три табу:
Друзья и вредные привычки,
Любовь, привязанность и страсть.

Пороки – худшая напасть.
Один из них зажжёшь – как спички
и вспыхнут новые. А власть

Ужасна их. Легко пропасть.

Держи все чувства под контролем.
Всегда с достоинством живи,
не приближай людей. И зноем
не увлекись земной любви.

За счастья день или минуту
заплатишь болью ты года.
Любить не стоит потому-то,
что радость – миг, а боль – всегда!

В любви теряешь силу мага,
в пороках – жажду познавать.
И начинаешь ты страдать,
и лгать себе, что рад, однако, —
пуста земная благодать!

– Как страшно!

– Нет, себя утешь! Ты
о знаньях думай, о стране!

Ты обещать обязан мне
быть сильным!

– Сильным? Без надежды?..

– С надеждой!

– Боль не превозмочь!

– Всегда будь человеком чести!
Себя нигде не опорочь!
Не расточай мольбы и лести!

– Таким и буду я точь-в-точь.
Даю тебе обеты здесь те!

Горел над склонами рассвет.

[Уильям]

– Отец, отец! – Молчал тот. – Нет!

О, слишком молод ты для смерти!
Они расплатятся все. Верь! – Те
слова он пылко произнёс,
сдержат не в силах больше слёз.

Один, закрыв лицо руками,
он плакал, не вставав с колен.

Как страшно плакать временами,
желать к былому перемен,
когда лишь ветер над горами:
«Смирись!» – тебе шумит взамен.

Такое раз за жизнь рыданье
тревожит грудь, но боль излить
не может. Нет, души страданье
слезами смертного не смыть!

Бессилье, горечь, опустелость
в душе творились. И хотелось
кричать... неистово кричать.

Уильям повторял опять:

«За что мне те страданья, Боже?

Он был мне всех людей дороже. —

Я не успел о том сказать...

Глава 2

Небесный свод горит багрянцем

Снуют лакеи во дворе.

– Убит? – Собрались над шотландцем
все слуги замка на заре.

– Неужто ранен сэр смертельно?

Какое горе! Безраздельно

царят в стране хаос и страх. —

Толпились слуги, причитая.

– Скорее разойдитесь, ах!

Уилл стоял, не замечая,

казалось, ничего вокруг.

Смешались краски, люди вдруг,

стенанья, гомон, шум и крики,

и отдалённый разговор.

Казались все тогда безлики.

Жена Алистера во двор

Вбежала, вниз потупив взор,

в слезах упала на колени.

– Уилл, скажи, мне! Без сомнений

(она, слёз горьких не уняв,

спросила сына, взор подняв),
ты был в последнюю минуту
с ним рядом. Что отец велел?

Уильям молча посмотрел
куда-то в сторону заперды.
Секрет доверить он не смел.

Слуге она сказала:

– Надо
сюда скорей позвать аббата!

[Уильям]

– Нет, не велел отец.

[Мать]

– Как быть?

[Уильям]

– Велел по древнему обряду
его в огне похоронить.

– Но это – грех! Я – христианка. —
Она промолвила, крестясь.

[Уильям]

– Обет нарушить, данный в час
Последний – грех ли ниже рангом?

Уже смеркалось. Склоны гор
туманной дымкой застилалась.
Собрались все. Пылал костёр.
Едва стенанья раздавались
людей. Но плач тонул в ветрах
на мрачных тех похоронах.

Уильям в тот момент прощальный,
в огонь взгляделся погребальный,
на меч отцовый опершись.
И увидал в огне виденья.
Отца, людей... И чью-то жизнь...
Там был триумф, затем – мученье.

Прикосновение руки
он ощутил и огляделся.
Но люди были далеки.
Листок оторванный вертелся,
летающий в сторону реки.

«Почувствуй силы колдовские! —
Себе не веря до конца,
Услышал голос он отца. —
И сможешь ты призвать стихии.

[Уильям]

– Слова откуда слышу те?..
И налетел холодный ветер, —
и дух отца ему ответил:

– Моё присутствие – везде.

Я показать тебе могу мир,
где воля правит всем и вся.
И ты поймёшь, за что я умер,
свои страдания неся.

– Да, покажи. – Сказал он смело,
но дрожь почувствовал по телу.

– Тогда услышь, что говорю,
(но голос слышать нелегко мой)
и повтори всю речь мою.

Язык услышал незнакомый,
слова, как будто нараспев,
Уильям, повторить сумев.

И поднялось в реке волнение.
Сильнее ветер завывал

и волны бились о причал.
Стояли все в оцепененье,
не понимая. Ливень лил.
Огонь сильнее разгорался,
природе будто вопреки.
И дом зарницей озарялся.
Сильней волнение реки
вздымалось. Вот стихии сила
все мысли, чувства захватила —
и сын всевластье ощутил.

В огне виднелся новый образ:
где он стоял перед отцом.
Неясность странная. Озноб рос.
Они стояли пред огнём,
воздевши руки: сын с отцом.

И не ребёнком был, а взрослым
Уильям, глядя в полутьму.
«Тебе подвластно одному
путём подняться грандиозным. —

Сказал отец тогда ему.
Надменно глянул он на сына. —

Но ты не должен отступать.

Без дара в жизни всё – пустынно!»

«Уилл, клянись не колдовать!» —
Той просьбой был он отвлечённым
от всех картин. Взглянул на мать.

[Уильям]

– Быть может, мне поклясться память
отца предать?

[Мать]

– Уильям, знай,
те чары – грех.

[Уильям]

– Прошу избавить
меня от поучений!

[Мать]

– Край
родной тогда покинешь. В доме
не потерплю я колдовство!

[Уильям]

– Тогда позволь уехать! Кроме
просить не стану ничего!

[Мать]

– Увы, тогда навек проститься
придётся нам. Не сможешь ты
сюда вернуться, раз пусты
слова мои. Езжай в столицу!

Тебе я денег дам и слуг.
Навек родной покинешь юг.
Когда поедешь ты учиться, —
так, может быть, перемениться
удастся помыслам твоим.

[Уильям]

– Ты ничего не понимаешь!
Того, кто был мне дорогим
я не предам!

[Мать]

– Не уважаешь
меня, как он совсем. Ступай,
Уильям, вещи собирай.

[Уильям]

– Да хоть мир целый отречётся,
навек от меня пускай,
я не предам отца! Бороться
я буду, боль презрев и страх! —

Со злостью крикнул он в слезах
и убежал оттуда.

Вещи

в карету были снесены.

К окну свирепо ливень хлещет.

«И ты не чувствуешь вины?» —

Спросила мать.

Захлопнул дверцу
лакей, как тот успел усесться.
Не глянув, слёз не обронив,
остался Вильям молчалив.
Под ливнем мокший старый кучер
приказа ждал.
«Не стой! Пора!» —
Раздался возглас. Со двора
помчали кони вниз по круче.

Подумал Вильям: «Отчий край!
Я не вернусь. Навек прощай!»

Взглянул в окно – туман белёсо
устлал долину речки Нисс.
И падал дождь, как будто слёзы.
Со склона виден весь Дамфрис.
Как много здесь воспоминаний!
«Забуть – и жить без оправданий!» —
Закрыл глаза Уильям, столь
пронзала сильно душу боль.

Глава 3

«Опять тот сон! – Вскочил с постели
Уильям. – Хоть 15 лет
с момента смерти пролетели,
но снова снится мне обет.

Но знаю цену я на деле
Словам обетов. В двадцать пять
они не больше стали весить,
чем пустота. Я клялся в десять,
но я не стану исполнять!

К чему теперь слова отцовы?
Я жить не буду как аскет.
И в наставленьях смысла нет,
когда желаю я иного:
балов, веселья досветла.»

С ним рядом девушка спала.
Её погладил по щеке он.

«Ну вот уже и сон развеян.
о том, как он убит в зарю.

Я рок отца не повторю.

Я колдовать не вознамерюсь,
ведь инквизиция за ересь
карает. В жизни много благ.
Не отказаться мне никак,
как он велел, от развлечений.
К чему обуза мне лишений?
Солгал отец тогда, видать,
что жизнь – печаль, не благодать.

Хочу всегда я веселиться,
не плакать дабы ни о ком
и чувством сладостным забыться —
любовью, будто бы вином!

Имею много дел в сей день я.
К чему о прошлом сновиденья?»

Уильям встал, открыл окно.
Оделся и отдёрнул шторы.
Подумал: «Верно, утро скоро.
Пройдусь. Не спится всё равно.»

Прошёл Уилл по коридору.
Зажёг свечу. И со свечой
спустился лестницей крутой.

Из камня тёмного ступеньки
слегка сияли под луной.

Хотел пройти он вниз. У стенки
ещё один он сделал шаг, —
и двери распахнул сквозняк.
То были двери оружейной.
И ощутил Уильям дрожь.
«Не запирают двери что ж?
Весна, а холод нешуточный!»

При свете полной он луны
вошёл и замер у стены.
Среди иных семьи реликвий
на видном месте под гербом
был меч отца. И сын влеком
незримой силою великой,
из ножен вынул меч отцов.

«Прости, отец, я дал обеты,
в которых смысла больше нету.
За месть я гибнуть не готов,
А ты под страхом инквизиций
мне колдовству велел учиться?»

На стол поставил он свечу,
провёл рукою по мечу.
Как зеркало, сверкала сталь, и
отца на ней инициалы
сплетались вензелем «А.М.»

«Зачем я ночью здесь? Зачем?» —

Вопросом этим задаваясь,
уйти (но тщетно всё) пытаюсь,
окинул долгим взором сталь.
Работы каждая деталь
от острия до рукояти
пленяла дивной красотой.

Взглянул он на клинок стальной.
И в отраженье, за спиной,
в клинке, как в зеркале, увидел
он образ своего отца.

Уильям резко отшатнулся
и тут же в страхе оглянулся.

Но за спиною – никого.
И снова смотрит в отраженье:
себя лишь видит одного.
И он подумал в то мгновенье:
«Наверно, это – сновиденье!

О, я не верю колдовство!
Когда б невидимая сила
существовала, то спасла
она б отца, не погубила.

Я клялся в детстве досветла.
Но не имею больше дара,
Стихий не слышу я уже.

И клялся, будто, в мираже.
Но отголосками кошмара
терзаюсь ныне по ночам.
Я клялся? В чём? – Не знал я сам!

Забилось сердце часто-часто.

Уильям, дверь закрыв рукой,
оттуда вышел сам не свой.

«Я вспоминаю зря подчас то,
что клялся... Полно! Суший вздор
обет, что юным произнёс ты.»

Он вышел лестницей во двор.
Мерцали в небе ярко звёзды.
Качались лодки на волнах.

В рубашке легкой и штанах
к воде по саду он прошёлся
и, сев на пирсе, закурил,
и взор на волны устремил.

Прибой плескался и боролся,
с ветрами будто; с рёвом, злясь,
кипел холодной белой пеной;
взвивался брызгами; катясь,
волной бросался здоровенной
на берег; после, отступив,

готовил новый уж порыв.

«Вот так и жизнь – подобье шторма.
Всегда всё борется во мне.
Всему противлюсь непокорно,
и не приму ничто вполне.

Гнетёт меня отца потеря.
И сны тревожные весьма.
Но знакам я судьбы не верю!
Они – всегда плоды ума.»

И выпил виски из бокала,
что взял в гостинной по пути.
«Скорей уже бы солнце встало
И ночь тревожную изгнало.
Я никогда не сплю почти.

А сны те мучают нередко,
что повторяю отца я рок.»
На плечи плед набросил в клетку
Уильям, на причал прилёт.

Он долго слушал гул прибоя,
на берегу лежа без сна.
Сияла полная луна.
Прибоя рокот успокоил
смятенье бывшее в душе.
И в ней покой царил уже.

Но сон не шёл, а так – дремота
до солнца алого восхода.

Глава 5

Светало. Яркий ореол
лучей в тумане над водою
короной огненной зацвёл,
озолотивши сад и дол.
Прибой светился бирюзою,
слабел, и вот – совсем утих,
Сияла гладь пучин морских
дорожкой солнца золотою.

Витал повсюду запах роз,
и доносились крики чаек.
Лучи лились, сады венчая.

Лакея голос произнёс:

– Милорд! О, Вы не спали в доме?!

– Мне тут спокойней на ветру. —
Сказал Уильям в полудрёме.

– Гонец приехал поутру
от короля. Сказал: вам должно
приехать к королю не позже

восьми.

– И что же рано столь?

– Его Величество король
велел вести переговоры
с послом английским вам.

– Ну что ж...

Ступай! Я буду в доме скоро.

Пока карету запряжешь.

Он не спешил идти, рукою
лицо от солнца он закрыл,
дремал в предутреннем покое.

И вдруг услышал:

– Ах, Уилл,

Ты здесь? А почему не в доме?

Она присела на причал.

Её обнял он в полудрёме.

– На пирсе я восход встречал.

Изящной стройною брюнеткой
она была и красоты
для севера довольно редкой,
как юга дальние мечты.

Он улыбнулся ей.

– Камилла.

Люблю тебя! – Сказал он ей.

Опять идёт к нему лакей.

[Лакей]

– Простите, но неверно было
не торопить бы вас: гонец
вам передать велел...

[Уильям]

– И что же?

[Лакей]

– Поторопитесь во дворец!
Туда опаздывать негоже!

[Уильям – слуге]

– Спасибо. А теперь иди!

[Ей]

– Мне нужно ехать, дорогая.

[Камилла]

– До вечера?

[Уильям]

– Меня не жди.

Сегодня в Лондон уезжаю.

– Надолго ли, Уильям?

– Нет.

Я сообщу, когда прибуду.

Твои глаза, как изумруды.

Прими в подарок сей браслет.

Он застегнул ей на запястье
браслет.

– Взгляни и вспомни счастье.

– Уилл, какая красота!

А ты меня ли вспомнишь?

– Да.

Забуду как любовь и страсть я?

До встречи, милая! Адъё! —

Целует руку он её.

[Камилла]

– О как прекрасны камни эти!

Она взглянула на браслет.

[Уильям]

– Под цвет глазам прекрасной леди!

[Камилла]

– Таких, как ты, – на свете нет.

Люблю тебя.

– И я... – В ответ

сказал он ей. И на рассвете
она пошла одна к карете.

Но даже взглядом он её
не провожал в минуты эти.

Не собирался уезжать
конечно он, а просто гостью,
что надоела, отослать.

И врать в минуты довелось те.

Обетам клятвенным назло.
успело много измениться
И в двадцать пять его влекло
не колдовать, а веселиться,
когда родной покинул юг,
сменил Дамфрис на Эдинбург.

Уильям жил теперь в столице
и был придворным короля.
Король, к нему благоволя,
своим советником назначил
его, хранимого удачей.

Уильям был честолюбив,

богат, несказанно красив.

В придворной жизни он годами
дружил с французскими послами.
И был изыскан, как француз,
Голубоглаз и светло-рус.
Спадали волосы волнами
чуть ниже плеч. Черты лица —
красивы. Без тени печали
насмешку часто выражали
его лазурные глаза.

Уильям был высок и строен,
с осанкой гордою отца.
Считался франтом он, не скрою,
И первым был всегда во всём
Он цепким славился умом.

Его блистательная внешность
к сословьям высшим принадлежность
всегда подчёркивала. Да
движений легкая небрежность
была присущею всегда.

Высокомерье и весёлость
В нём сочетались, и боролись

с воспоминаньями тайком.
Изыск и пафос были в нём.
Всего прекрасного при этом
он был ценителем, эстетом.

Сполна успешен, горделив,
он жил давненько на мотив:
«Без карт, балов, любви и песен,
и наслаждений мир мне пресен».

И в двадцать пять неполных лет
молва гналась ему вослед:
«Казны известный расточитель
веселья шумного ценитель». —
Для репутации едва
найдутся лестные слова.

С семьёй почти он не общался,
родной покинувши Дамфрис,
когда отца убили. И с
тех пор туда не возвращался.
И так, – имел во всём карт-бланш.
Тут жизни должное воздашь!

Когда осыпан изобильем
различных почестей, наград,

ТО КЛЯТВЫ СЛИШКОМ ТЯГОТЯТ.

«Они – пусты!» – Решил Уильям,

Глава 6

Он прибыл к замку пополудни.
Хоть опоздал, всегда готов
сослаться на дела и будни
державных истовых трудов.

От короля – всегда поблажки
ему за ум, назло врагам.

Итак, приехал он в упряжке
из вороных коней к вратам.

И вышел из кареты гордо.

Шептались за спиной лендлорды.

Он был шикарно разодет,
в расшитый золотом жилет,
камзол и белую рубашку,
и плащ по моде нараспашку.

Прошёлся с важностью Уилл
у замка вешними садами.
Придворных роскошью затмил,
блестя фамильными перстнями —

шитьём наряда – в тон кудрям,
что рассыпались по плечам,
на тёмный плащ копной спадая.
И герцогская перевязь,
каменной огранкою светясь,
наряд венчала, золотая.
Её расшитая парча
держала ножны для меча.
Парфюмам лишь не изменяя,
вот так наш выглядел эстет,
ловя придворных взоры вслед.

Дорога через сад лежала
его к монаршему дворцу.
Он, подойдя уже к крыльцу,
увидел даму. Собирала
она цветы. Он поспешил
К ней подойти.

– День добрый, Джулли!
Прекрасна, как всегда!
– Уилл,
ты, как всегда, сегодня мил.

На нас все смотрят, ах!
– Вину ли
имеем мы, тут говоря?
И в чём бы нас не упрекнули,
они стараться будут зря.

Он улыбнулся. – Их ли дело?

Она внезапно покраснела.

– О нас болтают.

– Графы те ль?

Я вызову их на дуэль.

– Ах, не рискуй!

– Пустяк!

– Ну что ты!

Я ведь волнуюсь за тебя!

[Уильям]

– Приятна мне твоя забота.

Ведь так заботятся, любя?..

Она взглянула на Уилла.

И покраснела снова лишь.

[Джулиана]

– Её Величество просила
меня зайти.

[Уильям]

– О, ты спешишь?

[Джулиана]

– Не будет двух сегодня фрейлин.

В отъезде обе – Мэри, Эйлин...

[Уильям]

– Могу минут хотя бы пять
с тобой прогулки ожидать?

[Джулиана]

– Конечно да. Была бы рада
оставить дольше я дела.
Поговорим под сенью сада.
Под руку Джул его взяла.

Алели розы у ограды.
Они прошли в беседку. Тишь
здесь нарушали птицы лишь
и плеск фонтанного каскада.

Ирландкой рыжею была
она. Красива и мила.
Цветы душистого жасмина
венчали волосы венком.
Стояла в платье голубом
она с накидкой-плащом,
Держа в руках цветов корзину.

[Уильям]

– Хотел признаться я давно,
что я люблю тебя. Могу ли
я ожидать взаимность, Джулли?

[Джулиана]

– Давно тебя люблю я, но...

[Уильям]

– Ты сомневаешься?

[Джулиана]

– Поскольку

мне сомневаться довелось.

Позволь задать один вопрос:

о слухах о тебе.

[Уильям]

– Я только

о них не знаю. Да, всерьёз.

И улыбнулась та стыдливо,
взглянув вокруг на сад, на ивы.

[Джулиана]

– О, как спросить?

[Уильям]

– Смотря в глаза,
любимая, не в небеса.

[Джулиана]

– О, слухи те про женщин многих
твоих...

[Уильям]

– Видать, придворный люд

доносит много пересуд:
порой смешных, порой жестоких!

Уильям рассмеялся тут.

[Уильям]

– Но я! О нет! Я – нравов строгих.

[Джулиана]

– Да, о тебе, наверно, лгут:
«Казённых денег расточитель,
веселья шумного ценитель?» —
Для репутации едва
найдутся лестные слова.

Её обнял он.

[Уильям]

– Очень странно:
ты слухам веришь? Джулиана!

Целует он, её обняв.

[Уильям]

– Себе должна ты верить только,
А нрав чужих людей лукав!

(На землю падает заколка

с её волос).

Её подняв,
незримо подошёл к ним граф
военной выправки, с усами,
хотя в сраженьях не бывал.
Камзол поправил с орденами
небрежно, будто шёл на бал;
пригладил волосы руками
и, дважды кашлянув, сказал:

– Весьма, конечно, извиняюсь,
что я в «беседу» к вам вторгаюсь.
Но вас, графиня, королева
в своих покоях заждалась.

Король же – вне себя от гнева:
посол английский прибыл. Вас
о том, МакЛелланд, известили?

[Уильям:]

– Не сомневайтесь в этом, граф!

[Граф:]

– Но ждать заставить в вашем стиле
себя иных? Иль я неправ?

[Уильям:]

– Трактуйте так, как вам удобно!
Ведь, мистер Кэмпбелл, это вам
я право, несомненно, дам.

Тут Кэмпбелл глянул косо-злобно:

[Граф:]

– Второй советник я! С послем
провёл бы сам переговоры!

[Уильям]

– О чём тогда все наши споры?
Ведите, только с королём
всё согласуйте!

[Кэмпбелл]

– Я б провёл, но...

[Уильям]

– Вам не доверили то?

[Кэмпбелл]

– Полно!
Не в полномочии в моём!
Вы сами знаете подробно!
И, правда, спорим мы о чём?

[Уильям]

– Вести иные не способны
переговоры. – Вот о чём!

[Кэмпбелл]

– Способны. Только утверждалась
всегда одна повсюду наглость!
И званье «лучший дипломат»
её приспешникам вручат.
Но петь советы кто им соло
позволит, став вблизи престола?

[Уильям]

– Простите, слушать недосуг
о пользе скромности потуг.

Ещё злобнее исподлобья
тут Кэмпбелл глянул на него.

[Кэмпбелл]

– Вы откровенны!

[Уильям]

– Большинство
поймёт, лукавством речи сдобь я?
Смышлёных мал, увы, процент —
поставить нужно всем акцент.

[Кэмпбелл]

– Довольно, герцог! Берегитесь!
Почёт и слава – всё момент.
Успех изменит! – Убедитесь!
На том поставлю я акцент.

[Уильям]

– Мерсі, за ценную услугу!
Сыскать ли нам, как вы, «светил»?
Постигнуть мудрости науку
без вас ли?!. Я совсем забыл! —
Я вас на бал не пригласил!
На семь сегодня.

[Кэмпбелл]

– Славно то, что
вы вспомнили. Приду, возможно.

[Уильям]

– Мерсі!

[Кэмпбелл]

– У вас французский стиль —
уже во всём? Признайтесь ну ка!
Таких же взглядов и подруга?

Их Кэмпбелл смерил взором. – ...Иль
в одних приветствиях и только?

И протянул он ей заколку,
что, подходя, поднял с земли. —

Считаю, как и большинство, я:
приличий вы не соблюдаете,
уединяясь под листвою.

[Уильям]

– Намёки ваши столь грязны,
что быть отплачены должны!

– Мне дурно! – Девушка сказала.

[Уильям]

– Дуэль – отплаты той цена.
На чести дамы нет пятна!

[Кэмпбелл]

– Я верю вам. Крови немало
и так за войны пролилось.

Я извиненье приношу вам.
Уладим мирно мы вопрос?

[Уильям]

– Как дама скажет!

[Джулиана]

– Я прощу вам,
сэр Кэмпбелл, дерзость вашу.

Он
с ухмылкой сделал ей поклон.

[Уильям]

– Вы – дуэлянт, сэр Кэмпбелл, «честный»,
настолько «доблестью» известный,
что меч не исцарапан ваш
в боях. Их три-четыре аж,
пока сдавали вы экзамен.

Когда б учитель – не брат мамин,
вы долго фехтовальный плац
бы обходили, как паяц,
с поклоном всем на пересдачах,
доверясь «пламенной удаче».

Услышал Кэмпбелл их смешок.
От злости он затрясся дрожью.

[Кэмпбелл]

– Видать, на клоуна похож я?

[Уильям]

– О, кто сказать такое мог?

Кто вас дерзнёт назвать паяцем, —
в дуэли с вами будет драться!

И Кэмпбелл, сжавши кулаки,
ушёл, краснея шутовски.

[Уильям]

– Вослед острить ему бы стань я,
когда бы он ловчее был?

[Джулиана]

– О чём же это ты, Уилл?

[Уильям]

– Да граф неловок в фехтованьи.
С него все пять учебных лет
смеялся университет.

Ах да... часы пробили полдень.
И в замке ждёт меня посол.

Хоть день для встречи превосходен,
и я б остаться предпочёл,
но я от миссий несвободен:
служить стране, как, впрочем, ты...

[Джулиана]

– Трудны всегда часы разлуки.

В браслетах белых её руки
держали жёлтые цветы. —

От легкого дневного бриза
их аромат под стать духам
повсюду разносился там.

Мои любимые – нарциссы.
И королева любит их.

[Уильям]

– Но ты достойна роз одних!

Он протянул ей розу.

[Джулиана]

– Как же
красиво!

[Уильям]

– О, цветку с тобой
сравнится ль красотой простой?

[Джулиана]

– Спасибо! Я безмерно рада! —
Вдохнула сладость аромата
она цветка.

[Уильям]

– Сегодня бал
даю на семь. И первой гостьей
тебя бы видеть я желал.

[Джулиана]

– Я буду там!

– Но что стряслось? – Ей
Сказал он, увидав печаль.

[Джулиана]

– О, всё в порядке! Только жаль,
что Кэмпбелл будет там...

[Уильям]

– Пустое!

Ты будешь танцевать со мною.

Мне обещаешь танцы?

[Джулиана]

– Да.

[Уильям]

– Мерси! До вечера тогда!

[Джулиана]

– До встречи!

И, обняв подругу,
целует Вильям её руку.

Он обернулся снова к ней
и удалился в сень алей.

Стояли дамы и вельможи,
у замка стен и во дворце.
Они с почтеньем на лице
ему раскланялись, по позже
спешат злословить поскорей,
но кроме искренних друзей.

– Уильям! Ты страну правишь? —
Его окликнул старый друг.

[Уильям]

– Неужто? Старина МакТавиш!
Когда вернулся в Эдинбург?

[Брюс МакТавиш]

– Совсем недавно. – (В синем килте
он шёл, на поясе с мечом.
И в шляпе с брошью и пером)

[Брюс МакТавиш]

– Я б годы хоть не проводил где,
но манит родина назад.

(Он франтом был, смешливым, рыжим
И в замечаниях – бесстыжим).

– Смотрю, английский ты наряд
Уильям, носишь. Позабыл то,
что коль шотландец и без килта, —
не патриот он. Я ль предвзят,
иль ты – изменник?

[Уильям]

– Патриотом
я остаюсь.

[Брюс МакТавиш]

– ...С одним расчётом? —
Он рассмеялся с этих слов.

[Уильям]

– Да нет! Встречаю я послов.

Советник короля таков,
что должен на переговорах,
берёт участие в которых,
чужую сторону слегка
принять, а не патриотизмом,
как красной тряпкой для быка
махать.

Взглянул со скептицизмом
на друга тот.

[Брюс МакТавиш]

– Да я шучу.

Советник – важная особа.
Он хлопнул друга по плечу.
И рассмеялись тут же оба.

– Спешу! И так я опоздал. —

Сказал Уилл ему с террасы. —

Да! У меня сегодня бал
На семь. Ты будешь?

– Я ни разу

не пропускал ещё балы!
Я буду! Леди там милы.

Не быстрым шагом, а степенным,
Уилл поднялся по ступеням
где парапеты оплетал
зелёный плющ, в вазонах – розы.
Вели ступени в тронный зал.
Народ на лестнице стоял.
Кто кланялся, кто смотрит косо,
шепча друзьям на ухо: «Вот,
за что ему такой почёт?!»

Убранства роскошь золотая,
цветы, портреты, роспись ваз,
и знать на лестнице террас,
его никак не занимая,
служили фоном для дворца.
Уилл походкой гордеца
прошёл, одних не замечая,
питая к оным неприязнь,
других – насмешливо смеряя
недолгим взглядом, не боясь
мм показать пренебреженье.

И так довольно окруженья,
кому выказывать почёт;
враги и сплетники – не в счёт.

Смотрели все лишь на Уилла.
Не лишь придворных и вельмож —
монарха роскошь та затмила.
Шептали все: «С отцом он схож,
но был отец его скромнее!
– И был порядочен, а сын,
весьма беспечный господин!»
Ему открыли дверь лакеи.

Вошёл Уильям в тронный зал.
Пред ним с поклоном расступались,
придворные, кто здесь стоял.
Одни завистливо шептались,
иные мило улыбались.

Манеры Вильяма, пожалуй,
опишем, как не описать!
Прошедши он роскошной залой
мог впечатленье оставлять,
что он – монарх и трон его.
А чьи-то козни – шутовство.
Им в обличенье – довод веский

бросал он всем в присущей резкой манерой высмеять врагов.

В одежде роскошь превышала наряды, верно, короля, а может так его считала толпа придворных, веселя его подчеркнутым вниманьем. Конечно, видом, одеяньем он так подчёркивал влиянье и власть, что держит он в руках.

Шептались двое, став в дверях:

– Смотри, явился в полдень в замок.

– МакЛелланд тот ещё нахал!

– С твоей невестой он стоял, не соблюдав приличья рамок, уединился с ней в саду.

Такое часто – на беду.

– О, проучить его бы Я мог!

– Ведь ты же – Кэмпбелл, граф Аргайл! —

Один второму прошептал.

– Прошу! – Уильяму сказал он,

Как подошел Уилл к дверям.

[Уильям]

– Зачем любезничаешь, Алан?

[Алан МакКэй]

– К чему вражда, Уильям, нам?

Уильям, усмехнулся только,
на них не глядя. И сказал:

– Я враждовать не помышлял.

[Алан]

– Вражда – пуста, в ней нету толку.

Вошёл Уильям в тронный зал.

Король его не замечал,
а за столом переговоров
стоял у окон и читал.

У входа – пару жарких споров
вели Кай Кэмпбелл, граф Аргайл
с МакКэем Аланом, кто титул
«граф Сазерленд» носил тогда.

О чем же спорят господа?

Аргайл Англии в защиту
МакКэю что-то говорил.

МакКэй парировал сердито.

Король в то время взял чернил,
топографическую карту
перед собою разложил;
и наступленье арьергарда
пытался просчитать опять
английских батальонов, если
те вскоре будут наступать.
Теперь сомненья все исчезли:
он собирался воевать.

Король в накидке был до пола
и в килте. Пояс украшал
его сверкающий кинжал.
Поверх неброского камзола
была отделка из мехов.
Белели в волосах седины,
хотя он не был стар. Картинно
он был спокоен, но покой
его, казалось, напускной.

– Уильям, наконец явился!
К полудню! – Ты не торопился! —

Сказал король, поднявши взгляд

от документов.

[Уильям]

– Виноват!

Ему Уильям поклонился,
за опозданье извинился,
и оправдался, что «дела,
которых важность не мала,
претили ранее явиться».
И как, скажите, возмутиться,
на столь весомый аргумент?

Король тотчас распорядился,
чтоб граф Аргайл и Сазерленд,
и стражи вышли даже, ибо
у них – секретный разговор.
Итак, все вышли в коридор.

[Король]

– Присядьте, герцог.
– Да, спасибо. —
Сказал Уильям королю.

– Взволнован я. – Монарх продолжил. —
Пусть я до лет преклонных дожил,
но Англии не уступлю.

Они присели у камина
напротив, за большим столом,
В бумагах стол наполовину.

[Король]

– Итак, с чего же мы начнём?
Я разговор имел, не скрою,
сегодня с Англии послом.

Мои советники, те двое,
кто были здесь: Алан МакКэй —
граф Сазерленд и Кэмпбелл всей
своей усердностью не в силах
помочь мне. Да, они умны,
но нету пользы для страны.
И зря я саном наделил их.

Итак, касательно посла.
Беседа с ним у нас была...

Уильям, тайна то большая.
Её тебе я доверяю,
как я доверил бы, Уилл,
и твоему отцу. Служил
он верно мне...

[Уильям]

– Упомятая,

Вы причиняете мне боль.

– Прости меня. – Сказал король.

[Уильям]

– Не найдены те негодяи,
его убившие.

[Король]

– Тщетны
все были поиски найти их.

[Уильям]

– Они из нашей ли страны?

[Король]

– В столице, на перифериях, —
езде искали. Нет следов.
Отец твой был мне другом лучшим.
Несносен гнёт потерь таков.

[Уильям]

– Мы все о прошлом много тужим...
Но про английского посла

хотели вы поговорить?..

[Король]

– Я

хочу пересказать события
тебе, дабы тебе была
теперь претензия понятна
всех англичан к Шотландии.
Я провинился сам изрядно. —

Он перешёл на шёпот и
сказал:

– Уилл, не выполняем
мы свой вассальный договор
перед английским вражьем краем.
Я молод был, в решеньях скор,
и подписал одну бумагу
на право Англии владеть
страною нашей. Страшно ведь
признать такое: не для блага
страны, а, чтоб трон взойти.
Такое, правда, – не в чести.

С английским королём на сделку
решился я, и он помог
мне королём стать. – Низко, мелко
всё это, но мой рок – жесток.

Я клятву дал: отдать страну им, —
но их желал перехитрить.
Недаром мы сейчас бунтуем.
Война в державе может быть.
Читаю письма я ночами,
что мне король английский шлёт.
Развяжет он войну вот-вот.

Напоминает: англичане
мне помогли мой трон занять,
а я затем их смел предать.

Но знаешь: раз даём мы клятвы.
Я клялся наших защищать.

Готов поклясться я опять...

[Уильям]

– Обет не ставьте в один ряд вы
врагу и Родине своей.

[Король]

– Я защищать клянусь людей
своих, но здесь заметить надо:
мне это делать не дадут.
В стране – английские солдаты.

От них простой страдает люд.

[Уильям]

– Вы стали королём шотландским,
чтоб нас, шотландцев, защищать.
Кто держит графскую печать,
иль сыном кто рожден крестьянским, —
на вас надежды возложил.
Мы все, шотландцы, на защиту
вашу надемся.

[Король]

– Уилл,
давал я клятвы англичанам
предать своих, но перед тем
своим в защите клялся. Чем
придётся жертвовать?

[Уильям]

– Обманом!

[Король]

– Ты прав, крепка обмана нить.
И переходит много знати
короне Англии служить.

[Уильям]

– За то расплатятся сполна те,

кто предал нас. Для англичан
не будет ценен подлый клан!

[Король]

– Признаться, я не ждал ответа
такого! Я боялся, что
воздал ты Лондону обеты.
Но ты нам верен, как никто.

А я правления по факту
лишён теперь. Интриги сплошь.
Тебе доверился я. Что ж,
предположу, оценишь как ты
такую правду, что узнал:
ты, как Шотландии вассал
меня, наверно, презираешь?
Как патриот, – ты осуждаешь?

[Уильям]

– О нет, конечно нет, милорд!

Мы все – в оковах обстоятельств
Над нами – бремя обязательств.

Но принцип чести – прав и твёрд!

[Король]

– Желая я шотландцам блага,
Но не уверен я, однако,
что к благу новая война. —

(На карте наступленья стрелки
он начертил) —

Смотри, сполна
мы проиграем, коль мы сделки
не заключим опять с врагом.
Законно будет всё притом,
ведь мы для Англии – вассалы.
Шотландцев верных...

[Уильям]

– ... нет, не мало!
А вы считаете, страна
сдаваться Англии должна?

Но это – хуже приговора.
Мы все не вынесем позора!

[Король]

– Несносен Англии шантаж,
но принял я сейчас решение:
пускай войной, но край мы наш
освободим! Ты клятву дашь
остаться верным ли шотландцам?

[Уильям]

– Могу я сотню раз поклясться!
И вам клянусь!

[Король]

– О, я неправ
беря с тебя обет вассала!
Я предавал своих немало.
А ты – ни разу!

[Уильям]

– Клятву дав:
«служить стране и вам», – смиренно
за вас, коль нужно, я умру!

(Уильям преклонил колено)

Вся жизнь, – как пламя на ветру,
но клятва родине – не ложна.

(Он положил на стол меч в ножнах)

[Король]

– Ценна твоя, Уильям, жизнь.
Возьми свой меч. Лишь ты – хозяин
его, ведь твоего отца он.
Прошу, Уильям, поднимись.

(Он руку протянул ему)

[Уильям]

– Вас

я чту, и Вам я повинуюсь!

Свободна станет вновь земля
всей нашей родины: усилием
народа нашего.

[Король]

– Уильям...

[Уильям]

– Мы в бой пойдём за короля!

[Король]

– Отец отстаивал страну твой
всегда, как ты, когда кругом —
враги и козни. Поприсутствуй
на разговоре здесь моём
с Элфсоном, Англии послом.

Он много говорил, затронув
шотландцев жизнь и честь. Указ
привёз он новый на сей раз
на размещенье гарнизонов
английских здесь, среди наших гор.
И раз он получил отпор

на размещение гвардейцев.
Жестокость Англии солдат —
для нас – беда, народу – ад.

Но никуда теперь не деться:
теперь иль мы – подчинены,
иль нам не избежать войны.

[Уильям]

– Могу с послем наедине я
поговорить? – Ах нет, не смею
о том просить...

[Король]

– Поговори.
Он ожидает тут с зари.
Твердит о стран объединеньи,
как неизбежности. Терпеть
я дальше это не желаю!

Уже я выбор сделал ведь —
его тебе я оглашаю:
чем сдаться Англии – так смерть
уж лучше будет.

[Уильям]

– Обещаю
уладить всё.

[Король]

– В том зале он.
Граф Дорсет, Джереми Элфсон.

Посол ходил в камзоле красном
по залу, нервничав слегка.
Движеньем быстрым однообразным
листы бумаг его рука
перебирала. То, читая,
готовил речь, то наблюдая
за стрелкой быстрою часов.
Казалось, в мыслях повторял он
всю важность тех прочтённых слов.
Он был типичный англичанин,
не скажешь: «лондонский он фронт»,
скорее просто пуританин.
Русоволосый хвост на бант
был сколот сзади. На камзоле —
без украшений были полы.

Как видно, был он средних лет.
Оборки тонкие манжет,

на коих лент и кружев нет,
как будто были дополнением
к тем строгим, сдержанным движениям,
когда в который раз листы
перебирал он с напряженьем.
Лица неброские черты —
бледны. Усталостью с сомненьем
глаза его омрачены.
Решимость на лице читалась,
но всё же верх брала усталость.

И думал он: «Труды тщетны.
Теряю время я часами.
Что говорить мне с дикарями?
Теперь не избежать войны.
Сулят всё те же результаты
и предстоящие дебаты.
Теряю время. Объяснить
что-либо им? Да невозможно!
Король и тот – чуть что – за ножны.
А от вассалов ожидать
тогда чего? Безумцев рать!»

Открылись двери. Во мгновенье
его былое выраженье
лица сменило удивленье.

То был король, а то – вассал?
Вошёл Уильям гордо в зал
не в килте, – в светлом одеянии
что стоит, будто, состоянье.
Наряд брильянтами блестит,
златыми нитями расшит.

Элфсон невольно поклонился.
Сдержал улыбку Вильям. Да,
эффектом власти он гордился.
и руку протянул тогда,
назвавшись герцогом Роксбургским.

Спросил с участием посла:

– Скажите: в замке Эдинбургском
как должно приняли вас?

[Посол]

– Как
того заслуживает враг!

[Уильям]

– Я сожалею, сэр. Помочь я
хочу враждебность устранить
и вас в обратном убедить.

Переговоров полномочья
мне делегировал монарх.

[Посол]

– О, я – в растерянности. Ах,
признаться честно, я уж думал,
меня с конвоем из страны
король ваш выставит. Всю сумму
негодования должны
сносить послы? Я уваженья
прошу к себе! И так вдвойне
я терпелив, чем должно мне.

[Уильям]

– Я приношу вам извиненья
за то монарха нетерпенье.
Надеюсь, общий мы язык
отыщем на переговорах.
А правоту в подобных спорах
не установит меч и штык.

(Элфсон – само был удивленье:
как так шотландец извиненья
приносит в пользу англичан?)

[Уильям]

– Для блага мы обеих стран
собрались здесь.

[Посол]

– Для обсужденья
условий стран объединенья!
На мирных, верьте мне, правах.

[Уильям]

– Ах, мистер Элфсон, всё – не просто:
у вас – один закон, в горах —
другой. Процентов девяносто,
что тот союз не благо, – крах
навлечь на две страны способен.
Закон равнинный чужероден
для горцев. Вспыхнет новый бунт.

[Посол]

– Растёт число разбойных хунт
у вас в Шотландии. Из черни
они все выходцы. Но знать
(уверен я) подобной скверне
когда не будет потакать,
мы наведём порядок общий.
И вам и нам так будет проще.

[Уильям]

– Так вы хотите, сэр, сказать,
что мы восстаньям потакаем?
Я вас уверю: это – ложь.
Но ваш порядок нашим краем
не будет править всюду сплошь...

[Посол]

– Мы только помощь предлагаем
и вас ни в чём не обвиняем.
Поверьте мне: из года в год
к объединенью всё идёт
для блага наших экономик...
Учтите, внешний долг велик.
Восстанье – этому виновник.
А вы – из тех, кто уж давно вник
в дела. Войны ведь страшен лик!

[Уильям]

– Я мир отстаивать намерен.
Без распрей новых, я уверен,
мы можем сделку заключить,
что стать приемлемой способна
для стран обеих.

[Посол]

– Что угодно
вам будет, герцог, предложить?

[Уильям]

– Я предлагаю не спешить.
Возможно наших стран сближенье,
проникновение культур,
в грядущем даже без сраженья.
Но ныне крепнет чересчур
народное сопротивление.
Поскольку ваш король прислал
гвардейцев ваших и немало.

[Посол]

– Поскольку вы для нас – вассалы,
а ваш король обман избрал.

[Уильям]

– Закона нас связуют нити.
Закона вы и я вассал.
Гвардейцев ваших накажите,
что беззакония творят.

[Посол]

– Да, мы прислали к вам отряд,
иначе не заставить скоро
исполнить наши договоры.

Шотландцы ваши из лесов
гвардейцев наших атакуют.
Наверно, ваш приказ таков.
Предвижу скорую войну я.

[Уильям]

– Не наш! К чему слова угроз?
Насилье ваши совершают,
а горцы мстят, а не прощают.
И так исконно повелось!

[Посол]

– Вы нам не платите налоги.

[Уильям]

– Казна бедна, и денег нет.

[Посол]

– Вас обязал вассалитет
найти. Мы просим с вас немного.

[Уильям]

– Для вас – немного, нам казны
не хватит, верно, уже скоро,
чтоб отплатить все ваши сборы.
И в этом нашей нет вины.

[Посол]

– А ваш король не знал тогда ли,
что вам не хватит средств казны,

когда ему престол вверяли?
Вы знали то, что подписали.
И выполнять теперь должны!

[Уильям]

– Вы суммы нам не сообщали.
Мы платим вам, и каждый раз
берёте более вы с нас.

[Посол]

– Вы отказались подчиниться!
Гвардейцев наших вы опять
хотите дерзостно изгнать
из вашей бунтовской столицы.

[Уильям]

– Они жестоки чересчур!

И восстаёт и знать, и челядь
под игом новых диктатур.

[Посол]

– А что предложите вы делать?

[Уильям]

– Я предложу солдат арест,
кто учинили беззаконье.
Вы не изъявите протест,

законно это!

[Посол]

– Чту закон я!

[Уильям]

– Вот, подпишите!

[Посол]

– Наделён я

тем полномочиём. Но, сэр,
ответно требую я мер
для наказания шотландцев,
кто на гвардейцев нападал.

[Уильям]

– Впишите в договор!

(И вкратце
посол условия дописал).

[Посол]

– И вам кладу виновных опись.

Под компромиссом ставим подпись?

[Уильям]

– Я, сэр, не изьявлю протест!

Он подписал, и отдал сразу
перо послу, промолвил фразу:

– Посол, война из наших мест
людскую ненависть и мщенье
изгнать не сможет. А людей
свободных, кто порабощенья
не знал, в союзников скорей
вы обратите.

[Посол]

– Не поспорю.

(Поставил подписи посол
и отложил перо на стол)

[Уильям]

– Война и беззаконье – горе
для вас и нас.

[Посол]

– Согласен, сэр.

Но не принять мы должных мер
не можем.

[Уильям]

– Верно! Ожиданье
способно с вашей стороны:
здесь укрепить своё влияние,
но избежать притом войны;

смирить народное роптанье;
не вызывать людскую месть.

[Посол]

– Нам ожиданье предпочесть?

[Уильям]

– С войной вторгаться – не корректно,
войны ведь короток эффект.
Мятеж последует ответно.

[Посол]

– Да, герцог, верен ваш проект.

[Уильям]

– Прошу: подумайте вы трижды
пред тем, как действовать.

[Посол]

– Мы, выждав,
решенье примем. Общий мир
нам будет на руку, конечно.

[Уильям]

– Я очень рад, что столь успешно переговоры без рапир⁶ мы завершили.

[Посол]

– Да, пожалуй,
в уступке мы сойдёмся малой.

И руку он послу пожал.

[Уильям]

– В честь перемирия на бал
я приглашаю вас сегодня.

[Посол]

– Спасибо! Очень благородно!

И Кэмпбелл это услышал,
за стенкой в комнате шпиона.
Подумал: «Вот глупец на троне!»

И он с докладом в тронный зал
к монарху входит важно.

⁶ без рапир (шутл.) без кровопролития. Рапира – вид шпаги

– Сир⁷,
я сообщить вам об измене
сейчас намерен. Новый мир
нам с англичанами не ценен,
поскольку это (я слышал) —
без боя Англии уступки.
МакЛелланд родину продал!
Такие скверные поступки
теперь искупит только казнь!

[Король]

– Не стоит вашу неприязнь
к нему переливать в угрозы
стране.

[Кай Кэмпбелл]

– Останемся мы босы,
под игом наших палачей.
Увы, но будет слишком поздно.

Нам сдаться, не скрестив мечей?
Я – ваш доверенный советник.
Вы мне не верите... Как быть?
Как мне отчизну защитить?
МакЛелланд, верьте, ради денег
готов и честью, и страной
платить. Любой, любой ценой!

[Король]

⁷ Сир (фр. *sire*, англ. *sire*) – форма обращения к монарху в Британии. Соответствует русскому Ваше Величество, Государь.

– Ты обвиненье возлагаешь
весьма серьёзное. Но он
всегда отстаивал закон.

[Кэмпбелл]

– Ему посол наобещал уж
довольно золота и сто
других (немалых) привилегий!

[Король]

– Не верю!

[Кэмпбелл]

– Он предатель!

[Король]

– Что?!

[Кэмпбелл]

– Как мало чести в человеке!
Судите сами в остальном.
Поговорите, допросите...
Не откажите нам в защите!

Я вас прошу!

[Король]

– Свободен, Кай!

[Кай Кэмпбелл]

– Слова обдумайте!

[Король]

– Ступай!

– Мне срочно герцога найдите! —

Сказал король слуге.

[Слуга-страж]

– Он тут.

О милости аудиенций
вас просит.

[Король]

– Пропусти. Мне лгут

иль правда может здесь иметься?

– МакЛелланд! – Кэмпбелл выходя,
сказал. – Готовься объясниться.

Уильям отвечал, шутя:

– В чём объясняться должен я?

– Узнаешь! – Молвил тот с ехидцей.

Вошёл Уильям в тронный зал.

– Итак... – Ему король сказал. —

...Хочу услышать объясненье!

Что вы с послом решили здесь?

[Уильям]

– О, я пошёл на изощренье
(ведь англичан громадна спесь).

Я обещал для стран сближенье,
чтоб время выиграть. Война
теперь от нас отдалена.

То – не уступки, и не планы
нас в подчинение отдать.

Мы будем попросту играть,
те – ожидать, но воевать
теперь не будут больше страны.

– С чего решил ты?

– Как стратег.

Я знаю то, что человек,
и, в том числе монарх английский,
на то лишь падок, что ему
желанно и стремленьям близко.

– Я всё же смысла не пойму.

– Милорд, поверьте, нужно время,
его и выиграем мы.

Те ждут. Мы ищем ключ к проблеме.
Найдём союзников. С зимы
иль даже раньше, словом, – скоро,
с Парижем мы переговоры
начнём.

– Считаешь, быть войне?

– Возможно. Помощь нам французы
окажут скоро. Дружбы узы
и общий враг теперь вполне
объединяют нас.

– Когда ты
французов представишь?

– О, надо
сказать: я известил их. Как
приедут только двое: Жак
Атье и Август де Шарон – мы
найдем решение.

– Вы знакомы?

– Друзья мои то.

– Де Шарон...

Откуда мне знакомо имя?

С делами связано какими?..

Француз или шотландец он?

– Со мною Август, пансион
окончил здесь. И, верьте, он
считает наше государство
своею родиной.

– Второй?..

– Одной единственной!

– Прекрасно!

Не обойдёт он стороной,
надеюсь, наши интересы.

Твои знакомства нам полезны.

– Милорд, служу стране мечом,
душою, жизнью и умом.

А Кэмпбелл, лестницей спускаясь,
идёт к дворцовому крыльцу.

С прошением тихо обращаясь,
промолвил слышно чуть гонцу:

«Письмо, прошу, вот передайте.

Желаю видеть я посла.

И чтобы тайна в том была!

Кто я – послу не открывайте».

Глава 7

С оглядкой частою назад
спешит на встречу Кэмпбелл, в сад.
Тянулись тучи к горизонту,
и грома слышен был раскат.

Одетый Кэмпбелл в плащ до пят,
идёт к пруду. А близ – ротонда.⁸
Стоит посол среди колонн,
смотря на пруд. Промолвил он:

– Вдали от светского бомонда,
секретен будет ваш доклад?

Кто вы?.. Молчите? Говорят,
так скрытны графы иль виконты
у вас, шотландцев!

[Кэмпбелл]

– Сэр Элфсон,
среди интриг и войн повсюду
пусть титул будет утаён.
Я называть себя не буду.

⁸ круглая в плане постройка, обычно увенчанная куполом (здесь имеется в виду открытая постройка такого типа (как беседка) с колоннами)

Я изложу вам только суть.
Переговоров ход известен
мне был. Хочу упомянуть:
хитёр МакЛелланд и бесчестен.
Да-да, тот самый, джентльмен,
что с вами вёл переговоры.
Спешил «уладить он раздоры» —
обманом речь покрыл взамен.
Себя он вёл как суверен,⁹
и полномочья взял он выше,
чем полагалось, не привыкши
к разоблаченью мерзкой лжи!

Он – против стран объединенья,
он – только за обогащенье.
Поднимет лично мятежи,
чтоб только Англии влияние
не допустить нигде в Шотландии.

Пока вы ждёте без войны,
он заключит союз с Парижем
обманом, как всегда, бесстыжим!

Не для народа и страны!
Увы! Он вас и нас обманет;
богаче сам вдвойне он станет,
а мы останемся бедны.
Войной вы, мы поражены,

⁹ монарх

а он, конечно же, уедет
туда, война где не страшна.

– Как вы докажете?

– Одна

нам только будущность ответит:
был прав ли я. Но поздно уж
там, верно, будет. Только взвесьте:
что вам шотландцы, кроме мести
готовить могут? Главарию ж
восстанья – сотни привилегий.
Захватит власть МакЛелланд!

[Посол Элфсон]

– Экий

подлец!..

[Кэмпбелл]

– Коварный он игрок!

Он горд умелым вероломством,
а также деланым притворством.
Никто с ним справиться не мог!

Он обманул вас. Предлагаю
свои услуги. В этом крае
закон кровав, закон суров.
Я слать вам вести обещаю... —

Тут юркнул кто-то из кустов,

в тумане скрылся.

[Кэмпбелл]

– Вот проклятье!

[Посол Элфсон]

– Не смогут с вами нас узнать, – я уверен полностью.

[Кэмпбелл]

– Прошу,
посол, вас дольше задержать.
Я – проследить, вы – разобраться
лучше сможете. Спешу
теперь нагнать того шпиона,
кто нас подслушал вероломно.

«Каков туман вокруг, а он
как будто в ветре растворён. —
подумал Кэмпбелл. – Ни следа, ни
коня... Хотя, в таком тумане
искать его напрасный труд,
хоть был назад минуту тут».

Глава 8

Уильям шёл по Эдинбургу.
Людей на площади фигурки
туда-сюда сновали. Тишь
в местах окрестных нарушалась
каретным скрипом. Раздавалась
игра дождя, и глянец крыш
сверкал под бело-серым небом.
С востока ветер дул свирепо.
И дождевые тучи гнал.
Уильям их не замечал.

Взойдя на северный причал.
он наблюдал за кораблями.
В тумане порт горел огнями.

Он размышлял и вдруг...

– Милорд,
я слышал вот что... – Молвил парень,
что подбежал к нему.
– Уорд,
тебе за весть я благодарен.

Ты говоришь: в саду они
договорились?

– Да.

– Храни,
беседу в тайне. Знай: так надо!

Возьми вот пару золотых. —
Ты эту заслужил награду.

– Бегу, порадую родных.

Служить вам, сэръ, – всегда отрада. —

Он, крикнув, убежал.

Зажёг

сигару Вильям, отстранённо
взглянул на мачты и знамёна,
когда фрегат причалил в док.

– Bonsoir, monsieur!¹⁰ Какая встреча!

Раздался чей-то голос вдруг. —

Узнал Уильям эти речи.

и обернулся. Лучший друг
его стоял, сойдя с фрегата,
тот самый Август де Шарон.

¹⁰ (фр) добрый вечер, месье

[Август]

– Какая встреча – это ж надо!
И друга тут же обнял он.

[Уильям]

– Давно не виделись с тобою.

[Август]

– Уильям, не поверишь, что я
там пережил: был моряком.
Затем судьей, теперь – послом.

Тебе поведать обещаю
как вёл в Бургундии дела я,
Париж покинул и Марсель.
Но вот – страна моя родная,
и я по ней скучал досель...

Блондином был зеленоглазым
красавец Август де Шарон.
Отважен был и весел он
но вздорным нравом наделён.

Носил он брошь с большим алмазом.
Собой гордился напоказ.
Давал он волю едким фразам.

И дрался за себя не раз.
(Уильям знал не по рассказам).

Он по-французски был одет.
В камзол военный как всегда, но
и в треуголку капитана
с пером, что волосам под цвет,
хвостом присобранных. Немного
он был к тому же загорел.

И меч придерживая сбоку,
он на сундук вещей присел.

Слегка казался он пиратом
по поведению, но он
изысков знати не лишён
был утончённым и богатым.
И титул по отцу «барон»
Носил почётно де Шарон.

[Август]

— Ты — короля уже советник, —
я слышал.

[Уильям]

– Верно, Август, да.

[Август]

– Уилл, богатый ты наследник,
а я – ловец удач всегда.

С чего печаль? С чего невесел?

[Уильям]

– Я расскажу позднее. Друг,
ты мирно прибыл в Эдинбург?

[Август]

– О, да! На первый бриг в Кале сел,
когда письмо я получил.

[Уильям]

– Спасибо, Август! Ты здесь кстати!

[Август]

– Ты официально пригласил
меня как Франции посла. Я —
за что мне честь сия – не знаю!

И рассмеялся лишь Уилл.

– Да, верно я писал по службе тебе.

– Могу помочь по дружбе.

Заметил я: ты говорил
На пирсе с кем-то. Дело чести?

– О, нет, скорей дурные вести!
Не к спеху это. Мы потом
Поговорим с тобой о том.

– Увы, не дремлет неприятель.

– Пустое! Я спросить забыл:
Дела в Париже как?

– Уилл,

заменят Франции края те ль
отчизну? Нет! Конечно нет!

Ступил на берег с корабля я.

И, воздух родины вдыхая,
я счастлив. – Друг сказал в ответ,
смеясь.

– А мне вот – не до смеха...

– Что, много дел и нет успеха?

сказал ему Уильям.

– Эх,
придёт нежданно мой успех!

– Неужто, правда, всё – прескверно?

Тогда давай зайдём в таверну
И там расскажешь обо всём.

– Да, кстати вечером сегодня
в особняке моём приём,
а после – бал.

– Гостей – бессчётно,
наверно, прав я?

– Де Шарон,
придворный каждый приглашён.
Придёшь?

– Конечно да! Охотно!
В кругу друзей – всего милей.

– На семь сегодня.

– О, прекрасно!

– Но, если честно, среди гостей
врагов побольше, чем друзей.

– Так что? Их общество не властно
твои успехи пошатнуть.

С тобой тягаться ль им?

– Отнюдь!

Уильям другом де Шарона.
давно был: с детства, с пансиона¹¹.
Но, если честно, называть
с натяжкой можно де Шарона
французом. Стоит рассказать...

Он из шотландского был рода —
МакГрэгор. Дед его в Марсель
бежал, лишившись тут земель.
Ведь он однажды до восхода
кровопролитную резню
устроил против клана Кэмпбелл,
Не пожалев его родню,
но лучшим другом прежде с тем был.

Переходил он горный склон
когда-то в полночь, в непогоду.
И был в именье приглашён
он старшим Кэмпбеллом. К восходу
убил для мести многих он.

Он мстил, что Кэмпбеллы владенья

¹¹ с университета (университет пансионного типа)

его отняли с позволения
монарха. (Отнята земля
была подделкой документов).
Но Кэмпбелл всё ж для короля
нашёл довольно аргументов,
чтоб оправдать вину свою
и обелить себя в бою.

Монарх считал: правдивы слухи,
что клан МакГрэгоров жесток,
к мольбам о милости те глухи,
как воры все с больших дорог.

Запретно стало называться
«МакГрэгором» иным шотландцам. —
Междоусобных войн боясь,
король издал такой указ.
Землёй дано распоряжаться
отныне Кэмпбеллам, а тем —
пришлось в бесславии скитаться.
Гоним опальным бытием,
угрозой казни и позора,
бежал за море Грэгор скоро,
сменил он имя в тот же год.
(А кто беднее был из клана,
тот стал разбойником, – не странно.)

Отец же Августа почёт
снискал во Франции на войнах.
В года сражений беспокойных
баронский титул заслужил,
в Провансе земли получил.

Не собирался возвращаться
под стягом чуждого герба
в страну родную. И шотландцем
навек отрёкся называться.

Но сына, Августа, судьба
в края Шотландии вернула,
когда сраженье захлестнуло
две третьих Франции. Война
тогда велась с английским тронем.
Была победа невидна.

Не жил он в беспорядке оном.
Дабы окончить пансион,
в Шотландию на обученье
приехал. Старший де Шарон,
отец, вёл за освобожденье
просторов Франции сраженья.
И от шотландцев был далёк,

чего сказать нельзя о сыне.
За независимость, как мог,
боролся он страны родимой.

Себе поставил Август цель:
вернуть владения земель
себе МакГрэгоров. Но милость
судьбы ли стоит ожидать?
Его изрядно сторонились,
о том, что Грэгор он, узнав
притом боясь за дикий нрав.
Они с Уильямом сдружились.
Уильям дружбу с тем избрал
назло советам. Дух бунтарский
его советы презирал.
Считал, он: древний род шотландский
МакГрэгор жертвой козней пал.

А дальше жизнь свою в разъездах,
окончив университет,
вёл Август. Много разных мест, ах,
сменил за прошлые 5 лет.
То жил в Бургундии, то снова
в роли французского посла
он вёл в Шотландии дела.

Он был прекрасно образован.
Судьёй военным и прево¹²
он был во Франции. Во флоте
служил шотландском. Каково,
когда заслуги все – ничто те.
Он был под подозрением сплошь
среди Шотландии вельмож.

¹² Прево (фр. prévôt, от лат. praepositus – начальник) – в феодальной Франции XI – XVIII веков королевский чиновник или ставленник феодала, обладавший до XV века на вверенной ему территории судебной, фискальной и военной властью, с XV века выполнял лишь судебные функции.

Глава 9

Закат горел. Уже смеркалось.
Кружили птицы над водой,
где блик терялся золотой.
В каретах общество съезжалось
на бал в прибрежный особняк.

Уильям с другом из таверны
на бал приехал позже.

[Уильям]

– Жак!

Сказал, увидев друга. – Как,
и ты здесь?! О, я рад безмерно!

[Жак]

– Мерсі! Уилл! Смотри: посол
английский с Кэмпбеллом пришёл.

С весёлым нравом был брюнетом
французский граф Жак де Атье,
богато также разодетым.

[Уильяму]

– Смотрю, уже собрались все.

[Жак]

– А что же, праздника хозяин,
на бал опаздываешь ты?

Заметил Кэмпбелл:

– О, не странен
такой поступок! Нет беды
же в опоздании на бал свой,
когда к монарху и послу
опаздывает герцог часто.

[Уильям]

– О, я принадлежу к числу
одних из первых в государстве —
меня простят. «Но, не иных,
кто уличает всех в коварстве,
но пунктуальнее других». —
Сказал Уильям, тон понизив.

[Кэмпбелл]

– Давно ли здесь вы, де Шарон?

Смотрю, любитель вы круизов.
Моряк, кто страхов всех лишён!
Таким загар – не моветон. —
От темы уклоняясь ловко,
сказал он Августу с издёвкой.

[Август де Шарон]

– Давней, чем вы. – Ответил он.
Кай Кэмпбелл поднял бровь.
– Поскольку
мой клан тут правил испокон. —
Заметил тихо де Шарон.

[Кай Кэмпбелл]

– Барон, снимите треуголку!
Тут бал, но бал не маскарад.
Иль вы, месье, уже – пират? —

Расхохотался он притворно.

С презрением Август бросил взгляд
на Кая. – В орденах наряд.

[Август де Шарон]

– Скажите, ныне не зазорно
носить отцовы ордена?

[Кай Кэмпбелл]

– Я горд своим происхождением.
Моя семья честна, знатна.
И ни одной порочной тенью
Не омрачила честь она.

Мне – не зазорно, ведь разбоем
не промышляли мы в лесах.

Горжусь: камзол мой в орденах.
Мы за державу честным боем
награды заслужили сплошь.
Мы, как иные, не присвоим
чужих алмазов. – Он на брошь
с алмазом глянул де Шарона.

– О ком вы это? – Церемонно
промолвил де Шарон. – Я мог
бы расценить такой намёк
как оскорбленье! Но кого же?
Тут нет воров с больших дорог,
кому за краденные броши
убить болтливых невтерпёж.
Не правда ли? – Он вынул нож
и к горлу Кэмпбелла приставил.

[Кай Кэмпбелл]

– Ха-ха. – (Умело скрыл он дрожь). —
А убедительны вы всё ж!

И хватку де Шарон ослабил,
и отпустил его.

[Кай Кэмпбелл]

– Я рад,
что в этом зале нет пиратов,
а – общество аристократов.

Барон, а правду говорят,
что вы играть любитель в карты. —
И, провоцируя скандал,
с ехидцей Кэмпбелл продолжал. —
Сыграем?

[Август де Шарон]

– Я лишён азарта.

За стол игорный не садясь,
стоял, к стене он прислонясь,
в руке с дымящейся сигарой,
не изменив привычке старой.

[Август де Шарон]

– Здесь не игорный дом, а бал.

[Кэмпбелл]

– И не таверна! – Не курите!

[Август де Шарон]

– Хозяин дома разрешал.
А в карты – даму пригласите!

[Кэмпбелл]

– Я сторонюсь подобных дам,
каких я здесь, частенько видел.
Я – лёгких нравов не ценитель.
(Не будь в обиду всем гостям.)

Но как-то нужно развлекаться.
К чему скучать? Ведь всё же бал.

Хотите, чтобы рассказал,
Одну историю я вкратце? —

Спросил гостей он. – Речь пойдёт
о клане Грэгоров. На счёт
того послушать не хотите?
Забавно будет!

[Посол Элфсон]

– Расскажите!

[Кэмпбелл]

– А вдруг французской то элите
нелестно будет слушать? – (Он
взглянул тогда на де Шарона). —
...Или шотландской?

[Август де Шарон]

– О, шаблонны

рассказы ваши. Граф, пардон,
кто ими будет развлечён?

Тут рассмеялись: Фитцджеральд и
МакКэй, МакТавиш.

– Всех созвал ты
непримиримых. – Де Шарон
шепнул Уильяму. А он
ему ответил:

[Уильям]

– Я люблю так.
Мне скучен дружеский покой.

[Август де Шарон]

– С меня твоих довольно шуток!
Под крышей с Кэмпбеллом одной —
не место мне. Прощай!

[Уильям]

– Постой!

[Кай Кэмпбелл]

– Итак, начну рассказ я свой.
Одна известная семейка
мне проиграла и давненько,
вернее, клану моему.
Узнать хотите почему?

[Посол Элфсон]

– Да, расскажите!

[Кай Кэмпбелл]

– Непременно!

Сказать по правде, откровенно, —
непредприимчивость ума.

[Посол Элфсон]

– Причина скверная весьма!

(Расхохотались все тут хором.)

И Август, сжавши кулаки,
шепнув Уильяму:

– Позором
мой род покрыли.

[Уильям]

– Вопреки
всему молчи, ведь все тут гости
считают: вы, месье, – француз.
Себя не выдай!

[Август]

– Я от злости

(коль не уйду) за меч возьмусь.

[Уильям]

– Не время, Август. Всех проучим,
но методом намного лучшим.

[Август]

– Я вас оставлю, господа!

[Посол Элфсон]

– Занятный разговор! Куда
спешите?

[Август]

– Верьте, мне пришлось те
рассказы слушать много раз!

[Кай Кэмпбелл – Августу]

– Тогда сыграйте с нами в кости,
наскучил если мой рассказ.
Удаче вызов не угодно
вам бросить?

[Август]

– Брошу и охотно!

[Кай Кэмпбелл]

– Игры ли помните вы суть?

[Август]

– Не сомневайтесь в том ничуть!

Взглянул Уилл слегка с насмешкой. —

[Уильям]

– Лови удачу, Кай! Не мешкай!

Она ведь может упорхнуть,
как птичка. – Сделал жест руками
Уильям. Рассмеялись все. —

Бросайте первым, а за вами
пусть бросит кости наш месье. —

Взглянул Уилл на де Шарона,
подбросил кости над собой.
И Август их словил рукой.

– Так, ваши ставки? – Церемонно
спросил МакТавиш. И сказал
Рэй Фитцджеральд (он был кузеном
МакКэю) громко на весь зал:

– Ха-ха, известно в большинстве нам,
кто посещает оный бал:

Обычно кто бросает кости
вторым (как прямо Август наш),
вернётся первым за Ла-Манш.

– Правдивы слухи все небось те... —

Шептались гости у стола. —

– ...что Грэгор он?

– ...Фортуна зла!

Итак, бросает Кэмпбелл кости.

– Три-пять, сэр Кэмпбелл. Август, бросьте!

– Пять-шесть. О, выигрыш здесь ваш,
мсье де Шарон.

[Кай Кэмпбелл]

– За мной – реванш!

– Вас, Кай, постигла неудача!

Вы проиграли всё. – Уилл
с улыбкой Кэмпбеллу заметил.

Тот помрачнел и не ответил.

и неохотно заплатил.

[Уильям]

– Вот жизнь – коварная игра!

К одним – скупа, к иным – щедра.
Но лишь меняется удача —
беднеет тот, кто был богаче...

Посол был мрачен, Кэмпбелл – зол.
Вокруг веселье, хохот громкий.
Покинут был игорный стол.
Уильям с Августом в сторонку
отходят.

[Уильям]

– Видел, Август? Так-то!

Играют с подлыми без такта!

[Август]

– Ты кости, что ли, подменил? —

– Да, верно, друг. – Сказал Уилл
и рассмеялся. – «Первым бросьте»
и – *voilà!*¹³ Хорош намёк?

Преподнесём ему урок...

Судьба играет в те же кости.

Тут дама в комнату вошла.

[Уильям]

– О, дорогая Джулиана!

Там скучно? Ты – не весела! —

¹³ вот (фр.)

[Джулиана]

– В игорный зал ушли неожиданно
от нас вы. Танцы не начать.
Лениво сплетничает знать.
И в зале скучно несказанно.

Уильям, мы все просим вас:
сыграйте нам на клавесине!
Она присела в реверанс.
Целует руку он графине.

Оркестра звуки серебристо
лились из зала.
– Джул, игру
я посвящаю вам.
(Альтисты
смычки подняли вверх со струн.)

Коснулся лишь Уильям клавиш,
и все заслушались.

[Кай Кэмпбелл]

– Сэр, есть
для вас одна сегодня весть.

[Посол Элфсон]

– Как это общество оставишь
сейчас? Мы – во втором ряду!

[Кай Кэмпбелл]

– Оставьте церемонность ту!

[Посол Элфсон]

– Сейчас уйти недопустимо!

Они шептались. Наблюдал
за ними Вильям, но незримо.
Не глядя в ноты он играл.

[Кэмпбелл]

– Талант игры ему не дан-то.

[Посол Элфсон]

– Вы не имеете ушей,
иль досадил он вам? Скорей
склонюсь к второму варианту.

«Уильям, браво, браво! Бис!»
Аплодисменты раздались.

[Кэмпбелл]

– Посол, идёмте на веранду!
Гостям по нраву «бенефис
артиста», мне же он – противен!

[Посол Элфсон]

– Приличья ради даже вы
не рукоплещете?

[Кэмпбелл]

– Увы,
И без меня гул непрерывен
рукоплесканий. Надо ли?
И Элфсон с Кэмпбеллом ушли.

[Гости]

– Одну из трёх своих элегий
сыграйте, Вильям! Просим вас!
Он им с задумчивостью некой:
– Простите, но не в этот раз...
– Ах, отчего вы не хотите?

[Уильям]

– Нет нот... Искать иду листки те.
Пока сыграет Жак Атье
на арфе. Просим вас, месье!

Уилл прошёл к веранде. Волны
вели, как будто, с ветром спор,
сливаясь с арфой в дивный хор.
Он стал за ближнею колонной.
С веранды нёсся приглушённый,
едва чуть слышный разговор.

[посол Элфсон]

– Итак, какие ваши вести?

[Кэмпбелл]

– Монарху вашему письмо.
Прочтёт – решится всё само.

[Элфсон]

– Когда там – ложь, тогда не грезьте
о нашей милости!

[Кэмпбелл]

– Ничуть
я не желаю обмануть.

[Элфсон]

– Не уличаю вас в обмане,
но коль ведёте вы игру...

[Кэмпбелл]

– Нечестных путь не избираю!..

«Письмо у Элфсона в кармане!» —
Украдкой Вильям увидал.

[Элфсон]

– Тогда на вас надеюсь я, сэръ...

(Он пару слов не разобрал.
В саду шумел от ветра явор
и волны бились о причал).
Спустя минуту услышал:

[Кэмпбелл]

– Имею к вам, посол, я дельце,
ведь с вами мы – почти друзья.

[Элфсон]

– И что же может разумеется
под «дельцем»?

[Кэмпбелл]

– О, признаюсь я:
оно – из ряда щепетильных.
Весьма непрост, пожалуй, стиль в них...

[Элфсон]

– Скажите прямо, не тая!

[Кэмпбелл]

– Весьма я, мистер, озадачен
бесчестных пламенной удачей.

[Элфсон]

– И вы решили, стало быть,
что я помог бы проучить
такого «чина» господина?

[Кэмпбелл]

– Усильем общим мы б смогли.
Желанье мстить у нас едино...

[Элфсон]

– И он – Уильям, не так ли?

[Кэмпбелл]

– Да, верно, граф. Его стараньем,
вы в Англию бы привезли
любезность, только в сочетанье
с обманом подлым всей страны...

[Элфсон]

– И что я должен?..

[Кэмпбелл]

– Не должны,
но я прошу вас об услуге:

назначить с герцогом дуэль.

(Признаться, Элфсон был в испуге).

[Кэмпбелл]

– Я вас уверю, то – лишь трюки.
Проста возмездия модель.
Вам драться ним и не придётся.
Уильям – просто жалкий трус.
От ссор и драк он увернётся.
Он только смело мечет туз.
Вы рассудите: невозможно
принять ваш вызов...

[Элфсон]

– Например?..

[Кэмпбелл]

– Когда клинки покинут ножны —
война объявлена.

[Элфсон]

– Ах, сэр,
вы – мастер этаких афер!
Как это будет?

[Кэмпбелл]

– Оскорбите
его, как будто невзначай.
Осмейте! Все его пускай
позор увидят, и смотрите:
как он уладит с вами спор.
Ему страна всегда важнее.
Снесёт за родину позор.
А с вами бой – к чему затея?
Себе подпишет приговор!
Дуэль с послем – то разжиганье
войны. МакЛелланд – патриот.
И вывод наш: его тут ждёт
остатка чести поруганье!

[Элфсон]

– Зачем мне риск? Я не пойму!

[Кэмпбелл]

– Как, сэр? Услуга – за услугу!
Я вам донёс...

[Элфсон]

– А... посему...

Ну будь по-вашему! – Жмёт руку.

«Какой занятный диалог!» —
Уильям нотный взял листок
и отошёл оттуда вбок,
к гостям обратно, за порог.

«Ну что же, Кэмпбелл, – размышлял он, —
твой вызов дерзок и отчаян.

Моё задумал осмеянье? —
Своё получишь поруганье!»

К гостям подходит Вильям. Там
его все ждали.

[Гости]

– К песне ноты
нашли вы?

[Уильям]

– Грустной, как назло, – да.
Весёлой – нет. А жаль! Я драм
ведь не люблю, но часто драмы
гвоздём являются программы.

[Гости]

– Да, верно, сэр! Сыграйте нам!

Он улыбнулся.

– Непременно!

Восторженные взоры дам
ловил он. Кэмпбелл шёл надменно;
а с боку – Фитцджеральд, посол —
за ним. МакКэй поодаль шёл.

– А вдруг Уильям будет драться?
Промолвил Фитцджеральд. – Тогда
мы – секунданты, господа!

МакКэй шепнул сквозь гул оваций:
друзьям. – Какая чепуха!

[Кэмпбелл]

– Уильям струсит! Ха-ха-ха!

[Посол]

– А вдруг он примет вызов?
– В плане
словесном. – Хохотнул один.

Уильям сел за клавесин
и улыбнувшись Джулиане,
запел:
«Хочу признаться вам,
что вас люблю уже давно я.
Я чувства оно не скрою,

взаимность видя по глазам!»

– Как ненавижу я мерзавца!
Элфсону Кэмпбелл прошептал.
Она – моя невеста. Зал
о том весь знает. Как признаться
он смел? Помолвлены мы с ней.

Он знает это! Перед всеми
такой позор в такое время,
а свадьба – через пару дней
моя с «прекрасной» дамой сей.

Её семья – в долгах по уши!
Я их собрался уплатить!
Но, может, слово я нарушу!

[посол Элфсон]

– Она распутна, стало быть...

Звучали ноты уж финала,
скрипичный аккомпанемент.
Толпа опять рукоплескала
и Джулиана в тот момент.

Кричали «Браво» гости: «Петься
не может лучше сей куплет!
Скажите, для кого он спет?»

И приложивши руку к сердцу
Уильям молча всем кивнул

вместо поклона. Грянул гул
оваций вновь, а после – в зале
опять все гости танцевали.

А Кэмпбелл вышел тут же вон
в игорный зал и был взбешён.

Подходит Вильям к Джулиане.

– Не откажите в чести: с вами
мне танцевать, *ma belle madame*.¹⁴

Он поклонился ей.

– Всегда мне
то лестно. Я признаюсь вам,
что восхищаться не устану
талантом вашим.

– Очень рад,
что вам моё по нраву пенье.

– Чудесный голос! Говорят,
стихи те – ваше сочиненье.

– Моё, ведь вы – мне вдохновенье!

Танцуют гости котильон.
Вот реверанс, затем поклон.

Как только смолкли звуки танца
ему сказал с усмешкой Жак:

¹⁴ моя прекрасная мадам (фр.)

– Посол успел мне проиграться.

[Уильям]

– А ты везуч!

[Жак]

– Да-да... И как!

[Уильям]

– Схитрил, как видимо, дружище?

[Жак]

– Да нет, тут шулерство излишне.

В «один и тридцать» и «бассет»¹⁵,
как помнишь ты, мне равных нет.

[Уильям]

– И мне пора с послем сразиться...

Игра – забавная вещица!

[Жак]

– Щедра Фортуна к нам! Идём!

Сидят за карточным столом
Элфсон и Фитцджеральд. С МакКэем
Кай Кэмпбелл шепчется:

– ...Сумеет!

Клянусь: поплатится нахал.

К столу приблизиться посмей он —
при всех же будет он осмеян. —

¹⁵ виды карт. игр

Обрывок фразы услышал
Уилл, вошедши.

[Кэмпбелл]

– Как вы кстати!
Мы уж закончили!

[Уильям]

– Чей счёт?

[Кэмпбелл]

– Посол опять реванш берёт.

[Уильям]

– Со мной угодно ли?

[посол Элфсон]

– К растрате
игра вас, герцог, приведёт.

[Уильям]

– Исход вы знаете, похоже?

Вокруг игорного стола
стояли дамы и вельможи.
Вниманье фраза привлекла.

[Уильям:]

– Прошу, посол, от вас я милость:
в дальнейшем карт в рукав не класть,
а то, когда исход известен,
азарт нисколько не уместен, —
и я к игре теряю страсть.

(Но тот не жульничал на деле)

[Посол]

– Да как, МакЛелланд, вы посмели
меня в лукавстве обвинять?
Судили вы не по себе ли?

(Посол готов был меч достать.)

Сказал Уильям громким тоном,
что был безапелляционным:

– Любезный! Вы за рукоять
меча берётесь не спонтанно!
А коль расстрою ваши планы,
и вызов ваш дерзну принять?

[Посол:]

– Вы добиваетесь дуэли?..

[Уильям:]

– Хотите драться в самом деле?

[Посол:]

– Лишь в карты, герцог!

[Уильям:]

– Да как знать!

«К чему от герцога нападки
да на посла? – Шептались вдруг.

И так условия мира шатки.»

«Мир с англичанами? Ах, друг!

Что значит Англия для горца? —

Мы с нею призваны бороться!»

Заходит Август де Шарон.

– Что тут?

– Дуэль, вот-вот затеет. —

Ему шепнул Жак.

[Кэмпбелл:]

– Ха, пардон,

уверьтесь, шутка всё скорей!

– Нет! —

Сказал Уилл, повысив тон.

– Присядьте, герцог! Что кичиться

своею смелостью, точней
её отсутствием. – С ехидцей
Элфсон заметил.

[Уильям:]

– Извиниться
придётся вам, посол!

[Посол:]

– Моей
вины здесь нет. Вы оскорбленье
мне первым нанесли. Взамен – я.

[Уильям:]

– Отлично, сэр! Коль вы – не трус,
(сумел я в чём засомневаться)
и с честью хоть остаток уз
у вас имеется, – вы драться
со мною будете.

[Посол:]

– Вот как?
А что вы предали свой флаг
и обещали мне украдкой
недавно родину продать —

вы не хотите рассказать?

[Уильям:]

– Не слышал худшего вранья! —
Бросает на пол он перчатку. —

Была задета честь моя
три раза в сей короткий вечер.
Умрёте Вы, иль смерть я встречу!

[Посол:]

– Готов я вызов ваш принять.
Перчатку можете забрать.

[Уильям:]

– Отлично, сомневался уж я,
что вы – не трус!

[Посол:]

– Оставьте, сэр,
Свой оскорбительный манер!
Какое выберем оружие?
Шотландский, думаю, палаш...

[Уильям:]

– Но лучше меч английский ваш.
Я одинаково владею
и тем, и тем. Но я скорее

вам предоставлю авантаж.¹⁶

[Посол:]

– К чему такое благородство?

[Уильям:]

– Посол, любое неудобство
влечёт дуэли саботаж.
Я не уйду без сатисфакций.

[Посол:]

– Не смею я ретироваться.
Мы будем драться на мечах.
Когда и где?

[Уильям:]

– В утра лучах,
на скалах, у руин поместья.
На семь утра. Поедем вместе!

[Посол:]

– Кто секунданты ваши?

¹⁶ преимущество

[Уильям:]

– Жак
и Август.

[Посол:]
– Третий?

[Уильям:]

– Брюс. Итак,
а ваши?

[Посол:]

– Кэмпбелл, Фитцджеральд и
МакКэй. Готовы для отваг,
когда убитым быть в «награду»
вы, герцог, можете быть?

[Уильям:]

– Я

своих решений не меняю.

[Посол:]

– Позору противостоя,
нужна ли жертва вам такая?

[Уильям:]

– Позор искупит ваша смерть,
а нет – готов я умереть.

– Он там, на месте, извинится. —
Кай Кэмпбелл на ухо сказал
послу.

[Уильям:]

– Для нас окончен бал. —
Друзей встревоженные лица
Уилл увидев, хохотал.

[Кэмпбелл:]

– Смотри, как весел он! Пред смертью
бывает разве так? Игра!

[Посол:]

– Ах, даром всё! Жалею впредь я!

[Кэмпбелл:]

– Напрасно! Едем! Нам пора!
До места два часа галопом
по тем лесным окольным тропам.
А на часах – уж пять утра.

[Посол:]

– ...Никак на труса не похож он.
Напрасно я ввязался в спор.
А этот бой, что мне предложен,
похож на мой теперь позор!
Не извинится он, так драться
на смерть, ещё и на скале?

[Кэмпбелл:]

– Посол, есть время отказаться!

[Посол:]

– Чтоб я в трусливых был числе?

Глава 10

Светало. Тусклою лампадой
светило солнце сквозь туман.
Лесистый путь – росист и мшан.
Прохладно было. Кавалькадой
они минули старый лес.
Копыт затихнул громкий цокот.
Услышав волн бурлящий рокот,
они все спешились. Отвес
скалы, врезающейся в море
был крут, высок и каменист.

[Посол:]

– Уильям, вы – авантюрист.
Но я скажу вам: априори,
пусть вы бесстрашный дуэлянт,
к сраженьям пусть у вас талант,
но страх владеет тем, кто спорит
со смертью, здесь дерясь.

[Уильям:]

– Ах, граф,
уловки ваши – бесполезны.
Мы драться будем!

[Посол:]

– Здесь у бездны?

[Уильям:]

– Да нет! Зачем? – Поодаль став!
Я вам сражение предлагаю,
не смерть случайную у края.

[Посол:]

– А вы – беспечны. Я неправ?

За ними высились руины
в туманной дымке бледно-синей.

С насмешкой Вильям поднял бровь:

– Мне риск подчас волнует кровь.

[Посол Элфсон:]

– А быть убитым – не досадно?

[Уильям:]

– Отвечу как, пока я жив?

Клинок он выхватил внезапно.

Элфсон, с испугом отразив
удар, слегка назад отпрянул.

Его глаза слепила сталь.

Спиною к солнцу Вильям стал,

Элфсон позицию же занял —
лицом к рассвету, а спиной —
к ревущей пропасти волной.

Они дрались, с секундой каждой,
ступая ближе к краю. С жадной
кипел прибой, и веял бриз.

Скатился первый камень в пропасть.

[Уильям:]

– Поаккуратней! Здесь легко пасть!

Элфсон со страхом глянул вниз.

[Уильям:]

– Дерись – с оглядкою не мешкай!

Уильям выбил меч с насмешкой,

врага ударом ранив в кисть.

Оружье кануло в пучину.

[Посол:]

– Убьёшь меня теперь бесчинно?

[Уильям:]

– Смотри, Элфсон, не поскользнись!

Врага Уилл слегка толкает,
но в тот же миг его хватает, —
посол над бездною повис.

[Посол:]

– Увидел смерти лик в сей день я!
Но я прошу вас... Нет, молю!
Исправьте это положение!
О том доложат королю,
что я, посол, был безоружен...
Убить меня – ли ваша цель?

[Уильям:]

– На смерть, вы помните, дуэль?
Причин назвать хоть сотню дюжин
сейчас вы можете, Элфсон,
но я был слишком оскорблён.

[Посол:]

– Что вам угодно?

[Уильям:]

– Извиненье
от вас услышать!

[Посол:]

– Каюсь в том,
что я нанёс вам оскорбленье!

Он руку протянул. Кругом
белело морево тумана.
Уилл заметил: из кармана
письмо торчит одним углом.

[Уильям:]

– Иль вы судьбой весьма любимы,
иль я сегодня милосерд...

[Посол:]

– Как высоко! Невыразимо!

Оглядка вниз – и тот конверт
Уильям вытащил незримо
для всех вокруг, пока посла
опасно бездна отвлекла.

[Уильям:]

– Вы крепче за руку держитесь!
И на камнях не оступитесь!

[Посол:]

– Как скользки валуны! – Была
одна секунда: оглянулся
посол назад на пропасть и
на склоне тут же поскользнулся,
когда солёных брызг рои
поднялись снова от удара
прибоя о скалу.

Уилл

письмо к себе переложил,
сказав: «Прибой грохочет яро.

[Посол:]

– О как страшна стихии власть!

[Уильям:]

– Я не позволю вам упасть!

И не смотрите вниз! – С испугом
посол взглянул вверх. – За руку
держитесь крепче, а второй
хватайтесь за утёс крутой!

Итак, на склоне очутился
Посол опять, едва дыша.

– Вы – благородная душа!

Я знал, я знал: вы – не убийца! —

Обнял Уильяма посол.

[Уильям]

– Хоть удалось нам примириться,
брататься с вами не годится!

Уильям быстро отошёл
на шаг, дабы Элфсон пропажу
никак не заподозрил даже.
С насмешкой глянул на посла.

Подходят к нашим дуэлянтам
с боков обеих секунданты.

[Фитцджеральд:]

– Дуэль окончиться могла
несчастливым случаем!

[Жак:]

– У края
бывает часто мировая!

[Уильям:]

– Нет, я посла от смерти спас,
ведь он принёс мне извиненье.

[Посол:]

– Признаюсь честно, при всех вас,
на вашу честь, Уильям, тень я
бросать на бале не хотел!

[Уильям:]

– Случайно бросили, похоже,
но, искупила всё дуэль.
Я, сатисфакцию обрётши,
теперь свою достигнул цель:
оспорить мерзкое название,
что, дескать, я, МакЛелланд – трус;
что, мол, плачу бесчестьем дань я
и поединков устрашусь. —
Взглянул на Кэмпбелла – глаза тот
отвёл, скрывая неприязнь.

[Уильям]

– Я трусом не был отродясь,
но, странно: мир на слухи падок
и верит подлости догадок.

Но опровергнуты они!

За слухи те кто может грош дать?

Прощайте, джентльмены! – И
Уилл седлал гнедую лошадь,
пустив её галопом.

[Август]

– Брав
поступок твой! Весьма искусно!

[Уильям]

– Я казни Кэмпбелла добыюсь! Но!

Коня пришпорил он. – Нагнав
его едва, друзья-французы,
опять остались позади.

[Уильям]

– Всегда клеветают много трусы.
Но что с того мне?

[Жак]

– Погоди!

[Уильям]

– У вас не лошади, а клячи!

[Август]

– Да нет, на крыльях ты удачи!

Уилл смеялся впереди.

Глава 11

Они лесной скакали чащей,
где крон вздымался обелиск.
В камнях блестел поток журчащий.
Поднявши тучу водных брызг,
Уильям дёрнул за поводья
коня и спрыгнул у ручья.
Виднелись за лесом угодыя,
редела дымки кисея.
Но ветер продолжал ерошить
всё так же гривы лошадей.

К воде подвёл Уильям лошадь,
присел на крупный из камней.
Друзья, последовав примеру
его, все спешили с коней.

[Жак]

– Уилл, затеял ты аферу!

Дуэль с послем!

[Уильям]

– Дружище, Жак,

я знал, что делал!

[Август]

– Ты без меры

рискуешь, право!

[Уильям]

– Да пустяк! —

Письмо он вынул. «Превосходно!» —

Прочтя, сказал Уильям.

[Август]

– Что?

[Уильям]

– Мои друзья, вам знать угодно? —

Смеялся он. – Но знание до
свершенья действия обличенья
испортить может торжество!

Возвышен снова на ступень я
над всеми кознями.

[Брюс]

– Кого?

[Уильям]

– Того, кто к своему несчастью
оклеветал меня. Отчасти
я сам того не ожидал,
насколько Кэмпбелл низко пал.

[Август]

– Откуда это взял письмо ты?

[Уильям]

– А что, вам, правда, – невдомёк? —

Сложил он наскоро листок. —

Как секунданты вы заботы
имели кроме, как следить
за ходом боя. Да, вот так-то!
Вы всё сумели пропустить!
Подчас играю я без такта...

Письмо то Кэмпбелл передал
Элфсону вечером на бале.
Дуэль затеял я у скал,
чтоб то письмо отнять. Едва ли
в таком тумане разглядишь
как я из Элфсона кармана
его стащил.

[Август]

– Как повисишь
над бездной – онога обмана
и не заметить! Ха-ха-ха!

[Брюс]

– Затея правда неплоха!

[Август]

– Посол был жутко перепуган!

Уильям спрыгнул с валуна.

[Уильям]

– Во всё́м торжественность важна!
Я «оскорблён» – к моим услугам —
дуэль.

[Август]

– *Отличный вышел фарс!*

[Уильям]

– Я все свои дела за раз
вполне уладил.

[Жак]

– Остроумно!

[Уильям]

– Иначе был бы я – не я!

[Август]

– Твои проделки снова шумно
обсудят.

[Уильям]

– О, мои друзья,
втроене грядущее способно
затмить минувшую молву!

[Август]

– Да, о тебе клеветают злобно!

[Уильям]

– Опять мерзавцем прослыву...

Из-за кустов раздался шорох.

[Уильям]

– Слыхали? Что-то здесь не так.

– Не дело ли в бандитских сворах? —

Ответил по-французски Жак.

[Уильям]

– На лошадей! Пригнись к седлу!

И тут свисавшую верёвку
перерубил Уильям ловко,
затем отбил мечом стрелу.

Скатился кубарем разбойник
к ногам его, бросая брань.

«Сдавайся, либо ты покойник,
француз!» – Кричал одетый в рвань.

Со всех сторон взметнись луки.

Раздались скрипы тетивы.

«Француз не больше я, чем вы!» —

По-гэльски крикнул Вильям.

– Трюки!

Не проведёшь ты нас, богач!

[Уильям]

– Роксбургский герцог перед вами!

А я – и милость, и палач —
в моих руках закона знамя.

Со мной – МакГрэгор и МакГи.

Прошёлся шёпот: «Тан¹⁷ МакГрэгор?»

[Уильям]

¹⁷ Тан – дворянский титул в Шотландии, либо ув. обращение к вышестоящему по иерархии

– Когда вам жизни дороги,
вы нас пропустите. В шатре гор
у вас – разбойничий приют.
Когда пропустите нас тут,
тогда и вас никто не тронет.
А нет, – тогда весь клан казнён
ваш будет, как велит закон!
Приказ напишет ли перо, нет
«казнить» вас – выбор ваш.
– Нам дан
ли выбор, досточтимый тан?

Наш клан МакГрэгор – здесь без славы
набеги должен совершать,
ибо изменников печать
на нас лежит.

– Вы славу вправе
себе вернуть. – Сказал Август. —
Вы это слышите из уст
потомка Кеннета¹⁸, кто Албы
правитель первый был в часы,
когда жилось славней в разы.
И я вам слово чести дал бы,

¹⁸ Король Кеннет I (годы правления 841—858) – первый король части Шотландии, которая называлась Албой, ведёт род от правителей Дал Риады. Клан Мак-Грэгор имеет прямое родство с первым королём Дал Риады (гэльск. Dál Riata)

принять в ближайшем манифест:
вернуть вам земли этих мест
и отменить на всех гоненья,
кто скрыт сейчас лесною сенью, —
в обмен на вольный наш проезд.

Сказал разбойникам Уильям:

– Покончим с ложью и насильем!

И вот начало всех удач,
когда судить по вашим меркам. —

Подкинул деньги фейерверком
Уильям. Вон оттуда вскачь
друзья умчали в тень лесную.

А шайка тут же – врассыпную —
монеты стала собирать
и не пыталась их догнать.

[Август]

– Когда б не Франция – такую
пришлось бы мне жизнь коротать.

[Уильям]

– Твои собратья-бедолаги

от новой жизни в полушаге. —
Смеялся Вильям. — Короля
прощенье — им, тебе — земля.

[Август]

— Уилл, о чём ты?
— Будет время
я расскажу. Не перед всеми. —
Шепнул он другу.

[Август]

— Понял я.

Элфсон в то время с «вражьей свитой»
дорогой, травами увитой,
скакал в объезд, минуя лес.
Вдали сверкала моря кромка.
Каким-то лоскутом порез
(его назвать раненьем — громко)
руки небрежно замотав,
молчал он полпути. Вдруг начал:

— Меня ваш вызов одурачил!
Я, вашу сторону приняв,
позор имею! Измышление
меня вот так повергнуть грязь

когда родилось? Как у вас
хватило низости душевной?

[Кэмпбелл]

– Вы нечто спутали, посол!
За что укор мне речью гневной?
МакЛелланд низость изобрёл!
Нанёс он первым оскорбленье,
вы – защищались!

[Посол]

– Не его,
но ваше мерзкое стремленье
меня к дуэли привело!

Вы, честь свою бесчестьем спасши
моим, решили мстить? И как!
Письмо куда девалось ваше?
Сочли вы, верно: я – дурак?

[Кэмпбелл]

– Посол, не допускали мысли:
злосчастный выпал тот листок,
когда над пропастью повисли!

[Посол]

– Смешны вы! Выпасть он не мог.
Сейчас мне думается: сами
вы то устроили!

[Кэмпбелл]

– Мой Бог!
Не замышлял я сей подвох.
Да, я виновен перед вами
в дуэли с ним. Пускай весьма!
Но вот отсутствие письма!..

[Посол]

– То дело ваших рук! Глупец я!
Такое «дельце» разумеется
у вас и может, сэр, ко мне!
Шотландцы – мерзостное племя!
Нешадны будем мы в войне!
И вдевши ногу глубже в стремя,
он поскакал от них вперёд.

[Фитцджеральд]

– Ну что, признаешь свой просчёт?

– Войны и так не избежать нам. —
Промолвил Кэмпбелл, как посол
из виду скрылся. – Всё учёл

я. И давайте о приятном.
Прошёл МакЛелланда триумф.
Теперь доложим о дуэли —
и мы почётом овладели.
МакКэй, – сумеешь?
Натянув
поводья тот остановился.

[МакКэй]

– Ты сам затеял это, нЕ мы,
и сам докладывай. Проблемы
не надо мне. Он будет чист,
а я оплёван перед всеми.
По козням ты – специалист.
Но кто сплетает сеть паучью, —
её подвержен злополучью.
Не по пути мне с вами!

[Кэмпбелл]

– Трус!

[МакКэй]

– Слова подкупят лишь наивность!

[Кэмпбелл]

– Не люди, – сборище медуз.
Какая жуткая пассивность! —

МакКэю крикнул он вослед. —

А ты что скажешь? – Фитцджеральда
спросил он. Тот ему в ответ:

– Игру опасную избрал ты.
Таких искуснейших задир,
как герцог наш, не видел мир.

Не выну я победный жребий.

[Кэмпбелл]

– Играй же сцены раболепий
тогда пред ним. Ему служак
не будет мало как-никак.

[Фитцджеральд]

– В твоих словах так много желчи,
что слушать гадко эти речи. —

И на коне он ускакал.

«Ну что же, – Кэмпбелл размышлял, —
Мозги имеют оба птичьи:
тот трус и этот зубоскал.
Мы б трое обрели величье,
о поединке донеся.

Но справлюсь я, конечно, сам. И
зачем делиться с дураками?
От них беда исходит вся».

Глава 12

Простился за́ лесом в предместье
с друзьями Вильям и потом
поехал к своему поместью.

Роскошный дом и сад кругом
и многочисленные ивы
у вод сверкавшего залива —
залиты солнечным лучом.

Уильям к дому прискакал,
остановился на аллее.
Поводья лошади отдал
его встречавшему лакею.

— Милорд, – слуга ему сказал, —
вас гостья ждёт.

— Кто? Незнакомка?

Уильям рассмеялся громко.

— О, я не знаю всех имён.

— Давно ли ждёт?

— Да после бала
она от вас не уезжала.

– И где она?

– Под сенью крон,
в тени деревьев у фонтана.

Вон там, смотрите!

– Джулиана!

Под белым зонтиком она
сидела с книгой на скамейке.

Вся в белое облачена.

Её золотых волос копна
вилась по пояс. На аллейке
букет нарциссов брошен был.

Букет цветов поднял Уилл,
к ней подойдя, сказав:

– Грустна ты?

Но отчего, ведь всё кругом —
прекрасно здесь под сенью сада.
Прохладно. Может в дом зайдём?

– Как рада я! Ты здесь, Уильям!

Я волновалась! Досветла
уехал ты. Я не могла
не волноваться. – Без усилия
она вспорхнула со скамьи,
как будто бабочка на крыльях,

движенья невесомы чьи.

Её он обнял.

– Джулиана!

– Я волновалась: что с тобой!

Посла ты звал на смертный бой.

Постой! То кровь! Серьёзна ль рана?

– Храним я, милая, судьбой.

Нет, не моя кровь.

– Дорогой,

так, стало быть, убил посла ты?

– Зачем же? Нет, не убивал,

враги отныне – трусоваты.

Мы с ним дрались у южных скал
и Элфсон в пропасть чуть не пал.

– Но как?..

– От края стал в полшага
и глянул в бездну невзначай, —
и оступился вдруг, бедняга.

Я подал руку. Мирит край
врагов и жалует пощаду
за извинение в награду.

– Я так люблю тебя, Уилл.

– И я люблю тебя, родная!

Подняв, её он закурил.

Она смеялась.

– Знаю, знаю.

С послом ты честно поступил.

Ты проявил великодушие!

– Не будь посол так неуклюж, – я
его бы вряд ли пощадил.

– О, что бы ты не говорил
поступки видятся на деле.

– Тебе видней! Ты так мила!

– Поговорить мы не успели
на бале. Я тебя ждала.

Хочу проститься до отъезда.

– Ты уезжаешь?..

– В Инвернесс¹⁹.

Я – лорда Кэмпбелла невеста.

Была помолвка, правда, без
меня. – Она отёрла слёзы.

А сколько бед несёт отказ!

Ведь мой отец в долгах погряз!

– Долги отца – то не вопрос, а —
пустяк. Идём скорее в дом.

¹⁹ Город на севере шотландского нагорья

Её повёл он за собою,
за руку взяв.

– Я всё устрою.

Он сел в гостиной за столом
и спешно написал пером
распоряженье на уплату
долгов семейства из казны.

– Вот вексель, чтобы не могла ты
засомневаться, что честны
мои намеренья. Покажешь
отцу, уверенность храня.
За Кая ты не выйдешь замуж,
поскольку выйдешь за меня.

– А с Каем как мне объясниться?
Из рода Кэмпбеллов он. Я
боюсь. Что скажет мне семья?

– Поверь мне, всё само решится
в течение завтрашнего дня.

– Удар отказом нанесу тем,
кто дорог мне. Отец и мать
не смогут выбор мой принять
И как всё будет?

– Мы обсудим.

Уильям подошёл к окну.
И розу, росшую в вазоне,
сорвал.

– Считаешь, не дерзну
я бросить вызов всем? – Дерзну,
ведь я люблю тебя одну.

Священным браком узаконю
свою любовь к тебе.

– Прости,
но мне не верится почти,
ведь репутацию я знаю
твою.

– Не верь, – молва пустая!

Коснулся розой он груди
и расстегнул её накидку.

– Но как мне против всех пойти?
Быть может я, как фаворитка,
тобой на срок любима, и
сбивает только страсть с пути...

– Тебя люблю я! Ты мне веришь?

– Да, самой сильною из вер. Лишь

любовь способна оправдать
для нас такое безрассудство.
– Двоих оправдывает чувство.
– Меня теперь осудит знать,
но я не в силах устоять...

Качались слабым ветром шторы.
Виднелись в слабой в дымке горы.
И новый день не разлучил
влюблённых в доме.
– Десять скоро. —
Она сказала. – Нет, Уилл,
остаться было мне не мудро. —
Тот день прошёл и снова утро.

Он ей шептал: «Тебя люблю!
Могу я сотню раз признаться,
но, жаль, пора мне собираться!
На бал сегодня к королю.

[Джулиана]

– О, что подумают родные?..
Меня ты любишь?

[Уильям]

– Да, навек!

[Джулиана]

– Но сплетни о тебе?..

[Уильям]

– ...Пустые!

Не верь другим, не верь молве!

[Джулиана]

– Но как мне дома объясниться?

И Кэмпбелл слухи обо мне

пустил и верят им вполне,

что я – распутная девица.

[Уильям]

– Заплатит он за эту ложь.

На бал сегодня ты идёшь?

– Да. – С грустью девушка сказала.

И мне велели после бала,

идти за Кая, под венец.

– Не будет этого.

– Я верю.

– Люблю тебя! – Сказал он ей. —

Не сомневайся!

Тут лакей
стучится в запертые двери:

– К вам прибыл только что гонец.
Велит явиться во дворец
Его Величество вам. Что же
мне передать?
[Уильям]

– Приеду позже.
[Лакей]

– Незамедлительно ждут вас.
Его Величество велели
вам доложить о той дуэли
с послем.

– Скажи, что нет сейчас
меня в поместье. Я уехал
и объясню всё на балу.
Причины пояснять – не к спеху.
Дуэль – вопрос не мне, – послу.

Сейчас желанья не имею
я объяснять. – Сказал он ей.
Поправив золото кудрей
её волос, он ей на шее
златую застегнул камею.

Миниатюрный был кулон
с её портретом на коралле,
Он был изыска не лишён.
Портрет алмазы обрамляли.

– Пускай подарок – «скромен» мой,
зато от сердца.

– Дорогой!

Уильям, много с первой встречи
ты мне подарков сделал.

– О,

пустяк!

– Расстаться тяжело,
но мне пора домой.

– Под вечер
увидимся мы на балу!

Глава 13

Заката солнце золотое
сияло низко над водою
и отражалось на полу
гостиной замка через рюши
кисейных тюлей. А снаружи
при свете факелов у врат
кареты заезжают в сад.

И дам своих ведут вельможи
на королевский пышный бал.
Сверкают платья, кольца, броши.
В свечах блистает тронный зал.
Простёрты флаги на балконах.
Цветы живые на колоннах
изящно украшают бал.

В камзоле чёрном, золотом шитом
Уильям входит. У дверей
смеётся Кэмпбелл среди гостей.
И все хохочут от души там,
в дверях Уилла увидав.

До слуха громко доносилось:

«Забавно, да? Как рок лукав!
Вчера МакЛелланд – горд и прав,
сегодня он попал в немилость!
Дуэль с послем! Ну, господа,
Такое с рук уже не сходит.
Бесчестный! Он пришёл сюда!
Весь в чёрном! Траур, а по моде. —
Смеялись все.

[Кэмпбелл]

– Не долго уж
Ему с монархом рядом править.
Я дам совет: его отправить
из Эдинбурга в ссылку, в глушь.

Смеялись, взорами смеряя
они Уильяма.

[Кэмпбелл]

– Я знаю
как ныне досадить ему.
Ославлю герцога сполна я!

Смотрите, что предприниму!

Ха-ха-ха-ха! – Среди гостей
проходит Кэмпбелл торжествуя.
Смеётся много пар, танцуя.
И угощения лакей
разносит в зале на подносах.
Уильям короля искал.
А бал в веселье утопал,
в брильянтах, свете, алых розах.

И Кэмпбелл громко на весь зал,
окликнув Вильяма, сказал:

– И что вы в чёрном? Герцог, видом
не стоит так уже провал
вам свой подчёркивать! Иль траур
у вас?

[Уильям]

– Да Боже упаси!
Лишь так, предчувствие скорбных аур
чужого горя...

[Кэмпбелл]

– О!..

[Уильям]

– Мерси! —

Берёт Уилл бокал с подноса лакея. – Граф, не выпьем ли?

[Кэмпбелл]

– Вы яд подсыпали мне? – Косо он глянул.

[Уильям]

– Нет, вы не учли!..

(Уильям деланно хохочет). —

...Ваш яд налит в вино надежд.

Оно без мер пьянит невежд.

Бывает, кубок сей решётчат:

лей, лей, – да только вот мечта

сквозь сети козней пролита.

[Кэмпбелл]

– Ах, герцог, вы, смотрю, – философ,
но сложно поприще вопросов. —

С подноса Кэмпбелл взял фужер. —

Так пролита, – как, например,
теперь вино на ваше платье? —

Он опрокинул свой бокал. —

Ах, незадача! Мог ли знать я?
Вино надежд... неловок стал.

Переоденьтесь! Неопрятно!
Гостям небрежность столь видна,
когда на внешности она.
На репутации же пятна —
сложнее будет истереть.
Ведь душу как переодеть?

Ударил Кэмпбелла наотмашь
при всех Уильям – тот упал.

И гости ахнули, весь зал.

[Кэмпбелл]

– Дуэль поступок повлечёт ваш!

[Уильям]

– Простой дуэли ритуал
на что мне, граф? Иною мезью
плачу за слух, что я – без чести.
Камзол лакею он отдал,
оставшись в шёлковой рубахе,
жилете светлом.

[Уильям]

– Господа,
прошу вниманья! —
Все сюда
сошлись в смятении и страхе. —

Для обличенья – мой черёд!
Прошу я паузу, маэстро!

Затихла музыка оркестра.
И сам король туда идёт —
все расступались.

[Уильям]

– Встаньте, Кэмпбелл!

(Фитцджеральд руку подаёт,
Но злобно отмахнулся тот)

[Уильям]

Невольню я – свидетель тех дел,
что Кэмпбелл тут с послем ведёт
Свершил он заговор у трона
Против страны и короля!

[Кэмпбелл]

– О, эта ложь бесцеремонна!

[Уильям]

– Я докажу! – Посланье для
монарха Англии от графа
Аргайла-Кэмпбелла.

[Кэмпбелл]

– Вы, право,
словам не верите клевет?

Король сказал:
– Читайте! Свет
пора пролить на все сомненья.

Уилл письмо достал. Мгновенье —
и Кэмпбелл бросился к нему.

[Кэмпбелл]

– МакЛелланд! Нет! Я не приму
из рук бесчестных обвиненья!

Ты оскорбленье мне нанёс!

(Все гости ахнули. – Дворяне
Ведь не бросались с кулаками.)

Уилл его ударил в нос
и молвил:

– Стража! На колени
его поставить и держать,
чтоб он не мог мне помешать
свершить сегодня обличенье!

Предвижу, Кэмпбелл, ваш арест.
Итак, письма читаю текст:

«Я, граф Аргайл, адресуюсь
к монарху Англии. Мне внять
прошу! Я в письмах обязуюсь
вас о делах осведомлять,
что здесь, в Шотландии, ведутся.
Для блага общего двух стран,
шотландцев так и англичан,
ускорить я объединенье
клянусь ответно на прошение
посла Д. Элфсона. Сейчас
войну готовят против вас
войска шотландцев. Во главе же —
французы их. Они союз
возобновят. Но я добьюсь
побольше сведений. Всё реже
вливаю я на общий ход
решений. Но, король вот-вот
умрёт. И я тогда, как регент
страны, совместный с вами пакт
готов скрепить печатью. Акт
свершить мешают сей МакЛелланд —

советник первый. Устранить
его клянусь я вскоре. Нить
уже ухвачена. – Терпенье!..
Надеюсь на вознаграждение.
Отныне верный ваш вассал —
Кай Джозеф Кэмпбелл, граф Аргайл».

Уильям, дочитав, сказал:

«Печать и вензель – узнаете?»

[Король]

– Здесь вензель Кэмпбелла. Весь клан
его, кто раньше был в почёте,
весь род, что славою венчан,
с позором изгнан будет. Смели
меня предать вы, Кэмпбелл, как?

[Кэмпбелл]

– Не верьте клевете! Он – враг!

[Король]

– Вы донесли мне о дуэли
посла и Вильяма. Но он
за честь страны дрался. Да, герцог?

Взглянул на Вильяма король.

[Уильям]

– Причина может ли иметься
иная, чтоб рискнуть мне столь
страною?

[Король]

– Да, ответом вашим,
Я ныне удовлетворён.

Затем король промолвил страже:

– В темницу Кэмпбелла! Казнён
с утра у замка будет он;
земля – отобрана.

[Кэмпбелл]

– Пощады
прошу вас, сир!

[Король]

– Ведите!

[Кэмпбелл]

– Нет,
не верьте мерзостям клевет!

[Король]

– Улики против вас все кряду.

[Кэмпбелл]

– Письмо – чудовищный подлог.
Я – ваш советник! Разве б мог
я вас предать? Превыше жизни —
ценю я службу вам, отчизне.

[Король]

– Вы доказали мне вполне
короне «верность» и стране!

[Кэмпбелл]

– Но верность доказать вы мне не
даёте шанса! Этот шанс
один сейчас прошу у вас. —
Он опустился на колени.

Связали руки за спиной
ему два стражника.

[Король]

– В темницу!
До казни можете молиться!

[Кэмпбелл]

– Суда не будет надо мной?
Я сразу палачам предстану?

Он взор отвёл на Джулиану,
стоящую с своей семьёй.
Она – спокойна. Только ужас —
в глазах родителей её.

[Король]

– Нет обстоятельств, обнаружась,
что могут вас спасти. Бежать
я, Кэмпбелл, времени не дам вам,
Как и служить чужим державам.

Виновным тотчас вас признать
велю суду за намеренья:
страну, народ и долг предать,
на государя покушеньё
и на советника его.

«Теперь ведите!» – Молвил страже

король. Взмолился Кэмпбелл:

– Я же

не виноват! То – мастерство
бесчестных! Трудно для особ ли
таких как, Вильям?.. Ничего
не стоит им... – С минуту вопли
неслись (за дверью уж) его.

Все гости замка были немые.
В оцепененье – большинство.

[Король]

– Поражены, признаться, все мы...

[Уильям]

– Прошу простить, что торжество
омрачено таким событием.

[Король]

– Ну что вы, герцог, долг важней.
И посему я за раскрытие
коварных замыслов (среди дней
грядущих) жалуя вам орден.
Вы – здесь один его достоин.

Уильям поклонился:

– Честь

превыше этой вряд ли есть.

Благодарю вас! Верьте: малость,

я сделал для державы здесь.

Король ответил:

– Убеждаюсь

я в вашей скромности не раз.

Верны стране вы, не кичась.

Услугу сделали большую

короне вы.

– За честь почту я

и дальше родине служить.

– Сомнений в вас не может быть. —

Король промолвил. – Продолжайте

играть, маэстро. Этот бал,

увы, прервали козни, жаль, те.

Оркестр снова заиграл.

и пары вновь затанцевали,

но взоры часто устремляли

они на Вильяма. Шептали

кружки собравшихся гостей:

«Ах, господа! За что тут орден?

Поступок разве благороден? —

МакЛелланд должен быть скромней!

Изобличают в кулуарах,
а не при множестве людей!
Зачем при всех такой удар, ах,
по чести Кэмпбеллов? Семей
теперь не смыть позор такой!

[Другие гости]

– Да это – не изобличенье!
Кай пролил на него бокал.
И вот за это оскорбленье
он Кэмпбелла оклеветал.

Бедняга пострадал невинно.
МакЛелланд – тот ещё нахал!
То поведенье ль дворянина?
Ударил Кэмпбелла при всех
и отказался от дуэли.
Пускай стыдится! Ведь успех,
за счёт беды чужой имели
мерзавцы лишь. И это – грех.

[Уильям]

– Что, господа? Стыдиться мне ли?

Те обернулись. За спиной
стоял Уильям.

[Они]

– Нет, ну что вы!
С медалью новой наградной
мы все поздравить вас готовы.

[Уильям]

– Благодарю сердечно вас!
Как рад я вашим поздравленьям!

Он улыбнулся им с презрением
И отошёл от них, смеясь.

И за спиной шептались двое:
– Вы видели улыбку ту?
Наглец он! Слов я не найду!

– Похоже, то – ни что другое,
как представленье показное,
чтоб видел свет, как он «велик».
Тщеславный замысел подвиг
(ему не чуждое пристрастье)
пред всеми выказать всевластье...

«Как носит вот таких земля?» —
С одних сторон неслись упрёки.
«Как смело спас он короля» —
От дам восторженные строки
Уильям слышал. И друзей
искал по залу среди гостей.
Но где-то с кем-то танцевали

они в шумящем полном зале.
Взглянул он поверх торжества
И взором встретился сперва
Он со счастливой Джулианой.

Подходит к ней. «Могу я вас
на танец пригласить?»

– Сейчас

вы, герцог, выходкою данной
презренье вызвали моё. —
Сказал ему отец её.

[Уильям]

– Я выполнял свой долг и только:
короне и стране служить
и их врагов изобличить.

[Её отец]

– Король оценит знание долга.
Но я, как вы, людей таких
нисколько не ценю. Прославить
не могут грязные дела ведь!
Кай Кэмпбелл – дочери жених
моей был. Вы оклеветали
его ещё в таком скандале,
при всех!

[Уильям]

– Как смеете вы, граф?

[Её отец]

– Со мною скрестите мечи ли,
чтоб доказать, что я неправ,
что вы врага «изобличили»?

[Уильям]

– Не буду драться с вами я.
На вашей дочери жениться
желаю!

(Побледнели лица
её родителей).

[Её отец]

– Семья
вся наша против! Вы – бесчестны!

[Её мать]

– И слухи нам о вас известны!

[Её отец]

– О вас молва весьма плоха,
но вы, по факту, – много хуже!
Вот повод казни жениха, —
чтоб Вы теперь ей стали мужем?

Скажите, в вас ли совесть есть?

Я знаю, многих вы богаче.
Но не купить за деньги честь.
Но вы считаете иначе...

Хотел бы я, чтоб вы скамью

для подсудимых занимали,
не Кэмпбелл; за вину свою
чтоб, герцог, вы ответ держали.

Вы Кэмпбелла оклеветали!

[Уильям]

– Я доказал его вину!

[Её отец]

– Письмо подделали вы сами!

В вас нет стыда, как я взгляну!
Людьми, как будто бы вещами,
распоряжаетесь вы, сэр!

[Уильям]

– Сейчас клеветаете вы сами!

[Её отец]

– Да вы – подлец и лицемер!

[Уильям]

– Вы забываетесь, любезный!

[Её отец]

– Ещё скажите: я – неправ.

[Уильям]

– Я – герцог, вы – всего лишь граф.

За те слова, что я – бесчестный,
Могу я бросить вас в тюрьму.

(В глазах её отца был ужас).

[Уильям]

– Но я прощу вам, потому,
что очень вашу дочь люблю, —
и, посему, — я пощажу вас.

[Её отец]

– Я вдвое старше, герцог, вас!
Ко мне имейте уваженье!

[Уильям]

– За то, что вы – в долгах сейчас, —
промолвил громко он, смеясь, —
и проиграли сбереженья?

И обернулись в зале все
на них танцующие пары.

[Уильям]

– Не внявши дочери слезе,
решили вы вернуть гектары
земель женитьбой? Только пару
вы подбирали, стало быть,
подумав мало, как при играх
где потерпели бедность и крах.

Меня в бесчестье обвинить
Хотите, а своё – сокрыть?

И гости ахнули тогда же.
Таких не видели «картин».
Забыли все о танцах даже.

[Уильям]

– Считали: Кэмпбелл лишь один
долги покрыть способен ваши?

Вот вексель. Всё я уплатил! —
Бумагу протянул Уилл. —
Именья ваши из долгов
я также выкупил.

[Её отец]

– На щедрость
подвигло что же вас?

[Уильям]

– Любовь.

В глазах отца была свирепость.

[Её отец]

– Вы опозорили меня!

За что позор такой под старость?!

Весь зал – свидетели!

[Уильям]

– Не я

Вас опозорил вас, а азартность!

[Её отец]

– Не будет свадьбы никакой!

Не видел я людей подлее,

чем вы. Все гости, всей толпой

Глядят на нас! Пускай своею

вы репутацией вовек

не дорожили, но моею!..

Вы, герцог, – страшный человек!

Развращены своим богатством!

Пускай же Бог за всё воздаст вам!

[Уильям]

– Я полагал: должны вы счесть

моё намеренье жениться

на вашей дочери за честь.

[Её отец]

– О, есть ли наглости граница?
После того, что, герцог, вы
творили здесь, своё согласие
Я никогда не дам!

[Уильям]

– Увы!

[Её отец]

– Не знался с подлым отродясь я!

[Уильям]

– Вы даром так ко мне строги!
Но даже в случае отказа
не возвращу я вам долги.
Я оплатил! И я ни разу
своих решений не менял.
Вы – вновь богач. Свидетель – зал.

Итак, давайте мне согласие
на свадьбу, сэр, учтя любовь,
ну и конечно то, что спас я
именя ваши и готов
к тому же дальше.

[Её отец]

– Нету слов! —

Отец её от злости тряся
добавив:

– Нет! Согласья вам
на свадьбу с дочерью не дам.

[Уильям]

– Раз не даёте вы согласья,
Покинуть бал я б попросил
И убираться восвояси!

Когда бы я бесчестен был,
То вас бы бросил я в темницу.
И беспрепятственно жениться
На Джулиане мог бы, но
Я – не подлец, как мыслят ныне.
Я не бросаю заодно
В тюрьму виновных и невинных.

– Уйдём же, дочь моя, скорей. —
Отец промолвил грозно ей.

– О, сжался надо мною, папа! —
Она промолвила в слезах.

[Её отец]

– Как я хотел бы, герцог, ах,
чтоб с вами не свела судьба бы!

Дурная слава впереди
пойдёт. Под землю б провалиться!
Мы опозорены среди
знакомых. Ныне за границей
нам от позора только скрыться
На нас и Кэмпбелл бросил тень
своим арестом. Жуткий день!
Моя семья – молвы мишень!

– Женой другому я не стану. —
Отцу сказала Джулиана.

– Уйдём скорей отсюда прочь!
– Оставь меня, отец!
– Едва ли!
Не привлекай вниманья дочь!
На нас и так все смотрят в зале!

[Её мать]

– Достоин Кэмпбелл всё ж петли!

Он, нашим вопреки усильям,
те слухи распустил, что Вильям
и наша дочь...

– Скорей пошли! —

Отец сказал жене и дочке.

Уйдёт отсюда без отсрочки!

Мы опозорены и так.

– Отец! – Рыдала Джулиана. —

Позволь!

– Нет, дочка! Никогда!

– Но...

– Забудь! Он – всех приличий враг.

Она на Вильяма взглянула.

И умоляющим был взгляд.

А он среди людского гула

смолчал и отошёл назад.

Гремел оркестр. Гости в зале:

под обсужденья танцевали.

«Отец...» – Промолвила она.

[Её отец]

– Ты позабыть его должна!

Её отец под руку взял и
из зала вывел. Та – рыдала.

Уильям отошёл к стене.
Кто знает что в душе, но с виду
собой доволен он вполне.
С улыбкой, но слегка сердито,
Сказал лакею в стороне.
– Налей мне!
– Виски, сэр?
– Мерси, да.

Подходят к Вильяму друзья:
Сказал задорно Брюс МакТавиш.

– Смотрю, ты – весел, не страдаешь?

[Уильям]

– Не видно разве? Счастлив я!

[Жак]

– Герой молвы и тем доволен!

[Уильям]

– Все судят с разных колоколен.
Мне – всё равно.
– Вот! – Лафайет,
маркиз французский, молвил. – Как-то
я имя доброе на нет,
как Вильям, свёл. И что ж! Де-факто
я не страдаю от того.

[МакТавиш]

– У нас у всех, как у него,
случалось. Но, увы, медали,
Как он, за то не получали!

И все друзья захохотали.

[Уильям]

– О, я молву сносить готов
под грузом новых орденов!

[Август]

– Хотя, имеешь их взамен ты
на имя доброе.

[Уильям]

– Оно
и так – не доброе давно.

[Все друзья]

– Ха-ха-ха-ха. Аплодисменты!

– О! – Руку к сердцу приложил,
Актёрски им кивнул Уилл.

[МакТавиш]

– Да, занял «славы» ты вершину!

[Жак]

– И вновь вокруг тебя скандал!

[Уильям]

– Признаться, к ним я не остыну!

[Август]

– Ура! За оный пьём бокал!

[Август]

– Ты рад, что не пришлось жениться
тебе на милой той девице?

[Уильям]

– «Безмерно счастлив», – так и знай!

Её отец за честь боится,
А то, что дочь сочтут блудницей, —
Не важно? Гордость – через край!
Хотел бы он, чтоб унижаться
Я стал перед ним! Но не дожидаться!

Её отец и все пускай
по правилам моим играют,
а нет – проваливают прочь,
Когда меня не уважают!

– Алистер молвил так, точь-в-точь. —

Услышал фразу от гостей он. —
Но тот порядочен был хоть,
а сыном вновь скандал затеян.
Каков позор! Прости, Господь!

[МакТавии]

– Уилл, признайся, ты расстроен!?

[Август]

– Держу пари: Уильям знал,
Что свадьбе повредит скандал.

[Уильям]

– Не знал! – Смеясь, махнул рукой он.

– И правда «брак – свободы враг»,
Смеясь, ему ответил Жак.

Но ты расстроен ведь, дружище...
Ты – враг теперь серьёзных дам.

[Лафайет]

– А кто из нас серьёзных ищет,
как здесь придворные? Взгляни!
Стояло дам семь-восемь рядом
и осуждали будто взглядом.

– Вот им попробуй объясни!

Расхохотались тут они.

[Уильям]

– Друзья, к вам дело есть.

[Лафайет]

– Фурора
тебе, похоже, мало?

[Уильям]

– О,

То дело – о переговорах,
не дам касается оно!

[Август]

– Переговоры? С кем? – Бокалы
друзья с подноса взяли и
навеселе уж хохотали.

[Уильям]

– Доверю планы вам свои.

Должны начать переговоры
с монархом Франции мы скоро
И заключить при том союз
мы против Англии с Парижем.
Да что такое?! Август, Брюс!

Когда я над проблемой бьюсь, —
не пить, а слушать!

[Август]

– Слышим, слышим.

[Уильям]

– Найти союзников в войне
шотландцам нужно и французам.

[Жак]

– Мы победим и так вполне. —

Расхохотались Август с Брюсом.

[Уильям]

– Конечно, если не учесть,
Что Франции уже две трети
Завоевали.

[Жак]

– Что за весть!
Подробности, считаешь, эти —
В новинку нам? Мы с корабля
Недавно. Вести знаем все
Про малодушье короля...

[Уильям]

– С чего смеётесь вы, месье?

[Жак]

– Король французский от сраженья
Устал. Желает отступленья.
Капитуляции указ
Готов издать уже сейчас.
И, говорят, он – сумасшедший.
Его советник бестолков —
Виконт Монтгомри, англичанин.

[Август]

– Да нет, он – лучший из умов!

[Жак]

– Его манер советов странен.

[Август]

– Да он продать всех нас готов
Короне Англии! Круг узкий
Придворной знати знает, что
Король английский и французский —
Родня. И Англия права
Имеет все на земли наши.
И наш король не спорит, даже

Он поощряет то.

[Лафайет]

– Едва

ли сдаться сын ему позволит.

Скорей убьёт он старика,

И против Англии войска

Он поведёт. Проведено лет

Немало им в сраженьях. Он,

Им не отдаст французский трон.

[Август]

– Признайся, Лафайет, зачем ты

Сюда в Шотландию приплыл?

[Лафайет]

– Я – как посол.

[Август]

– Хаха, Уилл,

Иного смысла разве нету?

Не многовато ли послов?

Я, Лафайет и Жак. Без слов

Визит понятен Лафайета:

Он попросту сбежал с войны.

Расхохотались все они.

[Уильям]

– Так вот как доброе ты имя

Своё на «нет» недавно свёл?

[Лафайет]

— О, все мы не были святыми! —

Бокал поставил он на стол.

[Уильям]

— И кто из вас в Париж поедет

Переговоры провести?

Корабль завтра на рассвете.

[Лафайет]

— Я — нет! Счастливого пути!

Смеялись все.

[Август]

— *Какие речи!*

[Лафайет]

— Приехал я сюда развлечься.

[Уильям]

— Решайте, но сейчас друзья!

В Париж отправитесь вы, или
туда послом поеду я.

[Жак]

– Чтоб Англию мы победили,
союзник нужен нам! Пока
Весьма победа далека.
Мои друзья, союз французам
конечно нужен. Без него
не победить, скорей всего!

[Жак]

– К монарху Франции пойду сам.

[Август]

– В твоё я верю мастерство!

Захохотали снова.

– Тише!

Уильям их одёрнул. – Так
поедет кто?

[Август]

– Я, Брюс и Жак.

Я проведу переговоры
и отвоюем мы просторы
у англичан шотландских гор,
пред тем же – Франции простор.

[Уильям]

– Переговорами ты, Август

займёшься с вашим королём.
Хоть выбор в доводах не так густ,
Но убедишь его ты в том,
Что сей союз необходимый
Поскольку он непобедимый.
Когда успешен будешь в том,
чтоб заключили мы с Парижем
союз, – свою достигнешь цель:
ты территории земель
вернёшь МакГрэгоров. Царившим
на них был Кэмпбелл, помнишь ли?
Теперь на землях нету тана,
Ведь в ссылке Кай и все из клана.

[Август]

– Ради своей родной земли
клянусь, что заключу союз я.

[Уильям]

– Король те земли как французу,
тебе подарит за труды,
по заключению союза,
не зная, что МакГрэгор ты.

Не открывай же карты рано, —
и будет всё тогда по плану.

Тянуть уж более нельзя.
Идёмте к королю, друзья!

Они с Уильямом пошли все
в соседний зал. Король играл
на арфе там. Их увидал
И им сказал: «Не помышлял
я даже о таком сюрпризе:
увидеть вас, лишь день спустя
как разговор наш состоялся
о вас с Уильямом.»
Войдя,
те поклонились все.

[Король]

«Учтя,
что наш народ не покорялся
врагам английским, как и ваш,
мы цель одну имеем с вами:
сраженье с общими врагами.

Имеем мы большой багаж
уже сотрудничества с вами.
Шотландцам в прошлые года
Вы помогали; и, когда
Войну с английскими войсками
Вели мы, ставя жизнь на кон.
И низкий вам за то поклон.

[Август]

– Мы дружим странами веками.

[Король]

– Мы благодарны вам за то,
что нам поддержку оказать вы
тогда не отказали.

[Август]

– О,

Мы не нарушим нашей клятвы
Всегда друг другу помогать.

Без дружбы мир – не лишь лукав, – пуст.
Взглянув на Вильяма тут Август.

И преданно смотрел опять —
на короля. – Располагать
вы нами можете; и помощь
не в долг, а в знак лишь дружбы брать.
Мы выйдем против вражьих полчищ
бок о бок с вами. Средь солдат
шотландских выйдут и французы.
А средь французских – ваши.
– Рад,

что нас скрепляют дружбы узы. —
Сказал король. — Решеньем мудрым
нам будет, козням вопреки,
объединить свои полки.

[Август]

— Ваше Величество, мы утром
отплыть готовы за Ла-Манш,
дабы начать переговоры.
И враг повержен будет наш
Мы обретём победу скоро.
Милорд, богатство наших стран —
не достоянье англичан.

[Король]

— О, мир наш с Англией недолог
из-за дуэли с их послом,
и Кэмпбелл лишь виновен в том!

[Август]

— Поверьте, ни в один посёлок
к вам англичане не придут,
пока во Франции воюют.
Немногочисленен их люд,
который наших атакует.

Мы через месяц привезём
Вам вести о решенье том,
Что вынесет король французов.
Надеюсь, договор союза
мы будем праздновать тогда.

[Король]

– На то надеюсь, господа!

[Август]

– Теперь откланяться пора нам.

[Король]

– Я благодарен буду вам,
Когда отпор дадим врагам
И возвратим свободу странам,
союз военный заключим
и вместе выйдем средь побоищ.

Неоценима ваша помощь!

Они откланялись пред ним.

Друзья спустились в сад к карете.
Оркестр радостно играл,
и продолжался в замке бал.

– Развлечься, Вильям, в сей поре где
у вас? – Спросил де Лафайет.
Корабль утром. До утра-то
ведь скоротать нам время надо.

[Уильям]

– Игровой дом?

[Лафайет]

– Хорош совет!

[Уильям]

– Тут близко. Можно без кареты.

[Лафайет]

– А не боишься в сей поре ты
пешком?

[Уильям]

– Тут нас бояться, друг.

Горели факелы вокруг
среди туманных длинных улиц.

– Красив вечерний Эдинбург.
Надеюсь: вражбх не найду лиц
туда, куда мы все идём. —
Заметил Август.

[Уильям]

– В этот день я
И бой сочту за развлечение.

Вот! Мы пришли – игорный дом.

Уильям жестом театральным
Рукой на двери указал.

[Лафайет]

– Сие навеяло печаль нам!
О, что за место? Мрачный зал!
А где артисты и спектакль?

[Август]

– Уилл специально нас позвал
Сюда, чтоб утром на корабль
Из нас никто не опоздал.

И каждый тут захохотал.

Лакей у вывески железной
Стоял и всех гостей встречал,
С улыбкой сдержанно-любезной
В таверну двери открывал.

Известно многим место было,
Кто развлекаться там любил.
Витые лестницы, перила.
И приглушённый свет светил.
Столы и люстры – всё из дуба.
Не только знатные сугубо
Но и купцы, кто не в чинах,
Играли в карты при свечах
На стол бросая злато грубо,
Девиц обнявши. Второпях,
Смеясь разнуздано и глупо,
В дыму табачном и густом
Девицы ставки принимали
В нарядах пёстрых за столом
И пьяных мотов обнимали,
Воруя золото тайком.

Вошли друзья и огляделись —
Уильям, Август, Лафайет,
Затем же Брюс и Жак вослед.

[Лафайет]

– А что-то лучшее имелось
у вас поблизости? Трактир —
игорный дом?

[Уильям]

– Да, «Ваша Светлость».
И не оценят тут мундир.
Зато, здесь – полная секретность!

[Август]

– А вот и нет!

[Уильям]

– Как тесен мир!

Сидят английские гвардейцы
в мундирах красных у окна
Кричат трактирщику: «Вина!»

Затем, Уильяма увидя
с друзьями, говорят: «Смотрите!
Сюда французов принесло!»

[Жак]

– А их немалое число!
Уилл, давай уйдём отсюда!

[Уилл:]

– О, нет! Я уходить не буду.

Не мы уйдём, они уйдут.

Я не хочу их видеть тут!

Трактирщик, принеси мне виски!

«Затеет снова он скандал.

Друзья, уходим по-английски?» —

Жак тихо Августу сказал.

Трактирщик протянул бокал.

Уильям выпил и сказал:

[Уильям:]

– О, по-английски англичане

отсюда пусть уходят, а не

шотландцы! – Он захохотал,

метнув на пол пустой бокал.

– С чего бы здесь взялись французы? —

Один гвардеец говорит. —

[2й гвардеец]

– С войны во Франции как трусы

сбежали! Богачи на вид!

[3й гвардеец]

– Наверно, войско обокрали.
И вот пришли всё проиграть
да в Эдинбурге воевать. —

Все англичане хохотали.

[4й гвардеец]

– А позолоту ли на стали
мечей они не проиграли?

– А вы хотите увидеть? —
Спросил Уильям, подошедши
и обнажил клинок меча.

[1й гвардеец]

– Француз, не нужно сгоряча
махать оружием. Мы – солдаты.
Проблем со знатью нам не надо.

[Уильям]

– Так убирайтесь все тогда
долой отсюда! Быстро, молча.

– До споров, верьте, не охоч я,
но это – наглость, господа! —
Сказал гвардеец. – Мы французам

не подчиняемся, а вы
сдадитесь скоро нам, увы.

– Солдат, заплатишь за свою сам
ты наглость! – Вильям произнёс.
Клинки сверкнули.
«Не вопрос!» —
Ему ответил англичанин.

Дрались. Трактирщик подбежал.

«Вином ваш разум задурманен.
Остановитесь!» — Он кричал.

Гвардейцев пять, как и «французов».
Дрались — один на одного.
К дверям всё ближе. — Нету трусов
среди нас.
— И среди нас.
— Кто кого?
[Уильям]

— Вам — в ад, иль вон отсюда — выбор
даю. — Сказал Уильям, стол
перевернув. — Пошёл, пошёл. —
Гвардейцы выбежали.
— Выпер
ты их отсюда, молодец. —

Сказал ему один купец,
из-за стола. – Ты славно дрался!

В трактире многие шотландцы
рукоплексали. – Наконец
кто б выгнал из страны проклятых,
как из трактира?

[Уильям]

– Я готов!

И пол вонзил он меч отцов.

И одобрение во взглядах
вокруг увидел он без слов.

[Август]

– Да, хорошо держал удар ты.

[Уильям]

– А ты прикрыл меня в тылу.

[Август]

– Ну что, Уилл, сыграем в карты?

(Идёт к игорному столу)

Сказал Уильям:

– Отчего-то
играть сегодня я ленив.

И карт рассыпал он колоду.

Под кельтский заводной мотив
девицы танцевали джигу.
Сверкали украшений блики
на декольте.

– А вы, месье,
танцуете по-кельтски? – Дама
одна спросила.

[Август]

– Да, мы сами
шотландцы, а не шевалье.

Он рассмеялся и девицу
обнял, приличья не храня.

[Лафайет]

– О да, идея нам годится.

[Уильям]

– Таких здесь много – знаю я.

Ловя бесстыжих дам улыбки,
Танцуют под мотивы скрипки
они с девицами. Звучат
волынки и аккордеоны.
И распевают баритоны
мотивы пьяно невпопад.

Девицы были все одеты
в корсеты с низким декольте.
Одни танцуют па-де-де,
другие же поют куплеты.

А третьи – слуги лишь. Они
несут к столам гостей бокалы.

– Красавица, не урони! —
Одной, кто виски подавала,
сказал Уильям. Та в глаза
его взглянула, улыбаясь.

[Уильям]

– Вы заняты?

[Она]

– Освобождаюсь
примерно через полчаса.

Смотрел вослед он ей. По залу
носила та заказы блюд,
а после кейли²⁰ танцевала.
Уильям к ней подходит тут.

– Вы будто гордая шотландка
танцуете, не как они.
И только реверансом кратко
она ответила, в тени
стоя весёлая, босая,
рукою тамбурин держа.

Копна волос её золотая
была по пояс. Хороша!

Напоминала Джулиану
она ему, но смутно лишь.
Глаза подобны океану,
И нет огня в них, что бесстыж,
Как у девиц, что тут плясали.

Друзья смеялись где-то в зале.

²⁰ вид ирландского танца

Играл на скрипке де Шарон
И пел какой-то баритон.

– Ах, шум! Покоя здесь кругом нет. —
Сказал Уилл с улыбкой ей. —
Скажите, есть ли пара комнат
у вас для отдыха гостей?

– Коль отдохнуть вам по душе,
то на втором вы этаже
найдёте комнату.

– Спасибо!

– По лестнице наверх. – Она
ему сказала.

– Не могли бы
вы принести туда вина?

– Конечно! Ждите, скоро буду.
Вы поднимайтесь! Я – минуту
и там. – Промолвила она.

Поднялся он наверх. Ступени
к порогу комнаты вели.
И факелы бросали тени
на догоравшие угли.

Что сразу привлекало взоры
туда вошедшего – камин
На окнах бархатные шторы,
И над кроватью балдахин.

И стол. Стояли там бокалы,
И он вина себе налил.
Витали запахи сандала
по комнате. И так, Уилл
в парадном (как пришёл) наряде
расположился на кровати
Отпив вина, он закурил.

Внизу под звонкую гитару,
он слышал, кто-то напевал.
В одной руке держа сигару
другой руке – вина бокал,
он Джулиану вспоминал.

Он размышлял: « И почему же
Мы часто кажемся снаружи
Не теми, кем мы есть в душе?
Так повелось давно уже,
Что ценят нас не по поступкам,
А по словам и по уступкам
И ждут похвал и лестных слов.

Я на уступки не готов
перед таким, как Джулианы
отец: картёжник, мот, ханжа, —
но о порядочности странно
Твердит, про честь свою визжа.

И недостатки он чужие
Желает обличить, свои
Пытаясь обелить. Благие
не оценил дела мои!
Я зол на их семью ужасно.
Не ту любил, не тем напрасно
Я оплатил семьи долги!»

Внизу шумели, хохотали.

Вдруг отворилась дверь к нему.

[Уильям]

– Ты заставляешь ждать всегда ли?

– Простите. – Глядя в полутьму
в ответ она сказала.

– Что же...

Потупив взгляд стоит она.
Не отставляя бокал вина,
он полусидя-полулёжа
ей шлёт воздушный поцелуй,
с насмешкой, деланным апломбом.

– Ты слышишь музыку? – Танцуй! —

Она стоит в наряде скромном,
в обычном платье, не для встреч.

[Она]

– В дыму не видно танца.

[Уильям]

– Свеч

довольно. Хватит силуэта,
чтобы желание зажечь.

А, впрочем, смысла в танце нету.

Зачем же тратить время зря?

С насмешкой, так же всё, курия
привлѣк её к себе за юбку.

– Красива ты.

– Сперва – вина
налью себе. Того поступка
я не свершу, коль не пьяна.
Сказала с робостью она.

– Налей себе и мне – два кубка.

И назови свою цену.

– За что мне это унижение?
– В трактире ищешь уваженья?
– Меня пустите, сэр!
– Да ну!

– Я передумала. – Смущённо
она сказала.

– Как же так?

Вы быстро передумать склонны! —
Смеялся он, куря табак.

– Я думала, смогу сначала.

И там на первом этаже
Вы мне понравились немало.

– Но разонравился уже?

Он рассмеялся.

– Нет закона

Для вас и вы самовлюблённы.

– Самовлюблён? Да нет, себя,

Я презираю, жизнь губя

в интригах, выпивке, разврате,

чтоб клятву юности забыть!

И вы ошиблись, стало быть,

В своих речах. Они – некстати!

– Вам надо жизнь переменить.

– Довольно слов! Я здесь не ради

дурацких поучений. Что ж,

смотри, годится ли платёж? —

Он бросил деньги. – Или мало?

– Чтоб унижаться так я стала

такой цены у вас нет, сэр.

Скрывает ваш изыск манер

порок.

– Оценок мне не надо

трактирной девки, что за плату

всем отдаётся по ночам.

Оставь замашки знатных дам!

– Пустите! Здесь я ради брата.
Нужны мне деньги. Он в тюрьме.
Но я не вынесу бесчестье...
Прошу, уйти позвольте мне.
Признаюсь вам: впервые здесь я!

Она расплакалась навзрыд.

Прости! – Уильям говорит. —

Я не держу тебя несколько
Не проливай напрасных слёз.
– Спасибо, ухожу я.
– Только
ответь: за что в тюрьму пришлось
ему попасть?
– К чему вопрос? —

За непокорность англичанам,
мятежник, брошен он тюрьму.
Казнён он будет. Жить ему
до завтра.

– Нужно палача нам
Остановить!
– Но до зари

Полночи лишь и нету злата.
Увы, но не спасти мне брата!
Я жить с бесчестьем не смогу,
Где чувства будто на торгу.
– О, нет, бесчестия не надо!
А нужно золото – бери! —
Он протянул ей деньги.
– Что вы!
Сэр, я – не дама для утех,
И ею стать я не готова
Под брань купцов и знати смех.

– Меня не поняли вы снова.
Я просто так решил помочь.
Уже к концу подходит ночь.
Ваш брат в беде. Спешим!
– Но как же
трактирщик выпустит меня?
Сегодня, целый день браня,
он угрожал мне.
– И сейчас же
Я заплачу ему и страже,
И вас отпустит он. Идём
И брата выручим.
– Не верю!
– Напрасно! Он открыл ей двери.

– Моя беда – вам пользы в том?

– Мне – никакой.

– Скажите всё же!

– Вы на любимую похожи
Мою. Желаю вам помочь!
Знаком с потерей дорогого
я человека. И тот-в-точь
как я страдаю, я другого
заставить не хочу страдать.

– Я благодарна вам опять.

Всего мне было ненавистней
мысль о бесчестье. Надо ли
заметить: вы меня спасли?

Спустится лестницей он вниз с ней.

Сказав трактирщику: «Плачу
любую сумму, как угодно,
дабы она была свободна»

[Трактирщик]

– Не жаль вам денег, богачу?

[Уильям]

– Довольно? – Золото он бросил.

[Трактирищик]

– Не жаль на странное «добро» сил?

[Уильям]

– А вам должно быть всё равно!
Про нашу с вами тут беседу
Храните тайну – вот монета.

Уильям с нею сел в карету.
И путь молчал, смотря в окно.

Она молчала также гордо.
И час езды – они – у форта.

[Уильям]

– Он – здесь в тюрьме?

[Она]

– Да.

[Уильям]

– Выходи
за мной. Пойду я впереди.

Предстали взору бастионы
тюрьмы до неба. Как страшны
они в ту полночь без луны!
Неслись оттуда брань и стоны
из-под земли, из глубины.

Кричали где-то арестанты,
от их проклятий жутко аж.

А у ворот – безмолвный страж
с мечом и в килте.

[Уильям]

– Коменданта
желаю видеть я. Вот плата.

Тот крикнул: «Дункан!» И тотчас
небрежной вышел он походкой.

[Дункан, комендант]

– Да, сэр.

[Страж]

– Тут спрашивают вас!

[Дункан]

– Кто?

[Уильям]

– Герцог, я!

Ответ короткий

услышав, сделал тот поклон.

[Уильям]

– Я, сэр, имею ряд претензий,
ведь вы нарушили закон.
Пусть дама скажет.

[Она]

– Пол МакКензи
под стражу вами заключён.

[Уильям]

– Он – невиновен.

[Дункан]

– Что ж, пройдёмте
со мною, сэр, и вы, мадам.

Горели факелы кругом, где
был новый поворот к дверям.

Они прошли под низким сводом
И через темный кабинет.
На стол под лестничным пролётом.
Одна свеча бросала свет.

И комендант открыл журналы.

[Уильям]

– Там есть МакКензи или нет?

Тот полистав, сказал в ответ:

– Он ожидает трибунала.

Уильям бросил горсть монет.

[Уильям]

– Он – невиновен. Вот! – Сполна я
все обвинения снимаю.

[Комендант]

– Идёмте!

Те пошли вослед.

По лестнице из жуткой кельи
они спустились в подземелье.

А там – тюрьма и каземат.
Одних пытают, бьют плетями,
иные на земле сидят,
колени обхватив руками,
от страха, холода дрожат.

Одни перебирали чётки
стараясь замолить свой грех.
Иные же, припав к решётке,
проклятьем осыпали всех.

Звон кандалов тюремных камер
промоглый воздух наполнял.

– Ослабьте строгость для меня мер! —

Один уверенно сказал,

В одной из камер – в одиночной.

– Милорд, желаю ставки очной
с судом! Ведь я – невиноват.

– О, небеса! Ты жив, мой брат!

Она сказала у решётки.

А он закованный в колодки,

Ответил:

«Ты ль, моя местра?»

– Да, я, мой брат.

– О, ты храбра,

раз ты смогла ко мне явиться!

[Уильям]

– Открой замок!

И страж ключом

открыл решётку, цепь потом.

И брата обняла сестрица.

– Молился я, сестра, хотя,

Надежду я давно утратил.

Здесь убивают, не щадя...

Сказал тюремный надзиратель:

– Лжецы! И вот тому пример!

За власти неповиновенье

он отбывает заключение.

Король казнить велел.

– Но, сэр,

теперь вина ему простится.

– Но как я отчитаюсь про

его отбытье из темницы?

– Чернило дайте и перо!

Уильям сел за стол тюремный

и написал приказ: «Сменить

смертельный приговор отменой

всех мер, на волю отпустить!»

И снизу свой поставил вензель.

Расплавил над свечой сургуч.

И опустил с печатью перстень

на свиток.

– Вот – к свободе ключ

ему и ваши объяснения,
что отпустили вы его.
Кто вам предъявит обвинения,
ко мне направите того.

– Как вам угодно, герцог. Но вы
всё ж взвесьте «за» и «против» снова.

Освобождён он без суда
за избиение солдата,
гвардейца Англии.

– О, да,
напоминать мне то не надо.

«Ведь это был же мой указ,
Он вспомнил разговор тотчас
С послем Элфсоном: обязался
Уильям наказать шотландцев,
Кто Англии солдат избил.
Но в соглашениях смысла нету
После дуэли.» И Уилл
Велел опять подать чернил

И горцев всех освободил,
Кто был в тюрьме. Пускай сражаться
Идут во имя всех шотландцев.

[Дункан, страж]

– Но, герцог, Вы за короля
судьбу решили.

[Уильям]

– Полномочья
он передал мне. И точь-в-точь я
их выполняю, так веля.

– Конечно, герцог, вам виднее!
Я вас задерживать не смею!

[Уильям]

– Ну что стоите здесь? Идём!

Спустились вниз они втроём.
Сестрица с братом и Уильям.

Светало. Близилось к заре.

[Её брат]

– Милорд, спасибо вам! Не знаю
Я имя вашего, с кем честь

Имею говорить.

[Уильям]

– Считаю,

Что в этом смысл вряд ли есть.

– Я должен знать, кому обязан.

– Вы не обязаны мне!

– Жест

Достойный дворянина!

– Я сам

Узнал случайно про арест.

– Я арестован был за то, что

Избил гвардейца одного.

Я защищал сестру.

– Как можно

Карать за честь и удалство!?

Творят английские солдаты

Тут беззаконье. Решено

Их наказать.

– Давно уж надо!

– А вам пожаловать пощаду.

Вам сердце храброе дано!

Они покинули темницу,

на воздух выйдя.

– Нам проститься
пора! – Сказал им дворе
Уильям, подойдя к карете

– Пойдите, сэры! Я вас прошу! —

Она сказала.

– Я спешу.

И задерживайте, леди. —

Ответил Вильям.

– Нужно нам

поговорить.

– Да? – Говорите...

Её растерянность увидя,
промолвил брат: «Я жду вон там.»
и отошёл.

Она сказала:

– Спасибо вам за помощь, сэры!

– Пустяк.

– Вы сделали немало.

И я отныне вам должна...

Когда?.. – Прибавила она.

– Вы заблуждаетесь, похоже.

Мы здесь простимся навсегда.

– Вы просто так простимся?

– Да.

– Зачем тогда всё? Пренебрёгши
вы осторожностью, пришли
на помощь мне. Что, даром ли?

– А вы мне выбор оставляли?

– Вы благородны!

– Похвала

к чему?

– Я неправа была.

Я презирала вас вначале.

Мне жаль, я неправа была.

Вы мне не причинили зла,

В котором я вас обвиняла.

Сейчас вы будто бы иной

Не тот, которого видала

Вчера вечернею порой.

Вы были так горды собой.

Деньгами для увеселений
Но не горды вы похвалой
Когда поступок драгоценней
Почётов ложных и свершений.

– Не все поймут, что за душа
За маской смелого притворства.
Народу своему служа,
Вы проявили благородство.

– Мне неприятна похвала!
– Простите, но молчать могу ли?
Я жутко неправа была.
Но вы меня не обманули.
Освободили брата и
Людей моей родной земли.
Я обвиняла вас в разгуле.

Судьба свела нас невзначай.
И вы мне зла не причинили.
Когда просила – отпустили
Меня вы, герцог. Я пускай
вас презирала, ныне силы
я не найду расстаться.
– Но
расстаться нужно всё равно.

– Пойдите! Я вас полюбила.

– Твое признание очень мило,
Но не отвечу тем же я.

Вести мучительно беседу.

Вы так похожи для меня

На Джулиану.

– Даму эту

Любили вы?

– Люблю сейчас,

Дела ее семьи я спас,

Но я для них – подлец бесчестный.

Я не могу на вас смотреть.

Бороться с чувствами как с бездной.

Её мне больно помнить ведь.

И не хочу воспоминаний!

Хоть брата вашего я спас,

но не желаю видеть Вас!

И не желаю оправданий.

Слезу отёрла со щеки

она.

– Но можно вас обнять!

– Нет!

Вам благодарность ум туманит

А это – чести вопреки.

Прошёл к карете щегольски

и брату молвил:

– Вопреки

всем обстоятельствам в стране, ты

свою сестрицу береги!

– Да, сэръ! Спасибо вам!

Карету

закрыл слуга.

[Уильям]

– Скорей уеду

от всех воспоминаний прочь!

Её забуду, Джулиану.

Они похожи. Как же странно

Они влюбляются точь-в-точь.

Но невозможное придётся

Принять. Расстаться. Превозмочь

Себя. Ну вот и снова солнце.

Минула наконец-то ночь.

Был небосвод уже лазорев,

когда прощался с нею он.
Уилл заснул, окно зашторив.
Он часто сна ведь был лишён
Когда был дома. Лишь в дороге
Он забывал про все тревоги.
И вдруг он видит странный сон.

Стоит отец, а он – напротив.
Они ровесники при том.

Вокруг горит огонь кольцом.
«Тебе пора забыть давно дев,
Вино, друзей. И вспомнить час,
Когда связала клятва нас.
Неужто долг ничто не значит?»

Зачем предался ты страстям?
Прими, что должно колдунам.
Несчастлив ты, живя иначе!»

Проснулся Вильям. «Нет, я счастлив!» —
Сказал упрямо про себя.
Шумел в окно поток дождя.
«Быть может ливень, целый час лив,
Напомнил мне, отец, тебя?»

О, ты мне – всех людей дороже.
А ныне – память о тебе!
Живу минувшим я, похоже,
С людьми – в борьбе, с собой борьбе.

И что я делаю? Быть может,
я даром клятвы предаю?

На что я трачу жизнь свою?
Но нету выбора, а если
он есть, отец, – то дай мне знак!
Мои способности исчезли.
Ты говорил: я – сильный маг.
Увы, но я забыл заклатья.
Как ни хотел бы отыскать я
то братство, я не знаю как.

А, впрочем, я не верю в знаки.
Смутил меня, наверно, сон.
Я буду жить привычно.»

Он
Из сундука достал бумаги,
решил писать одно письмо
английской леди, но, однако
он колебался всё равно.

Но всё ж воспоминаний сила
его писать письмо склонила.
Воспоминания о ней
тот сон из памяти изгнали.
Он позабыл про все печали
и вспоминал её ясней.

И написал пером он строки
в сиюминутной ли тревоге,
иль нет? Скорей – в любви большой:

«Тебе пишу я, дорогая,
чтоб извиниться пред тобой.
Я виноват, я это знаю.
Не нахожу нигде покой.
Увы, не получал ни вести
я от тебя пять долгих лет.
Хоть были мы недолго вместе,
Я не исполнил свой обет:
к тебе вернуться и жениться, —
прости меня, Элизабет!
Не описать на ста страницах
как сожалею я о том,
Что ради долга мы живём,

Для чувства – долг всегда помеха.

Не за того ты приняла
меня. Я лгал, но не со зла.
Прошу тебя ко мне приехать.
Я – в Эдинбурге. Знаю: как
простить меня тебе непросто.
Как много пережить пришлось – то
не предположишь ты никак.
Я расскажу, что пережил я.
Где я живу, легко найдёшь.
Мой адрес – на конверте. Что ж,
до встречи, милая!

Уильям.»

Глава 14

С тех пор прошёл, наверно, месяц.
И так опять привычно жил
В особняке своём Уилл.

Спустился он одной из лестниц
террасы, где вазонов ряд.

На горизонт он бросил взгляд.

Сверкала бликом золотисто
вода залива Ферг-оф-Форт²¹.
Вдали виднелся в дымке порт.
В спадах деревьями тенисто
Сокрылся пышный особняк.
По берегам густой ивняк
трепещет лёгкою листвою,
склоняя ветви над водою.

Цветы купаются в росе,
И соловьиный щебет льётся.
В восхода яркой полосе

²¹ залив в Эдинбурге

сияет утреннее солнце.

Поднялся Вильям на причал

И лёгкий ветер развевал
копну кудрей его густую,
что рассыпалась плечам.

Он думал: «И зачем впустую
я о несбыточном тоскую?»

И взгляд он поднял к небесам.

Сияли звёзды там искристо,
бледнея в небе голубом.

В рубашке белой из батиста
с отделкой кружева жабо
и в брюках цвета аметиста
оттенка тёмной синевы
присел на пристани Уильям.

Шумело кружево листвы,
и ветер полнился обильем
благоуханья белых роз.

Вода сияла перламутром.

Вдали раздался шум колёс.

«Неужто гости рано утром?»

Остановился экипаж.
Открыл ворота юный паж.

Уильям взгляд поднял к карете,
Узнал он англичанку – Бэтти.
Он ей тогда письмо писал.

Она спросила у лакея:
«Уильям дома ли?» – С аллеи
Он указал ей на причал.

Она была в накидке сизой.
Казалась царственной актрисой.
Она прошла по шёлку трав.
изящно платье подобрал.
На нём – брильянтовая россыпь.
Взглянула дама бегло вдаль.
Какая царственная поступь!
А на лице была вуаль
под кружева изящной шляпы.
Поэты все, её хваля бы,
назвали музою тотчас.

Уильям, на неё не глядя,
смотрел на бликов солнца пляс,
рукой касаясь водной глади,

полуприлѣгши на причал.

И думал: «Зря я ей писал.

Порыв сиюминутный, глупость!»

– Уильям! – Молвила она
издалека и улыбнулась.

Она прошла по шёлку трав.

Вполоборота чуть привстав,

он бросил взгляд слегка ленивый,

при том приветливо игривый.

Секунды три понаблюдав,

он принял то же положенье —

«задумчивость и отрешенье».

Как я могу любить врага? —

Он думал. – Бэтти – англичанка.

Но как она мне дорога!

Какая гордая осанка.

Вспоминанья живы вновь.

Я не любил других. В сравненье

С Элизабет, те – увлеченье.

Ведь это – первая любовь.

Боролся с чувством долго я,
Она не знает как люблю я!
Среди других по ней тоскую.
Но веселюсь среди вранья.

И что писать письмо склонило?
Судьбы какой-то произвол.
Для всех, наверно, б лучше было,
Чтоб чувство я переборол.

Но разлюбить найду ли силы,
Смотреть насмешливо в глаза
И не признаться, что любил, а
Бросать шутливо словеса?

Он смотрит вдаль в минуты эти.
Блестит приборя полоса.

И тут к нему подходит Бэтти.

Запомнить каждый миг желал
Уильям, посмотрев на леди:
Как поднялась та на причал
Как ветер платье развевал.

– О, Бэтти, здравствуй, дорогая!
Как рад тебя я увидеть! —
Сказал Уильям, привставая,
чтоб руку ей поцеловать.

Она ответила с улыбкой.

– Я также рада, дорогой,
опять увидеться с тобой!

– Расстаться было нам ошибкой. —

Уильям с грустью продолжал.

О встрече новой я мечтал.

Судьба любимых разлучает,
к несчастью. Но, повторный шанс
даёт нам жизнь.

– Так полагает

романтик вечный? – Реверанс

непринуждённо грациозно

она проделала. А он

сказал:

– К чему формальный тон?

О, Бэт! Чиниться – не серьёзно,

ведь не чужие мы с тобой!

– Неужто правда, дорогой? —

И бровь приподнимая гордо,

с улыбкой молвила она.

Высокомерия аккорды
в прекрасный голос как весна
вливались музыкой. Одна
она так дивно говорила,
когда смотрела нежно, мило.

Её любил он. И была
Она его любовью первой.
И память чувство берегла
О той любви неимоверной.
Скрывал он чувства глубину,
Хотя любил её одну,

Но их так много разделяло:
Международная вражда,
притворства долгие года;
а соединяло очень мало:
любовь, что чувства освещала,
Как небо, – дальняя звезда.

Прекрасной оперной певицей
Она была. И с дамой той
Никто талантом не сравнится,
Не превзойдёт и красотой.

В накидке с мехом, дорогой

она стояла на причале,
не поднимав с лица вуали.
Лица красивые черты
вуаль со шляпой не скрывали,
Как и волос: длинны, густы —
они спадали белым шёлком
блестя под стать её заколкам.

[Бэт]

– Как странно то, что в Эдинбург
ты пригласил меня!..

[Уильям]

– ...Не в Лондон?

Уильям рассмеялся вдруг.

[Бэт]

– Я знаю: Англией уж создан
союз с Шотландией давно.

И разницы особой нету,
где нам встречаться.

[Уильям]

– Ложь всё это!

Шотландцам сдаться всё равно,
что умереть.

[Бэт]

– Так молвят горцы!

Но сдаться оным суждено.

[Уильям]

– О, сдаться Англии придётся!

[Бэт]

– Прошло с тех пор пять долгих лет,
как из английской ты столицы
уехал. Много измениться
успело.

[Уильям]

– Это верно, Бэт!

[Бэт]

– Но ты не изменился, милый.

[Уильям]

– А ты – прекраснее в сто раз!

[Бэт]

– Спасибо! Славно здесь у вас!

А ты гостишь на этой вилле? —
Взглянув на пышный особняк,
который окружал ивняк,
она спросила.

– Нет, живу я
в именье этом.

– У кого?

– Сей дом – владенья моего

отца. Он славу вековую
хранит семьи моей.

– Так ты —

шотландец? Правду как такую
ты скрыл?

– Мы стали бы чужды,
открой я правду.

– Я считала:

ты – англичанин. После бала,
ты не сказал мне.

– Важно ли?

– Вассал ты вражеской земли!

А говорил, ты на гастроли
приехал в Лондон как певец
из графства Кент. Не правда то ли?
Ответь мне: кто ты, наконец!

– Ты помнишь, пели на балу мы

С тобою в Лондоне тогда;

И в карты проиграл я суммы,
что стоят дом такой?

– О, да!

– Ведь к экономии стремленья
Не знал, поверь, я никогда.

Поскольку здесь в распоряженье
Моём державная казна.

– Но как? – Промолвила она.

– По политическим причинам
певцом представился, без чина.
ведь на балу английском том,
я был Шотландии послом.

Она сложила белый веер,
подставив волосы под ветер,
закрыв глаза.

[Бэт]

– Каков удар!

Она бледна внезапно стала.

Зачем я здесь? Бросает в жар.

Он руку протянул ей. Бэт,
Присядь. Не виделись пять лет.

[Уильям]

– Я рассказать хочу немало.

Мы не видались все пять лет.

Присядь, присядь, Элизабет.

И подобравши платья фалды,
она присела на причал.

[Уильям]

– Я годы по тебе скучал.

[Бэт]

– Среди державных дел скучал ты,
посол шотландский?

[Уильям]

– Ах, дела —

пустое. Без тебя как жил я?

Она на дом взгляд отвела.

[Бэт]

– Среди такого изобилья
скучать? Ах, нет, наоборот!

[Уильям]

– Я сожалел из года в год,
что от тебя тогда уехал.

[Бэт]

– ...И чувства не были помехой...

– Я благо выбрал для страны.

Считал, что чувства не важны.

[Бэт]

– Меня обманом ты добился! —

Элизабет сняла вуаль
со шляпой, положив на пирсе.
Слезу смахнула, глядя в даль.

[Уильям]

– Прости! Мне правда очень жаль.

Но к чёрту эти предрассудки!
Когда я – твой, а ты – моя.
Я говорю без доли шутки.
Не жить мне больше без тебя!

[Бэт]

– Ты помнишь: в Англии столице
должны мы были пожениться?
Ты обещал, вернуться, но
ты не вернулся всё равно.

– Не ты ль считала, что я беден.
Меж нами невозможен брак?
Наслушалась ты светских сплетен,
Что я певец и мот, ведь так?

Признай! Ты не желала свадьбы
С простым певцом. А открывать бы
Кто я – не стал. Запрещено!

Ведь был я в Лондоне шпионом. —
Сказал Уильям дерзким тоном. —

Хотел признаться я давно,
Что я богат. Смотрю: немало
Удивлена? Когда узнала,
что ныне скажешь мне на счёт
женитьбы нашей в этот год?

Тебя устроит сей расчёт
И, так сказать, любви законность?
Ха-ха-ха-ха.

– Бесцеремонность
тебе, Уильям не идёт!

Ты не хотел на мне жениться.
Я поняла: ты вёл игру.
И про любовь солгал. К утру
Уехал ты, «забыв» проститься.

– Насколько знала ты меня,
Дабы судить, как судим все мы?

Как «представителя богемы».
Меня ты знала. – Не меня!

– Я без тебя пять лет страдала.
Позволит гордость ли признать?
Но ни к чему теперь молчать.
Тебе бы я не отказала.
Тебя любила я певцом,
и королём богемы бала,
и бедняком, и подлецом.

(И тут уже заметить надо
серьёзен стал предельно он,
исчез насмешки наглый тон.)

– Тебя люблю я, как когда-то.
Я – не подлец и не бедняк.
Выходишь замуж за меня ты?
узнав, что я живу богато,
но англичан я – смертный враг?

Но это, верно, даже хуже
Тебе узнать, чем то, что я
Бы бедным был. А... вижу: мужа
Тебе нашла твоя семья?

Он взял Элизабет за руку,
Сказав:
– Но что я вижу, о!

То – обручальное кольцо!
Скажи, и чья же ты супруга?
Он не заметил то, что взгляд
Любимой выражает муку.

Наверно, муж красив, богат?
Английский он аристократ?

Шотландец свадьбы не дождался,
с тобою, как бы не желал. —
Сказав, Уильям рассмеялся.

Она заплакала. Обнял
Её он.

– Полно, дорогая!
Не плачь. Прости меня!

– Смешна я?
Иль ты – из мести?

Он сказал:

– За смехом легче скрыть досаду.

Уильям вдруг серьёзен стал.

И как давно ты вышла замуж?
– Три года как.

– Ты счастлива?

– Тебя забуду я едва.

Не знать мне счастья никогда уж.

– Кто муж твой? Важное лицо?

– Сэр Лейтон, адмирал. —

Кольцо,

её, что было обручальным
он с пальца снял, в пучину вод
метнул тогда с размаху. – Вот
потеря для тебя печальна?

Нырнуть за ним, Элизабет,
прикажешь мне?

Она в ответ

смолчала только.

– Ныне вижу,

что ты меня не любишь. Да!

Тебе тот перстень дорог, а?

Сейчас нырну за ним. Проси же!

На пирс он бросил в ножнах меч,
готовясь прыгнуть вниз с причала. —

Ты замужем. Не пренебречь
судьбою.

– Смелость восхищала
всегда твоя меня.

– Одну

ты ценишь смелось? Смелых много.

За безделушкой я нырну
и испытаю силу рока.

Удачи только пожелай.

Она за руку удержала
его, когда он встал на край.

– Колец подобных разве мало?

Куплю, солгу, что потеряла.

Погибнешь если невзначай,
перенести то не смогу я.

– Так значит, любишь ты меня?

Зачем тогда ты вышла замуж?

– Меня заставила родня.

Ты сам порядки наши знаешь.

– Прости... Прости! – Он обнял Бэт.

– Все те года прошли впустую
в разлуке нашей, те пять лет...

Я по тебе всегда тоскую.

– Ты мужа не любила?

– Нет!

Живу богато с нелюбимым.

Он – адмирал, но стар и сед.

А ты как жил?

– О, за Гольфстримом
забывши о родной земле.

Служил во Франции, в Кале.

(И на ходу всё сочиняя,
Уильям врал, но дальше – нет)

Теперь советник короля я.

– Французского? – Смеясь в ответ
спросила тут Элизабет.

– Да нет! Шотландского.

– Не знаю,

мне верить ли на этот раз?

– Я правду рассказал сейчас

И рассказать готов подробней.

– Мне стоит правду знать? И что в ней?

– Она невероятна столь!

С посольской миссией король
меня тогда отправил в Лондон.

Я шёл на королевский бал
народу я певцом предстал.

Мне был приказ шпионить отдан
за знатю Англии. Приказ
нарушь бы я – меня б казнили.
Или в тюрьму бы заключили.

– А я зачем тебе сейчас,
когда шпионить уж не надо?
Иль ты желаешь на сей раз
узнать, что знаю я в награду
за ложь о призрачной любви?

– Ты ложью правду не зови!

Я ничего теперь не скрою.

Придя на королевский бал
(когда мы встретились с тобою)

я планы Англии узнал:
пойти на Францию войною.

Предупредить, что разразится
война во Франции, друзей
я должен был и поскорей.

Покинув Англии столицу,
я отбыл тотчас же в Париж,
а в Эдинбург позднее лишь.
Я не успел с тобой проститься.

Не сердцем думав, а умом,
я должен был доставить вести,
А если б мы остались вместе,
то б бой проигран был с врагом.

– Ты англичан зовёшь врагами.
Я – англичанка. Значит лжёшь
ты мне о чувствах?

– Между нами
не станут войны стран и ложь.

– Но ты уехал без прощанья!

– Я б на корабль не успел.

Ты не поймёшь мои страданья.

Себя поставить выше дел
державных я бы не посмел.
Судьба – жестока и всегда так.

– В признаньях ты умел и краток.

– Нелёгкий выбор выпал мне:
моя любовь иль долг стране.
И я второе выбрал, Бэтти.

За это я теперь в ответе.

Грядёт война. Война – войной,
А я несчастен. Не впервой
поставил смело долг я свой
перед страной, перед друзьями
превыше счастья своего.

– Зачем ты хвастаешь упрямо?

– А разве это – хвастовство?

Ценна Шотландии свобода,
и для французского народа
она – не менее ценна.

И я плачу за то сполна,
что долг, не чувства выбираю.

– Я пролила немало слёз.

Ты вести в две страны отвёз,
а что потом? Тебя ждала я.

– К тебе я не приехал, Бэт,
Поскольку в знак державной дружбы
Шотландцев с Францией, пять лет
Я был во Франции на службе.

Им навязать вассалитет
тогда желали англичане.

И нам сейчас покоя нет.
И мы пойдём на поле брани
свободу нашу отстаять.

Тебе признаюсь я опять:

Не важно: мир в стране иль смута, —
тебя любить я вечно буду.

Тогда я не подозревал,

что полюблю тебя сильнее
В разлуке, позабыть не смея.

И письма я тебе писал,
не отвечала ты не разу.

– Не получала писем я.
Одно лишь это – и я сразу
сюда приехала.
– Семья
твоя конечно всё скрывала.

(По правде, ей он написал
Одно письмо, как заскучал)

Он поднял камешек с причала
и вдаль метнул.

[Бэт]

– О чём грустишь?

[Уильям]

– Поскольку я живу впустую,
И потерял, кого люблю я,
кого любил я в мире лишь.

Сказал и вдруг в мгновенья эти
он вспомнил своего отца,
И вдруг спросил её.
– Но, Бэтти,
меня простишь ли ты, лжеца?

Мне не вернуть былого ныне.

[Бэт]

– Нельзя любить и не прощать...

О, мне припомнилось опять,
как ты играл на клавесине.

Дуэтом пели мы с тобой.
Сыграй мне, как тогда, и спой!

– Спую дуэтом только с Вами! —
И руку протянул он даме
Они по саду шли тропой.
Она взяла его под руку.

[Бэт]

– Как здесь красиво – волшебство.

[Уильям]

– Но без тебя здесь нет его. —
Взглянул он нежно на подругу.

И голову к его к плечу
она склонила. Бэт обнял он.

[Уильям]

– Как пахнут волосы сандалом!
Пьянею. Как я различу
на партитуре ноты ныне?

И он её поцеловал,
Как будто нет тех лет в помине,
Как будто ныне – прошлый бал.

Вокруг цвели аллей аркады.
И оплетали стебли роз:
беседок тонкие ограды.
А статуй ряд плющом порос.

К особняку вели аллеи.

Повсюду – роскошь и изыск.
Фонтан у дома сотней брызг
переливался, свет лелея
в каскадах ключевой воды.

Вокруг розария кусты
сады цветеньем украшали.

Красив и царственен пейзаж.

Аллеи клёнов антураж
незримой тайны создавали,
идушим мысли навевали
о прошлых сумрачных веках.

Где дом, – величие виднелось.
Незыблемость запечатлелась
над входом в скрещенных клинках.
Крыльцо верандой представлялось.
Рельефом тонким обрамлялось
строенье мраморных колонн,
что подпирали вдоль фасада
плющом увитую аркаду
и довершали общий тон.
Фасад при входе над карнизом
гербом украшен и девизом

семьи МакЛелландов «Think on»²²

Изыска также не лишён
ряд инкрустаций в позолоте
с лепниной по французской моде.

К террасе лестница вела,
просторна, мраморно-бела.

А светлый камень парапета
на солнце глянцево сиял.

Уильям скромности не знал.
Не по нему бытие аскета.

Они поднялись на крыльцо,
лакей учтиво поклонился
и дверь открыть поторопился.

Графини милое лицо
улыбкою сияло нежной.

Походной с Уильямом неспешной
они прошли в просторный зал.

Изыск убранства восхищал
роскошной виллы. Интерьеры
ведущих к залу анфилад²³
венчал портретов длинный ряд.

²² Девиз клана МакЛелланд переводится как фразовый глагол «Помни»

²³ Анфилада – ряд последовательно примыкающих друг к другу пространственных элементов (помещений), расположенных на одной оси, что создаёт сквозную перспективу

А окна светлые портьеры
драпировали из шелков.
Вазоны комнатных цветов
убранство дома дополняли.
Великолепьем впечатляли
старинный мрамор и фарфор.
Приёмов зал и коридор
наполнен был благоуханьем
цветами белоснежных роз.
И вот красот апофеоз —
картин полотна средь блистанья
отделки стен и потолка.

[Бэт]

– Какое тонкое искусство —
орнамент каждого цветка.
Маэстро-живописца чувство —
в оттенках каждого мазка,
на холст положенного кистью.

Пейзаж осенний – кружат листья
воздушность цвета, зыбь реки,
на глади озера круги,
в дожде – пространственная лёгкость.
Портрет – величие и строгость —

штрихи подчёркнуто резки.

Как идеальна безупречность
и грациозность этих лиц!

[Уильям]

– Искусство – замершая вечность
на строках жизненных страниц.

[Бэт]

– Каков талант у живописца! —
Войдя промолвила она.
Мне расскажи, кто эти лица? —

[Уильям]

– Моя семья. Вон та стена.
Я всеми здесь могу гордиться.

И я хотел бы, чтобы мной
они гордились, отошедши
давно на неземной покой,
меня не упрекали вслед же.

[Бэт]

– Всего превыше ставя долг,
их будешь гордостью всегда ты.

[Уильям]

– Моих врагов не дремлет полк.

(По коридору анфилады
они прошли).

[Бэт]

– И даже при
врагах ты вечный победитель.

[Уильям]

– Шаги свершаю на пути те ль?
О, сомневаюсь я внутри.

[Бэт]

– Забудь сомнения.

[Уильям]

– Забуду,
но если любишь ты меня...

[Бэт]

– Конечно, Вильям, я люблю!

– Да?

– ...И не было такого дня,
что не скучала по тебе я.

[Уильям]

– Тогда я всё забыть сумею.

Идём же в зал, Элизабет.

Она смотрела на картины.

[Бэт]

– Скажи, а это чей портрет?

[Уильям]

– Отца. Давно, 15 лет

назад погиб он.

– Ах, прости!

– Но

зачем спросила про него?

– О, я увидела родство,

Но всё ж вы разные: ты – весел;

Его глаза – как синий лёд.

И взгляд меня пугает тот.

– Судьба ли даст довольно мне сил,
чтоб рок отца не повторить?

– О чём ты?

– Мы с ним так похожи...

И клятвы нас связует нить.

За смерть я клялся отомстить
врагам его, но после всё же
я предал клятву ту свою.

Я слишком памятью измучен.

Предав, себя я предаю.

Какой в стране я не займу чин,
и что не сделаю, обет
я не забуду свой. Но, нет, —

И выполнять его не стану.

Отца отмщенье не вернёт.

И я смотрю всегда вперёд.

Зачем за призраками гнаться?

Давно свою я начал жизнь,
как строчку, с нового абзаца

– Я поняла, о чём грустишь:

Вернуть отца мечтаешь лишь.

– Я б отдал всё, чтобы вернуть, но...

– И даже отдал бы любовь?

– Конечно нет! Подумать трудно,
что потеряю тебя вновь.

В душе смешались счастье с болью.

Былое – в прошлом. Ныне есть
лишь то, что будет и что здесь.

Я не солгу, любя. Но столь я
как я тебя люблю, уже

не полюблю иную. Знаешь,
я не подобен ведь ханже.

– Я знаю и люблю тебя лишь!

(Да, он любил Элизабет.

Но как забыть про тот обет,
что заставляет отречься
от чувства дружбы и любви?)

Стоя к портрету визави,
он вспомнил проклятое братство,
куда отец вступить велел.

Он отвернулся от портрета,
смотреть в глаза отцу не смел,
ведь были преданы обеты.
Ему казалось взгляд отцов
его винит, пускай без слов.

Сказал он:

– Бэтти, под картиной
с тобою задержались мы.
Ты помнишь ли, что мы в гостиной
помузицировать должны?

Что было в прошлом – будто небыль.

Они прошли в просторный зал,
где он всегда гостей встречал.

Из дуба дорогая мебель
Была под стать декору стен.
На каждой стенке – гобелен
или картина. В окна-арки
весь день светило солнце ярко.

Напротив окон был камин —
он белым мрамором блистал.
Уильям сел за клавесин —
И вдохновенно заиграл.

Легко касались клавиш пальцы,
играло солнце на перстнях.
И, будто, в солнечных лучах
кружили звуки в дивном танце.

По белым клавишам разбросан
был бархат алых лепестков.
Витал повсюду запах роз. Он
Мешался с пряностью духов.

Играя кучерявой прядью,
Касался ветер чуть волос
И нотной шелестел тетрадью.
И лепестки кружил он роз.

И вот Уильям ей куплеты
приятным тенором запел.
Он славно голосом владел.
«Как звёзды в небе, на Земле ты
мне освещаешь путь земной.»

И не ищу другого света
с тех пор, как встретился с тобой...»

Уильям любовался ею,
она – же им. Среди лучших пар
подобных нет. «О, да сильнее
любовь, – он думал, – древних чар.»

Графиня Лэйтон в светлом платье,
стояла рядом у окна,
Была задумчива она.
С таким изяществом и статью
Раскрыв ажурный веерок,
Едва заметно улыбалась,
Заслушалась, залюбовалась:
не восхищать певец не мог.

То, глядя в ноты на листок,
то – на неё с улыбкой нежной, —
он пел ей строки о любви,
листая ноты чуть небрежно.
Затем же леди визави,
запела партию сопрано.
Красивый голос несказанно,
звнящий будто серебро,
струился нежно грациозно,

брав ноты звонко виртуозно.
Поэт, что взялся за перо
её бы сравнивал с богиней.
В роскошном платье с болеро
она прекрасна. Но с графиней,
богини не сравнятся, нет —
настоль мила Элизабет.

«Остановить нам счастья миг ли
с тобою, милая, дано?»

«Как вечность будет пусть оно!
Лишь мы вдвоём его постигли.» —

И голоса слились в дуэт.

И вдруг скрипичные пассажи
напевам раздались вослед.

Те оглянулись услыхавши.

Вошёл, изысканно одет,
красавец по французской моде,
Держа в одной руке смычок.
Взметнул он скрипку на плечо,
Играл мотив в дверном пролёте.

Затем он улыбнулся ей.

За ним туда вбежал лакей,
сказав Уильяму: «Простите,
я должен был вам доложить
о гостя утреннем визите,
но не успел. Прошу простить!
Мсье де Шарон подобно ветру
сюда влетел, я не успел...

«Ха-ха-ха-ха, приму на веру:
ты – не сообщник его дел»
Сказал, смеясь, лакею Вильям.

И де Шарон по-щегоольски
пройдя, одним руки усилием
подкинув кверху лепестки
осыпав ими двух влюблённых.
Те засмеялись.

– Август, друг,
Ты – не в Парижских бастионах?
Когда вернулся в Эдинбург?

– Сегодня утром!
– Что так рано?

– Послушать чудное сопрано! —

В ответ уклончиво шутя,
заметил Август подойдя,
с улыбкой к милой незнакомке.

[Элизабет]

– Благодарю за комплимент!

[Август]

– Восторженным – слова не ёмки.

[Уильям]

– Зато аплодисменты – громки.

[Август]

– О, верный, верный аргумент!

Я к вам с визитом ненадолго.

[Уильям]

– Да, познакомься, Август, – Бэт,

Графиня Лэйтон из Норфолка.

[Август]

Целует руку ей в ответ
на реверанс. – Вам равных нет
по красоте! Вы славно пели,
куплет премилой багатели²⁴.

Блестящ лирический манер.

[Бэт]

²⁴ Багатель – небольшая, лёгкая в исполнении музыкальная пьеса, главным образом для фортепиано.

– Благодарю премного, сэръ.
Вы так милы!

– Позволь же ныне
представить друга моего. —
И, обратившись он к графине, —
сказал: «Бургундии прево²⁵
и верноподданный короне —
барон, мсье Август де Шарон,
мой лучший друг по пансиону,
скрипач, талантливый поэт.

[Август]

– Вы кстати пели мой сонет.

[Бэт]

– Месье, в стихах, вам равных нет,
как во владении и скрипкой?

Ответил Август ей с улыбкой:

²⁵ Прево́ (фр. prévôt, от лат. praepositus – начальник) – в феодальной Франции XI – XVIII веков королевский чиновник или ставленник феодала, обладавший до XV века на вверенной ему территории судебной, фискальной и военной властью

– Судить лишь вам, Элизабет!

Я написал сонеты эти
и ноты при езде в карете
как оду летнему деньку.

Он протянул ей ноты.

– Леди,

На пару слов я отвлеку
Уильяма от клавесина.

– Как вам угодно.

– О, мерси! Но
Не заскучаете?

– О, нет!

Стихи и ноты! Как печалям
предаться при искусстве?

– Бэт,

мы красоту в искусстве хвалим,
что не сравнится с вашей! – Мисс! —

Целует руку ей он снова.

[Уильям]

– Идём же, Август, на два слова.

И с другом он спустился вниз.

[Уильям]

– Учтив ты слишком перед нею.

[Август]

– Ну что ты? Что ты! Я не смею...

Журчал фонтана водопад.
Они террасой вышли в сад
на буков длинную аллею.

[Уильям]

– Не ожидал в столь ранний час
тебя увидеть здесь с визитом. —
Сказал он тоном деловитым. —
Какие вести в этот раз?

[Август]

– О, я провёл переговоры,
с монархом Франции. Горжусь,
что убедил я на союз
его. С Шотландией мы скоро
победу обретём в войне.
Вот договор. – Он вынул свиток.

[Уильям]

– Я очень рад! Мы – не одни. Так
мы победим врага вполне
В грядущей битве. Англичане
имеют наступленья планы
давно на наш мятежный край.

Благодаря сему союзу
окажут помощь нам французы?

Тот свиток протянул.
– Читай!

Уильям развернул бумагу.

И, прочитав, сказал:

– Однако
весьма туманно. – Невзначай
ли это, Август? Что творится
у вас во Франции, в столице,
пока тут мирно? Излагай!

[Август]

– Пока в Шотландии всё тихо,
во Франции неразбериха.

Воюет против англичан
весь люд: от черни до дворян.
Потерь не счесть. От вражьих полчищ
мы отбиваемся едва.

[Уильям]

– Я понял, друг. Мы нашу помощь
предложим вам тогда сперва.

Когда же к нам придёт война —
поможет ваша сторона.

[Август]

– Не сомневайся, Вильям, в оной.
Война... Причина в ней одна:
король английский в родословной
своей нашёл французов и
нас подчинить беспрекословно
желает, либо же в крови
всё утопить. Завоевали
уж англичане полстраны.
Король безумен наш. Едва ли
врагу не сдался. Дни страшны.

Я видел тот кошмар войны.
Я вёл французскую пехоту,
На корабле служил потом.

Затем опять я стал послом,
но быть послом мне неохота.

Хочу опять служить стране
На корабле в открытом море!
По нраву – вахта мне в дозоре.
Милы и волны с ветром мне.
Люблю следить за горизонтом:
военных нет ли кораблей.
А есть – на бордаж, смелей!

Иль быть на суше. Перед фронтом
Повелевать пехотой всей.

Ты – на коне. Солдат шеренги.
Триумф и боль попеременке,
Но не кинжал из-за спины,
Как часто то в придворной свите.
Я видел козни визави те.

И видел часто пыл войны.
Неразбериха. Бой ужасный.
Свои своих же предают.
Но всё же злей придворный люд.
Их бой не менее опасный,
Но за улыбками – негласный.

Один советник короля —
Монтгомри – сушая змея.
Знаток по ядам. Одного он
советника уж отравил.
Хотя, ведёт себя как клоун,
опасен он весьма. Уилл,
и ходят слухи, что рассудок
король французский потерял,
поскольку яд он подмешал
ему в питьё. И сговор жуток
Монтгомри с Англией. И он
почти негласно занял трон.

Невинных бросил он в темницы
И обвиняет в мятеже.
Нас мало, чтоб с врагом сразиться.
Мерзавцы на свободе же.

Пытает в тюрьмах невиновных
И индульгенции в часовнях
купил Монтгомри палачам,
Шпионам Англии, врагам.

И продолжают их хлысты сечь
людей по тюрьмах. Суший ад!

[Уильям]

– Скажи мне прямо, сколько тысяч должны отправить мы солдат на помощь вам? По договору не прописали вы число...

[Август]

– Любая помощь – нам опора.

[Уильям]

– А сколько вам бы помогло?

[Август]

– Просить аж столько – это наглость.
Я понимаю: мы – друзья.
Чтоб дружба прежней оставалась,
её использовать нельзя.

[Уильям]

– Да брось! Обдумай сколько нужно.

Идём мы завтра к королю.

– Обдумать? Всё я знаю уж, но его числом я разозлю.

– Да нет! Монарха благосклонность к тебе немалая теперь.

Ты заключил союз! Поверь, к победе эта окрылённость!

Как обещал когда-то я,
получишь земли ты в награду.
Вернуть тебе по праву надо,
Владела чем твоя семья.
Земля МакГрэгоров – твоя.

[Август]

– Я обрету свои владенья?
Опять МакГрэгоры почтенье
себе вернут? Уилл, не знаю
я как тебя благодарить!

– Мне благодарность не нужна! Я тебе как другу помогаю.
Иначе ль можно поступить?

- Друзей так мало настоящих
на весь Париж и Эдинбург.
Враги встречаются всё чаще.
- Нет шансов им.
- Спасибо, друг!

А то вся знать презренье шлёт мне.
Мой дед – предатель. Но верну
Я славу роду своему!

[Уильям]

– Устрою праздник здесь сегодня
я в честь начала всех побед.

- А гостья как?
- Элизабет?

А что такого? Из-за встречи
не буду жить, себе переча.

- Как знаешь. Я спросить забыл
кто эта Бэтти? Англичанка?
- Да. – Свысока сказал Уилл.
- А титул графского ли ранга?
- Конечно!

– Любишь ты её?

– Люблю!

– Ха-ха-ха-ха. К чему враньё?

Ты? Любишь? Вильям, не поверю!

Ты перебрал довольно их.

А дорога в такой же мере
она тебе, как сто других.

Ха-ха-ха-ха.

– В словах раскайся!

– И не подумаю!

– За речь

свою ответишь! Защищайся! —

Уильям выхватил свой меч.

Тот отразил удар смешливо.

[Август]

– Друг другу поклялись в любви вы?

Но ты – не верен, а она

тебе, – конечно же, верна?

Не ври, к желанной цели близясь!

Достойна Бэтти лучших, верь!
– Я не достойный кавалер,
считаешь, для прекрасной миссис?
А как по мне – так идеал!

[Август]

– Она замужня? Не знал!

[Уильям]

– А ты задумал что, жениться?
Так голос покори певичу?

Они дрались полушутя.

– На англичанке – нет, хотя...

Она – талантлива, красива,
как будто оперная дива.

Я может бы женился. Да!

– Мне, Август, помнится, тогда,
когда послом я прибыл в Лондон,
на ней чуть не женился я.

И де Шарон от удивленья

Атаку пропустил в сраженьи.

[Уильям]

Был шанс... Но мне зачем семья?

– Уильям, шанс?

– Напрасно он дан.

– Как это было?

– Прибыл в Лондон

5 лет назад. Я был послом.

Но там представился певцом.

Мне был приказ: за всем шпионить —

велел Шотландии король.

Я впечатленье произвёл

певца и мота, ведь дано нить

каких-то сплетен уловить

когда серьёзно не считают

тебя противником. Не знают —

теряют бдительность скорей.

Я пел на королевском бале,

и познакомился я с ней.

Затем играл со знатью в карты,

Желая новости узнать,

(Английская болтает знать
довольно ведь в пылу азарта).

Я проиграл на бале том,

Наверно, – сколько стоит дом!

И обо мне вокруг болтали:
«богемный житель, светский мот».
И сдержаны в словах едва ли
Вельможи были в праздник тот.

А Бэт со мной сидела рядом,
смотрела как игра идёт.

Играл я с герцогом усатым.
Разговорились. О войне
англо-французской герцог мне
поведал, нападения планы.

Напасть готовы на Париж
а ту пору были англичане.
И новость ту узнал я лишь,
решил отплыть на утро срочно
на берег Франции.

[Август]

– Ты нас

Тогда предупреждением спас!

[Уильям]

– Корабль досветла был, – точно
я помню. Без прощанья с Бэт
уплыл я прочь. Хотя, признаться,
я полюбил её. Обет
«вернуться» дал.

[Август]

– Но возвращаться
ты не желал?

[Уильям]

– Конечно нет!

Что может принести шотландцу
Брак с англичанкой? Только вред.

У нас с ней были разногласья
На счёт политики двух стран.
Её любить мне в одночасье
И ненавидеть шанс был дан.

Мы танцевали с ней два танца.
Она про силу англичан
всё говорила. И шотландцев
считала лишь рабами их.

Я был обязан соглашаться,
не выдать дабы дел своих.
Но голос сердца здесь затих.
Я захотел скорей расстаться.

Сейчас люблю её, но всё ж
я отомстить хочу за то, что
она считает, что грабёж
шотландцев Англией безбожный —
дань правосудию.

[Август]

– Но мечь
красивой женщине за что же?
И любишь ты её, похоже.

[Уильям]

– Иной тут выход вряд ли есть!
Я также зол, что мы – не вместе
Она замужняя уже.
И это – также повод мести.
Творится сущий ад в душе.

И муж её тот самый Лэйтон,
кто мне поведал за игрой
О войнах планы. Сэр седой.

[Август]

– За мота выйти шанс был ей дан.
И, правда, – честь была большой!
Но та пренебрегла тобой?

И Август вновь расхохотался.

[Уильям]

– Не смей смеяться надо мной!

И бой меж ними продолжался.

Со смехом Август фехтовал
мечом, не вынимав кинжал.

[Август]

– Я знаю цену чувствам – деньги!
Подобных я видал певиц:
И содержанками частенько
они живут у знатных лиц.

Я сам имею содержанку
Одну артистку, парижанку.
Сегодня с ней на бал приду.

– Я вспоминал минуту ту,
как с Бэт мы встретились. Зачем же?
Чтоб от любви страдать к врагу?
Мне вспоминаются не реже
И разногласья – не солгу!

Хочу поссориться я с нею,
И навсегда ее забыть.
И «не люблю» пусть скажет мне. Я
Смогу тогда лишь разлюбить.

– Наверно, ожидать скандала?
– Когда я не переборю
Желанье мести...
– Шансов мало.
Пошла с иным ведь к алтарю
Она. И не тебя избрала.

– Пять лет назад я после бала
Хотел забыть её навек. —

Любя, не силах человек!

Я ей писал письмо недавно.
Приехать я её просил.
Она приехала. Забавно,
Меня терзает мести пыл.

Ее люблю сильнее ныне.

– Как вы расстались? – Расскажи мне!

– На том балу, танцуя с ней,
сказал я непритворно ей:

– Мне рано уезжать придётся.
Бал затянулся – я смотрю.

[Бэт]

– Он будет до восхода солнца.

[Уильям]

– Встречать вы любите зарю?

[Бэт]

– Не приходилось.

[Уильям]

– Мне придётся.

[Бэт]

– А почему?

[Уильям]

– Вокруг молва.
Останусь в замке я едва.

Мне надоели эти лица.
Я не могу здесь находиться.
В глаза – улыбки там и тут,
а за спиною – осмеют.

[Бэт]

– Для представителей богемы
молва людская неважна...

[Уильям]

– К насмешкам нетерпимы все мы.

[Бэт]

– Ты деньги проиграл сполна.

[Уильям]

– Я ночь прогулкой скоротаю.
Пройдусь до порта при луне.
Сюда вернусь я только в мае,
Гастроли назначали мне.

[Бэт]

– Признаться честно: я устала
и от придворных от бала,
похож где каждый на ханжу.

[Уильям]

– Позвольте, я вас, провожу
до дома вашего.

Вдоль Темзы
гуляли с нею мы, смеясь.
Невзгоды, будто бы затем все
ушли. И мир исчез для нас.

А вот – мой дом. – Она сказала. —

Благодарю, что провели.
Я так устала после бала.

[Уильям]

– Меня вы вспомните вдали?

[Бэт]

– Я вспомню вас и цвет глициний,
что здесь цветут нам под луной.
Когда вернётесь вы?

[Уильям]

– Весной...

Но должен я признаться ныне.

Я вас люблю, Элизабет!
А вы? Вы любите кого-то?

[Бэт]

– Я пела о любви все годы,
но раньше не любила, нет.
Я полюбила Вас!

[Уильям]

– О, Бэт,
Мы раньше не любили оба...
Но пробил расставанья час.
Я, скрыть отчаяние тщась,
скажу, что больно мне особо.

Пора мне! Пристань вижу я.
И подожду там корабля.

[Бэт]

– Я не могу позволить, чтобы
вы мёрзли ночью у реки.

[Уильям]

– О, я привычен, пустяки!

[Бэт]

– Вы можете остановиться

в моём поместье, у меня.

[Уильям]

– И что же скажет вам родня?

[Бэт]

– Они сейчас в отъезде, в Ницце.
Визит наносят королю.

Затем ещё пробудут в Брюгге.

Идёмте в дом. Уснули слуги.

Я вам в гостинной постелю.

[Уильям]

– Добросердечны, как никто, вы!

[Бэт]

– Спокойной ночи вам теперь!

Когда уж было всё готово,
она ушла, закрыла дверь.

[Август]

– Ты устоял перед соблазном?

[Уильям]

– Я постучал к ней в дверь потом.

В наряде лёгком и атласном
Она сидела за столом.

Она спросила, обернувшись:

– Вам что-то нужно, стало быть?

– Обдумать можно ли в одну жизнь,
что нужно? Я – поговорить.

Она расчёсывала пряди
своих прекраснейших волос.

– Позвольте мне – Я произнёс.

Я рядом сел, в глаза ей глядя.
Напротив были зеркала.

Она мне гребень отдала.

Волос касанье, поцелуи.

[Август]

– Немудрено!

[Уильям]

Ты, впрочем, догадался. Ну и
Затем расстаться суждено.

Я обещал на ней жениться,
но я уехал поутру.

[Август]

– Ну что же... бедная девица,
ты не любил, а вёл игру!

[Уильям]

– Да нет же!

[Август]

– Ты не изменился!

[Уильям]

– О, если б я на ком женился,
то только б – на Элизабет.

[Август]

– Ха-ха. А как же Джулиана?
Забыл, какой то был скандал?

[Уильям]

– Все чувства были к ней обманны.

– О! – Де Шарон захохотал.

А друг серьёзно продолжал:

[Уильям]

– Любовь – глупа. Я понимаю,

что в англичанку, во врага
влюблён. И с ней остался зря я.
И пригласил издалека
я зря её, наверняка.

Мне часто кажется, что чувства —
не больше чем, самообман.
Что всё – одно, в любви всё пусто,
и путь иной мне свыше дан.

[Август]

– Ты наслаждаешься моментом
богатства, славы (как по мне),
подкупишь даму комплиментом.
И обретаешь ты вполне
любовь по бросовой цене.

[Уильям]

– Что-что?

[Август]

– На правду разозлился?

Уильям вынул снова меч.

[Уильям]

– Заплатишь за свою ты речь!

И снова бой возобновился.

Вскочил на пирса он ступень,

Опередив атакой друга.

И Август от удара в руку

Клинок роняет.

– Что за день?

Он поднял меч.

– Не в воду, благо,

Клинок сейчас я уронил.

А то бы ты нырял, Уилл.

– Француз, а ты – наглец, однако! —

Со смехом бой продолжен был. —

Ты потерял к сражению пыл!?

(Он отступал к фонтана струям).

И тут к друзьям подходит Бэт.

[Бэт]

– Ах, примиритесь!

[Уильям]

– Ссоры нет!

Шутя мы с Августом фехтуем.

Уже вот уезжает он.

[Август]

– Я уезжаю?

[Уильям]

– Де Шарон!

Ты едешь в замок неотложно,
забыл ты что ли? К королю!

[Август]

– Ха-ха! – И меч вложил он в ножны.

[Уильям]

– Запрячь карету я велю.

[Август]

– Но должен ты со мною ехать,
как обещал недавно мне.

[Уильям]

– О, мне там быть совсем не к спеху!
Один расскажешь о войне.
Я очевидцем не был.

[Август]

– Правда!

Спасибо, друг! Пообещав, ты своих не нарушаешь слов.

[Уильям]

– Всегда помочь друзьям готов.

– Я рад знакомству с вами, леди! —

Сказал с поклоном Август ей.

Ему слегка кивнула Бэтти.

И он пошёл к своей карете, смеясь, и скрылся среди аллей.

[Уильям]

– Я б с ним не выдержал соседства.

Любой вопрос – всегда ко мне.

Я рад, что Август наконец-то оставил нас наедине.

[Бэт]

– Я рада, что ты не уехал
и отложил свои дела.

[Уильям]

– Родная, все дела – не к спеху.

[Бэт]

– Но о войне ведь речь зашла.

Я расскажу, что я слыхала
от мужа. Помню, он сказал:
Что шанс шотландцев очень мал,
и с пораженьем небывалым
Им точно проиграть в войне.

[Уильям]

– Сэр Лэйтон служит адмиралом
в английском флоте. И вполне
логичны для него слова те.
Слова – как дань пустой браваде.

– Уильям, нет, не в этот раз!
Хочу, чтобы себя ты спас.

У нас шотландской много знати
монарху служит при дворе.
Ещё присягу в январе
короне Англии принёсши,
они избрали путь побед.
Иные присягнули позже.

– Я знаю. Но к чему ты, Бэт?

– Напрасно сил в войне не тратя,
и ты, Уильям, присягни.
В почёте будешь, как они.

– О, ты считаешь, я – предатель?

– Прости! Я не хотела ведь...

– Чем сдаться, лучше умереть.

Почёт не стоит и гроша,
когда ничем не дорожа,
ты продаёшься, и просяще
ты преклоняешься.

– Пустяк
для обретенья новых благ!
Встречаться сможем так мы чаще.

Спокойно, мирно будешь жить.

– Такого не хочу покоя.

Не буду счастлив я с тобою,
коль должен я врагам служить.

– Как можешь ты тогда любить
меня? Я – англичанка.

– Что же
с того?

– Тебе страна дороже?

– С тобой разлука – тяжела,
но не могу любви я ради
сжигать все принципы дотла.

– Сейчас пугающи слова те.

Боюсь, погибнешь на войне,
О пережить то не смогу я!

И он сказал её целуя:

– Не бойся, Бэтти, на войне
Твоя любовь мне талисманом
да будет верным и охранным.

– И мне твоя – в другой стране.
Обиды позабыла все я.

– Прими на память обо мне
подарок скромный. – Ей на шею
Уильям застегнул колье.

– Тебя вовек я не забуду,
и без подарков.
На груди
в колье сверкали изумруды.
Красиво! Слов мне не найти.

– Камней мерцанье не сравнится
с сияньем глаз твоих.

– Уилл,
мне так никто не говорил.
– Видать, красавица – шутница!

Смеялся он. – Так нет обид?
– Забыты. – Бэтти говорит.

Тебе прощу, Уильям, всё я
И обстоятельство любое
Любви не может помешать.

– Всё то же самое сказать
могу тебе. Но, жаль, немею
я перед красотой твоею.

Скажи, не будешь против, Бэт,
когда узнаешь, что на ужин
я жду гостей?

– Конечно нет!

Поверь, о том вопрос не нужен!
Ты – у себя. – Сказала Бэт.

Глава 15

Уже над садом вечерело.

[Бэт]

– Какое множество карет!

– Встречать гостей – лакея дело. —

Сказал Уильям ей в ответ.

Съезжались гости к его дому.

Он от окошка взгляд отвёл.

[Уильям]

– Пора и нам спускаться в холл.

[Бэт]

– Я представляла по-другому
сегодня вечер.

[Уильям]

– Мы весь день
с тобою вместе были.

[Бэт]

– Часто
зовёшь по стольку ты гостей?

[Уильям]

– О, главный гость, поверь, сейчас – ты,
а тех пришлось позвать.

[Бэт]

– Зачем?

[Уильям]

– Друзья по университету
мои разбросаны по свету,
давно не виделся я с кем.
Они приехали в столицу
Шотландии, чтоб поделиться
со мною новостями, Бэт.

[Бэт]

– Мы встречу с ними не отменим?

[Уильям]

– Велит их встретить этикет. —

Они спустились по ступеням.

В кругу друзей там де Шарон
стоял с какой-то хрупкой дамой,
среди иных нарядный самый.

– О, чудный вечер! – Молвил он. —
Знакомься, Вильям, – Катарина,
моя подруга, балерина,
Париж не знает равных ей.

– Я рада быть среди гостей. —
Она присела в реверансе. —
Мечтала о подобном шансе.
Целует Вильям руку ей.

Кудрявой, молодой брюнеткой
Она была, большой кокеткой.
Весьма собою хороша.
Под руку Августа держа,
Со всеми лордами беседу
она вела.
«Как вас зовут?» —
С восторгом спрашивали тут.
Не дожидаясь тет-а-тета
им дама молвит:

– «Катари»
Меня зови!» – Игривым взглядом

Она на всех смотрела при
надменном де Шароне рядом.

Он на неё, как на трофей,
смотрел, и хвастал меж друзей
с какой красавицей он вместе.
Она, как будто нет его,
себя вела, внимая лести
иных, не глядя на него.

Он не был никогда ревнивцем.
Менял танцовщиц на актрис.
И был готов всегда гордиться,
что оплатил их бенефис.

Уильям лишь смотрел на Бэтти,
Она же – на него. В глазах
Светилось счастье. В их беседе
любовь – и в жестах, и в речах.

– Уильям, даме нас представишь? —
Спросил маркиз де Лафайет.
– Конечно да! Элизабет —
Маркиз...

И с дамой Брюс МакТавиш
подходит к ним. Она, куря,
прошла надменна, элегантна.
Словами не бросалась зря.

Он с нею вёл себя галантно,
Но, всем казалось, что она
была девицей развлечений.
И платья белого тона
не изменили этих мнений.

Промолвил Брюс:

– Я снова, друг,
с войны вернулся в Эдинбург.

[Уильям]

– Как служба, расскажи, в Париже.

[Брюс]

– Три новых ордена. – Смотри же!

– Фортуна, видимо, щедра. —
Заметил Август де Шарон – все
расхохотались.

[Брюс]

– Что вы! Вовсе
Фортуна ни при чём.

– Ура!

За то поднимем кубки, если
не врёт нам Брюс. Да, старина? —

Сказал ирландец Патрик Лесли.

Лакей налил гостям вина.

Гостей примерно тридцать-сорок.

Шотландцы-лорды в килтах и
в камзолах с кружевом оборок
аристократы Франции.
И с ними их, конечно, дамы
в шикарных платьях, с веерами.

Шитьё блестело из камней,
на платьях россыпи жемчужин.

Последним входит граф МакКэй,
сказав:

– Меня на званый ужин
ты пригласил. Я удивлён.
Здесь Лафайет и де Шарон.
Одних, Уильям, парижан ты
собрал. Французы, музыканты...

Неловко мне среди гостей.

[Уильям]

– Как дома будьте, лорд МакКэй!

Не будет Рэя Фитцджеральда?

[МакКэй]

– Не знаю, герцог.

[Уильям]

– Очень жаль... Да...

[МакКэй]

– Я не слежу, где мой кузен.

[Уильям]

– Следят сторонники измен?

[МакКэй]

– Я ни при чём к твоей дуэли с посланцем, Уилл, не намекай. Но, верь, казнён напрасно Кай. Забыть о Кэмпбеллах сумели легко, ведь ссылка их вдали.

Но вот вопрос о передаче поместий их и их земли открыт поныне.

– Вот задача!.. —

Сказал Уильям, посмотрев на де Шарона, усмехнувшись.

[МакКэй]

– Удача постучит к кому в жизнь?

[Уильям]

– К кому утих монарший гнев.

Был слышен голос Лафайета,
что ни слова – то комплимент.
– О, Катари, вам равных нету!
Без вас парижский пуст балет.

Исполнить пару пируэтов
мы просим вас. Пускай арфист,
месье Атье вам подыграет
– Где Вильям, наш клавесинист?

Она исполнить обещает.

Проходят все в просторный зал.
Уильям Бет за руку взял.

– Хочу представить вам певицу,
которой в пенье равных нет.
Прекрасная Элизабет.
За клавесин Уилл садится.

А де Шарон берёт смычок.
И Жак Атье уже – за арфой,
Играет, глядя на листок.

– Когда сыграем ричеркар²⁶ – пой.
Шепнул Уилл Элизабет.
Слова мы пели, ты их знаешь.
Она кивнула лишь в ответ.

Как дождь звучанье было клавиш,
как волны, арфы перебор.
Звучали весело октавы.
И балерина в блеске славы
под скрипки тающий минор
кружит. Прыжок её воздушен.

Порхает будто мотылёк.
Украшен нитями жемчужин
её корсет. Касанье ног
Легко. И будто танцы эти
Исполнены на паркете,
а на сиянье облаков.

Уильям с Бэт поют дуэтом.

Кружа, танцовщица при этом
бросает горсть из лепестков.
Под их дождём воздушно-белым
Аплодисменты в зале целом.

²⁶ тут импровизационная пьеса

Отдавши скрипку, де Шарон
танцует с нею котильон.

Уильям Бэтти приглашает,
и начат бал,
за ними весь танцует зал.
За клавесином заменяет
его маркиз де Лафайет.

И вот окончены два танца.

Подходит Август:

– Тет-а-тет

Уильям, нужно пообщаться
с тобою.

– Да.

Выходят в сад.

[Август]

– У короля я был, Уильям,
и доложил я про альянс;
но вопреки моим усильям
поеду снова я в Прованс.

[Уильям]

– О чём ты?

[Август]

– Он мне лишь «спасибо»
сказал за то, что заключил
союз с Парижем я. Уилл,
ни слова про награду!

– Либо
его ты, Август, не просил,
либо он попросту забыл.

– Тогда, прошу: ему напомни.
Уилл, МакГрэгоров земля
должна по праву быть моя!
Просить монарха нелегко мне,
ведь покажусь я наглецом.

[Уильям]

– А я – и так наглец? Мне – можно?
(Смеётся)

[Август]

– О, тебе – не сложно.
Советник ты. А я, при том,
что много делал для шотландцев,
как был, французом так остался.
Я – де Шарон. Я – здесь чужак.

[Уильям]

– Ты знаешь: всё совсем не так.

[Август]

– Не так! Моё здесь всё по праву.
Мой род – хозяин тех земель,
что были Кэмпбеллов. Досель
я не вернул ни их, ни славу.

[Уильям]

– Поедем утром к королю
мы вместе. Я осуществлю,
что просишь ты. Но дай мне слово:
о том, что Грэгор ты – молчать.
Молчать! Я не прошу другого!
Поскольку наш король печать
легко поставит на бумагах
о казни, коль узнает, что
врагу не отказал я в благах.
Ты – враг короны для него.

Закон тебе напомню снова.
Когда король узнает, что
Из клана ты МакГрэгор, то
Сперва тебя, меня второго,
приговорит ко смерти. Я

как соучастник за тобою
пойду на эшафот. Статья
в законе есть такая.

[Август]

– Всё я
отлично понял. И тебе
я обещаю: о гербе
своём не вспоминать. Владенья
верну пускай без славы. Пусть
хотя бы так. К чему сомненье?
Законы знаю наизусть.

[Уильям]

– Идём! Все наши – на причале.
Потом продолжим разговор.
Ты слышишь: там, похоже, спор.

Французы пели и кричали
на пирсе, выпивши вина.

Светили факелы на пристань.
Луна на небе не видна.

Кричали:

– Жак, ты на пари стань
на край.

[Жак]

– С чего бы я, месье?

[МакКэй]

– Ты – смелый!
(Рассмеялись все).

[Жак]

– Коль стану – мне здесь искупаться
придётся. Нет, мерси, друзья.
И риск – занятие для шотландца.
Заметьте, парижанин я.

[Лафайет]

– Друзья, смотрите, здесь течение! —
И как не сносит тут причал?
Какое сильное волнение!

– Я здесь залив переплывал,
семь лет назад, ещё студентом. —
Друзьям похвастал де Шарон. —
Вода, как лёд, хотя и летом.

[Лафайет]

– Ну вот! Француз не утращён подобным риском! Расскажи нам как это было!

[Август]

– На пари.

[Лафайет]

– И с кем?

[Август]

– С Уильямом. Смотри мы поднимались к тем вершинам за портом. Видишь, тот пустырь? Нырлял я с той скалы за милю, где камни держат моря ширь.

[Лафайет]

– Но рисковать в твоём ли стиле?

[Август]

– Ха-ха, соврать не даст Уилл,
что он меня на спор подбил.

Студентами в июньский вечер
занёс нас чёрт иль сильный ветер
троих на пустошь ту однажды,
где только вереск да репей.
(Собрались Вильям, я, МакКэй)

Признаться, к авантюрам жажды
я не имел, не то, что он.
Уилл мне: «Слушай, де Шарон,
бьюсь об заклад, ты снова струсишь
почти что милую тут проплыть».

[Август]

– Смогу легко!
«Дерзай! Иль шутишь? —
МакКэй сказал. – Тому не быть!
Народ французы не рисковый,
не то, что горцы. Мы – смелы,
а вам знакомы лишь балы».

[Август]

– Друзья, и думаете что вы?
Я прыгнул в море со скалы.

[Лафайет]

– И как заплыв? Что было дальше?

[Август]

– Я жив, как видите, друзья.
Но я скажу без доли фальши,
что здесь замёрз изрядно я.

[Уильям]

– «Герой, герой»! – Уилл с издёвкой,
похлопал друга по плечу. —
Тебе я орден не вручу,
хотя похвастал ты сноровкой.

[Август]

– Пускай хороший я пловец,
но я скажу по правде, что я
с трудом тут выплыл. Там такое
теченье!

[МакКэй]

– Есть ли здесь храбрец,
кто повторит подобный «подвиг»?

[Жак]

– Не ты ль?

[МакКэй]

– Я плавал. Пусть другой!
Смеялись снова всей толпой.

[МакКэй]

– Да, незабытым будет тот век,
Кто здесь полмили проплывёт!

– Быть может де Шарон дерзнёт? —
Спросил один тут из французов. —
Он покори́л просторы вод,
Уже однажды! Ну вперёд!

– Да, Август, ты ведь – не из трусов.
Мне докажи, что ты – герой. —

Ему сказала балерина,
его обняв. – Ведь не впервой.

[Август]

– Зачем?

[Она]

– Я верю: смелый ты, но
хочу сама я увидеть.

[Август]

– Все просят подвигов опять!
Меж риском и любовью – где ж я
опасность с риском изберу?

Смеялись гости на ветру.

[Август де Шарон]

– По нраву мне на побережье.

Её целует де Шарон.

Сказал Бернар де Лористон:

– О, я не знаю человека,
кто бы рискнуть настолько смог.
Холодный ветер дует – эко
я здесь на пристани продрог.

– А разве холодно? – Уильям
спросил. – Того не ощутил я.

Стоял Уильям без плаща,
В одной батистовой рубашке,
в камзоле лёгком нараспашку.

Волна о берега хлеща,
разбилась снова с новой силой.

[Уильям]

– Пусть Август остаётся с милой
на берегу. А я готов
проплыть до тех вон берегов.

[МакКэй]

– О, мы ослышались все?! Или...

[Уильям]

– Клянусь, пересеку залив.
Я доплыву до тех вон ив.

[Август]

– Уилл, но это плыть полмили.

[Уильям]

– И что с того?

– Уильям, нет! —
Сказала тут Элизабет.
Прошу тебя: не нужно риска!

[Уильям]

– Да, рисковать – не по-английски.
Но для шотландцев риск – пустяк.

[Бэт]

– Но ты погибнуть можешь.

– Жак,
Какие ставки? – Выпив виски,
спросил Уильям.

[Жак]

– Глупый спор!
И выплыть здесь наперекор
течению просто невозможно.

[Уильям]

– Ха-ха, какая ерунда!
Держу пари я, господа:
мне сделать вовсе то несложно.

[Лесли]

– Безумье! Будто лёд вода!
Смотри: водоворот, течение!

[Уильям]

– Я риск люблю.

[Лафайет]

– О, самомненье
до смерти может довести!

[Уильям]

– Победа только впереди.
И я рискую посему же.

[Жак]

– Ты перебрал!

[Уильям]

– Бывало хуже!
Спокойно! – Бросил перевязь
с мечом Уильям тут на землю.
Советов ваших не приемлю.
Дорогу!
(Все стоят, толпясь.)

[Уильям]

– Ну что стоите? Кто и сколько
поставит против, за меня?

[Лесли]

– «За» – пять монет.

[Уильям]

– Ха-ха, и только?

[МакКэй]

– О, риск и холод оценив,
и что проплыть до тех вон ив,
я против тысяч десять ставлю.

[Уильям]

– Цена дешёвая спектаклю!

Удача будет мне верна! —
Уильям выпивши до дна,
разбил о пирс бутылку.

– Там мы
опять увидимся. – Он прямо
на пристань в миле указал.

Вбежала Бэтти на причал.

[Бэт]

– Уильям, нет!
– Держите даму,
купаться здесь не стоит ей.
И выплыть ей куда трудней! —

Уильям крикнул спешно другу.
И Август взял её за руку,
смеясь, крича тому: «Вперёд!»

Нырнул Уильям в толщу вод.

Она взглянула де Шарону
в глаза.

– Смеётесь вы? Друг тот,
кто друга от беды спасёт,
а не толкает к риску.

– Полно
переживать за шутку вам!

Привычен риск для всех шотландцев.

– Так сами почему остаться
решили вы на суше?

– Да
такие мелочи волнуют!

– Он прыгнул в воду ледяную!
Притом, ещё течение там.

– Благодаря его удаче
с ним не случится ничего.
Мы все рискуем. Как иначе?
Ведь любят нас за удалство!

Поверь, ещё не то Уильям,
бывало, делал, чтоб привлечь
вниманье.

– Ваша странна речь!
Ведь любим мы не за обилье
каких-то выходок иль благ,
мы любим сердцем просто так.

– Вы – поэтичны Бэтти, иль я
прозаик, но скажу одно:
что другу с вами повезло.
Любовь – редка, её не чаще
встречаешь, чем цветы зимой.
Её достоин друг ли мой?
Он знает цену настоящей?

– Смотрите! – Вынырнул Уилл
от пирса в метре. И подплыл
ко сваям оного причала,
где вся толпа гостей стояла.

– Вода отлична! – Он сказал.

[Жак]

– Да брось! Давай уж на причал!

[Уильям]

– Нет! Я ни разу не сдавался. —

Плеснув рукой он, рассмеялся. —

Сказал – переплыву залив.
Тут каждый третий проигрался,
меня столь недооценив.

Сказал ему с насмешкой Эрик,
и подхватили пять друзей:
– Пари ты выиграл! Мудрей,
Уильям, выйти уж на берег!

[Уильям]

– Нет! Вы подумали? Я так —
слова на ветер – лишь мастак? —
И де Шарон, смеясь, ответил:
– Так говорил дружище Жак,
а я такого не заметил. —
похлопав друга по плечу.
– О... – протянул Жак – как серьёзно!
И мне раскаяться не поздно.
Ха-ха-ха-ха. Я заплачу,
тебе свой проигрыш.
– Понятно, —
смеялся Август. – И изрядно!

Отплыл Уильям.
– Что мы ждём?
Скорей на берег тот идём.

Толпа, объятая весельем,
со смехом, криками и пеньем
прошла по парку вдоль воды.

[Бэт]

– Где он?

[Август]

– Волнение. Не видно.
Ну что с того? В том нет беды.
Придём – он выйдет из воды.

– Нужна вдруг помощь?! Очевидно,
вам всё равно?

– Мне очевидно,
что слишком его любишь ты.

Луны забрезжило сиянье.
Ночных цветов благоуханье —
садовых роз и резеды
июньским ветром разносилось.

– Смотри, усилился приборь!.

Волна гремела за волной.
А сердце моря будто билось
в такт сердцу дерзкого пловца.
Смотрели все на храбреца.

[Август]

– Кто-кто, а он на всё за славой
готов идти – на всё, друзья!

[Лафайет]

– И в том отрада бытия!

На пристань дружную оравой
они поднялись, что была
примерно в миле от поместья,
в сравненье с первою, – мала.

[Август]

– О, не могу и перечесть я
Уилла выходок.

[Жак]

– Ха-ха,
но эта – впрямь-таки лиха.

[Август]

– Своих хранит Фортуна, право.
Ему друзья кричали «браво».

[Август – Бэт]

– Напрасно волновалась ты!

Вот он! Выходит из воды.

На брег он вышел средь прибоя
невозмутимо, будто в штиль.
Рукоплескали все толпою.

[Уильям]

– Легко залив я переплыл. —
Друзьям он хвастал. Восхищалась
толпа. Подходит Бет к нему.

– Скажи, Уильям, почему
ты рисковал?
– Тут риска малость.
– Я очень сильно волновалась.

– Напрасно, милая. Я вновь
скажу пред всеми не скрывая:
мне умереть не даст любовь.
Тебе победу посвящаю.

Рукоплескали все друзья.

И обняла его она.

[Бэт]

– Не нужно так, – ты мог погибнуть!
Он рассмеялся. – Жизнь ценна,

когда опасностей полна.
Тебе пора уже привыкнуть:
мне риск любой – всегда пустяк.

Смеясь, друзьям промолвил Жак:

– Такое сделать даже спьяну
не смог бы я. О, нет, друзья!

[Уильям]

– Заливу лишь – не океану
сегодня вызов бросил я.

[Август]

– Тебе – и море по колено.

[Жак]

– Да Ферт-оф-Форт вон точно уж.
А ты так, Август, нет, не дюж?

[Август]

– Я так же мог бы, несомненно,
и то однажды доказал!

[Жак]

– А дважды? Дважды – в чём проблема?

[Август]

– Я умирать бы не желал,
обеих стран снискав медали.

[Жак]

– Но ты везуч.

[Август]

– Когда не пьян.
Все гости дико хохотали.
Лакею пятеро кричали:
– Неси нам виски, Себастьян!

[Уильям]

– А мне, друзья, – так риск по нраву!
Стоять на роковой черте,
ловить, ловить земную славу!
Ведь жизнь на самой остроте
восторгов, новых ощущений
не вызывает пресыщений.

[Август]

– О да, солжёт, кто возразит.

[Уильям]

– Ну кто дерзнёт и повторит?

[Лафайет]

– Таких, Уильям, приключений не повторит никто.

[Уильям]

– Друзья,
а может всё же на спор? Кто же,
как не МакКэй, дерзнёт?

[Алан МакКэй]

– О, я
бы мог, но здесь не стану даже
пытаться.

[Уильям]

– Не по нраву риск?

[Алан МакКэй]

– Не в этот раз!

[Жак]

– Он пьян и вдрызг.

[Уильям]

– Вот так придёт в себя скорее!

И в воду он толкнул МакКэя —
Взметнулась только сотня брызг.

Расхохотались гости громко
Обняв своих богемных дам.
Лишь Бэтти не смеялась там
И тихо отошла в сторонку.

– Смотрите, вынырнул!

– Уилл!

За то ответишь! – Завопил
МакКэй, к причалу подплывая,
рукой схватился он за сваи.

[Август]

– Ха-ха! Друг, то-то! На краю
я посему и не стою. —

И Август дерзко рассмеялся,
тому крича:

– Welcome ashore!²⁷

Дерзнёшь проплыть, МакКэй ещё? —
На пристань кое-как взобрался,

²⁷ Добро пожаловать на берег!

чуть в воду снова не упав,
сказал он, злобный вид приняв:
– Ты, де Шарон, шутить собрался?
Вот здесь бы сам и искупался.

[Жак:]

– Ну Август, выходи, смелей!

Но Август прятался за спины
друзей, ответив важно-чинно:

– Мне – не по титулу, МакКэй,
С тобой в одной купаться луже.

Расхохотались снова.

– Ну же!

Кричал МакКэй толпе гостей:
Скорее расступитесь! Эй!
Ты – просто трус!

И неуклюже

МакКэй пройдясь, чуть упал.
Все чуть не падали от смеха.

И волн разбился новый вал
о пирс, и кто-то тут сказал:
«МакКэю волны – не помеха

он прежде разнесёт причал!»

В толпе разряженной и пёстрой
скрывался Август от греха.
МакКэй, взъерошенный и мокрый,
напоминая петуха,
изрядно жаждавшего мести,
желал уладить дело чести.
Бранясь с акцентом по-валлийски²⁸,
он пробирался сквозь толпу.
– Ты, Август, прогневил судьбу, —
Сказал Уильям, выпив виски.
смеясь на пирсе и куря, —
всё также деланно степенно.

[МакКэй]

– Спокоен ты, Уильям зря.
МакКэй тут выскочил мгновенно,
и в воду Вильяма столкнул.

И прокатился смеха гул.

И в это самое мгновенье
сбежал оттуда Август вмиг.

²⁸ Валлийский язык – распространён в западной части Британии – Уэльсе

МакКэй, как разъярённый бык
за ним погнался в озлобленье.
Уильям вынырнул спустя
секунды две. На пирс взойдя,
спросил он у гостей (с оглядкой
назад), слегка прищутив взор.

[Уильям]

– Ну что там наш «тореадор»?
Так и останется загадкой?
Сбежал ли? Жив ли? Принял бой?

[Жак]

– Круги наматывает парком.

[Уильям]

– Я должен это лицезреть.
И где же он? Куда смотреть?

[Брюс]

– Не видно ничего за Кларком!

– Я закрываю целый парк? —
Друзьям шутя ответил Кларк.

То был француз в камзоле ярком

И шляпе. Театрально он
Им указал, где де Шарон.

– Догонит – бой там будет жарким!

[Лафайет]

– Вот он!

Вдоль рощи ивняка
настичь бежавшего «врага»
МакКэй неистово пытался.

– Эй, друг, тут явно быть беде! —
Уильям, крикнув, рассмеялся. —
Спасёшься, Август, лишь в воде!
МакКэй тому кричал вдогонку:
– На этот раз ты не уйдёшь!

[Жак]

– МакКэй, оставь его! Хорош!
На пирсе хохотали звонко.

[Уильям]

– Друзья, да ладно, их забег
рекордом посчитать мы можем.
И что ни делал человек,
Чтоб меч не вынимать из ножен!

[Жак]

– Намёк, что Август трусоват?

[Уильям]

– Ну что ты? Август трус едва ли.
Ему и лавры и медали
за смелость можно присуждать.

[Уильям]

– Смотрю, всё близится к итогу.

Тут кто-то из друзей сказал:

– Эй, расступитесь же! Дорогу!

Кто не успел – тот уж пенял
сам на себя, упавши в воду.

По пирсу Август пробежал,
МакКэй почти его догнал
И тут, не глядя на погоду
и холод, Август прыгнул в воду,
хотя и был изрядно пьян.
За ним – МакКэй и Себастьян,
попав под руку в этом раже,
и десять медливших – туда же.

[Жак]

– Друзья, МакКэй во гневе страшен!
– Да нет – смешон! – Сказал Уилл. —
Пускай в воде остудит пыл.

Вот Август вынырнул.

[Уильям]

– Ну спасся
ты от МакКэя, наконец?
А вот и наш второй пловец!

Но, судя по его гримасе,
Увы, заплыв не удался. —
Присвистнул Вильям, бровь поднявши
Куря сигару, как и раньше.
Толпа друзей смеялась вся.

– Течение здесь, как на Ла-Манше
Вы – подлецы. – МакКэй кричал. —
Рукой хватаясь за причал.

– Добро пожаловать на сушу!
МакКэй, нужна ли помощь? Ну же!

Уильям руку протянул.

МакКэй желал схватиться.

– Шутка!

И прокатился смеха гул.

Отдернул руку Вильям. Жутко

МакКэй ругался, ведь упал

Опять он в воду. На причал

Вот Август выбрался.

– О, в луже

Поныне плещется МакКэй?

Сказал с оглядкой Август.

– Ну же!

Не падай вновь! Смелей, смелей!

МакКэй бранился на друзей:

– О, вам припомню этот день я!

Какой здесь холод и течение!

Нырнул я будто бы в фиорд.

На пирс он вышел зол, но горд.

И хвастал де Шарон на суше:

– И кто сказал, что я и струшу

Проплыть?

[Уильям]

– О, ты побил рекорд,
Уильям снова рассмеялся,
того похлопав по плечу. —
Забег, да и заплыв удался,
на славу, друг. Я не шучу.

– Ну что ж, друзья-авантюристы.
Я проиграл сегодня триста! —
Сказал, считая деньги, Жак.

[Уильям]

– Ты не один, кто просчитался.
Таких немало здесь, ведь так?

Уильям лишь расхохотался

[Август]

– Каков здесь холод! Я продрог!
И в этом я – не одинок.

[Уильям]

– Весьма чудно для рекордсмена!

Здесь Эдинбург, а не Сиена,
где берег даже в ночь согрет —

Сиял над склонами рассвет.

[Уильям]

– Вот так рассвет мы не встречали.

Французы пьяно хохотали
и пели песни.

– Эй, друзья,
не плохо в дом бы да к камину.
Кто в холод сей подобен финну?
Простите, точно уж не я!

[Жак]

– О, де Шарон уже жалеет,
что он покинул свой Прованс.

[Август]

– Хотя прекрасно и у нас
Но Эдинбург люблю сильнее.

Уилл сказал: «Ну что же? В дом!
Рукой махнул он всем – Идём.

Идя толпою то шутили,
то пели песни, то памфлет
слагали. Ясно, не забыли
сложить язвительный куплет
о нашем Алане МакКэе.
И было зрелище смешнее,
когда бросался в драку он,
а полупьяный де Шарон
хоть кое-как, но уклонялся
от тех попыток. Он лишь дрался
В дуэлях, думав: кулаки —
лишь в ход пускают простаки.

Веселье в доме продолжалось.
И разъезжаться по домам
толпа гостей не собиралась.
Поют, смеются здесь и там.

Расселись у камина гости
погреться, высушить наряд.
Поют, играют в карты, кости,
Смеются, шутят, говорят:

- Друзья, скажите, а Уилл где?
- Не знаю, здесь недавно был.

К гостям Уильям вышел в килте.

– Танцуем джигу или рил?

– И то и то. Сказал Уилл. —

Скрипач, волынщики – играйте.

Сказал скрипач: «Мне ноты дай те.»

На скрипке Август заиграл.

И оживился тут же зал.

Затем волынки заиграли,

затанцевали гости в зале

зазорный рил, собравшись в круг.

Средь них МакКэй лишь был не весел,

Не танцевал, как все; и вдруг

промолвил он, поднявшись с кресел:

– А что мы празднуем вообще?

Ведь заключение союза

с Парижем станет нем обузой.

Каков порядок всех вещей?

Мы исполняем договоры,

другие – нет. Мы – вам солдат

своих отправим очень скоро,

но бой окончится – и вряд

ли вы тогда, французы, помощь

свою окажете нам. Что?

Свои покинете шато²⁹
и с нами вместе средь побоищ
вы драться будете, месье?
Вы нас используете все!

– А понял сам, что здесь сказал он? —
Завозмущался Лафайет. —
Друзья не предают ведь, Алан!
Без соглашений нет побед!

[Алан МакКэй]

– Когда окончится война,
уйдёт захватчик с территорий
французских, вы средь плоскогорий
шотландских выйдете? Нужна
нам будет помощь, без сомнений.
Но сила войск истощена
Французских будет средь сражений.
Тогда, что пакты соглашений?
Увидим мы: договора —
односторонняя игра.

[Август]

– Когда не веришь ты французам,

²⁹ Шато́ (фр. Château) – фр. замок

тогда шотландские войска
пускай ведёт шотландец.

– Брюса
одобрите наверняка. —

Спросил Уильям:

– Брюс МакТавиш,
войска шотландцев ли возглавишь
в Кале, Париже, а затем
ты поведёшь французов, чтобы
они сражались здесь? Ты всем
доверье заслужил.

Особо

не сомневаясь, молвил Брюс:

– Я новой миссией горжусь!

Прошёл по залу слабый шёпот.

Переглянулись. И МакКэй
сказал: «Конечно вам видней,
но почему он? Разве опыт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.